30.2
440

Современная пролетарская литература

1р. 50к.

Л. Ольховский и К. Евстафьев

Последняя гимназия

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга появилась в пику идеалистической «Республике Шкид» и, также, написана бывшими Шкидовцами Ольховским (в «Республике Шкид» — Саша Пыльников) и Евстафьевым (появился в школе уже после ухода оттуда Пантелеева и Белых, здесь — Химик-Механик). Роман повествует о периоде упадка школы, начиная с 1923 г., частично пересекаясь с предыдущим произведением, и преподносит значительно более мрачную картину жизни «дефективных». Многие считают произведение конъюнктурным, написанным в момент критики педагогической системы Викниксора (Виктор Николаевич Сорока-Росинский) Крупской и Макаренко. Вместо в меру либерального заведующего в «Республике» здесь он представлен деспотом-самодуром, выгоняющим наиболее талантливых воспитанников не подготовленными к жизни, но и, одновременно, единственной силой, способной справится с гопническим элементом.

-
- Предисловие
- Глава первая (вступительная)
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая. (Эпилоги)
- notes
    - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12

Евстафьев Константин
Ольховский Павел

Последняя гимназия

Предисловие

Со школой им. Достоевского (сокращенно ШКИД) мы познакомились по нашумевшему роману воспитанников этой школы Л. Пантелеева и Г. Белых.

Выходцы той же «Республики ШКИД» П. Ольховский и К. Евстафьев задумали продолжить жизнеописание школы, доведенное в «Республике ШКИД» только до 1923 года.

Таким образом «Последняя гимназия» является фактически продолжением романа Л. Пантелеева и Г. Белых.

Авторы «Последней гимназии» подошли значительно серьёзней к теме. Если в романе тов. Пантелеева и Белых школа выглядит этаким «домом шалунов», правда трудно воспитуемых, но все же местом, где маленькие беспризорники безусловно превращаются в конце-то концов в полезных членов общества, то «Последняя гимназия» несравненно суровее разделывается со школой.

Роман т.т. Ольховского и Евстафьева явно задуман как разоблачительный документ. Роман беспощадно разбивает то несколько идиллическое впечатление, которое остается от книги «Республика ШКИД».

Таким образом, если первый роман о школе им. Достоевского грешил излишним затушевыванием подлинной действительности, то второй роман, наоборот, характерен подчеркнутым сгущением красок.

Т.т. Ольховский и Евстафьев несколько недооценили факта создания в Республике Советов в период голода и разрухи школы, рассчитанной на перевоспитание беспризорников.

Без средств, без педагогических кадров было затеяно труднейшее предприятие по переделке искалеченной природы одичавших беспризорников. Понятно, что тут было великое множество ошибок и основная та, что школа слишком уж походила на старую классическую гимназию.

Излишний упор авторов на личность заведующего школой может оставить впечатление, что тяжкий путь школы объясняется индивидуальными особенностями её руководителя, тогда как причины эти более общие и более важные.

Если авторы «Республики ШКИД» в тёплых тонах нарисовали образ Викниксора (так прозвала Шкида своего заведующего), то авторы «Последней гимназии» превратили его в упрямого, грубоватого человека, не умеющего ладить со своими буйным воспитанниками.

Разлад между Викниксором и школой объясняется и первую

очередь тем, что педагогический опыт, полученный в буржуазной школе, давал злейшую осечку при применении к новому социальному материалу.

Большая ценность романа «Последняя гимназия» в том и состоит, что тут с большой рельефностью показан Разрыв между буржуазной педагогической системой и новой социальной средой.

Педагогическое руководство делало всё для превращения советской школы в чисто гуманитарный институт. Но институты, так любовно воспетые Чарской, не могли строиться на людском материале питерских беспризорников.

Дикая орда испорченных улицей ребят могла быть превращена в разумный коллектив только системой трудового воспитания. Но этого и не было в ШКИДе, где ребят заставляли по десять часов в сутки зубрить иностранные языки и упорно налегать на литературу.

Руководство школы неуклонно тормозило самодеятельность, срывало попытки ребят построить самоуправление и тем мешало выработке коллективистических навыков.

Недаром заведующий школой, взамен созданного ребятами юнкома, советовал наподобие английских школ создать организацию только лучших учеников — тутеров.

На этом примере ясно видно, как опыт буржуазной школы механически переносился в совершенно иную социальную среду.

Авторы «Последней гимназии» совершенно правы, когда указывают, что ШКИД это отнюдь не единичное, случайное явление. Таким тяжелым ухабистым путем развивались наши школы дефективных детей.

Проблема перевоспитания беспризорников отнюдь еще не решена, и тем большее значение приобретает изучение психики трудно-воспитуемого ребенка. «Последняя гимназия» дает для этого богатейшую галерею интереснейших типов.

Авторы склонны несправедливо отрицать то положительное, что дала школа им. Достоевского, несмотря на все свои огромнейшие недостатки. Т.т. Ольховский и Евстафьев не учитывают хотя бы тот разительный факт, что именно из этой школы вышли авторы двух чрезвычайно интересных литературных произведений.

Анатолий Горелов.

Глава первая (вступительная)

1

После зимы, как известно, бывает весна и лето… Зимой и весной в школах занимаются, а летом ничего не делают.

Эту немудрую истину особенно твердо помнили в Шкиде (так сокращенно назывался детдом для дефективных: «Школа имени Достоевского» — Шкид), помнили не только одни воспитанники — шкидцы, но и воспитатели — «халдеи»: программы летней школы загонялись в самые тёмные углы шкафов, об экскурсиях говорилось всё туманней и туманней, хотя, впрочем, ребята и не пылали особенной охотой путешествовать.

В мае месяце халдеи начинали понемногу «смываться» и «сматываться», т. е. попросту говоря, уходить в отпуск, а шкидцы начинали «вертеть вола» или «трепаться», т. е. попросту говоря, ничего не делать.

Так начиналось лето.

В 1923 году всё шло, как было заведено и положено по закону, но к августу тихое и беспорядочное благополучие всё-таки нарушилось…

Половина воспитателей в это время была в отпуску; заведующий школой Виктор Николаевич (сокращенный предприимчивыми ребятами в Викниксора) уехал в Москву на сельскохозяйственную выставку, а шкидцы, наотдыхавшись за июнь и июль, принялись развлекаться.

Развлечения вначале были мирны и невинны. Носились ночами, закупавшись в одеяла, по школе, пугали и сбивали с ног халдеев, утраивали кошачьи концерты, плевали с самым добродушным видом из окон на прохожих или, наконец, крали из учительской «Летопись» — толстейшую книгу, куда записывались все проступки воспитанников, — и тащили её жечь.

Но однажды в Шкиде исчезли все электрические лампочки. А на другой день из спальни пропало несколько пар сапог. Ещё через день оказалась взломанной и обворованной кладовая. Потом с соседнего, закрытого в войну завода огнетушителей, пришел с милицией сторож разыскивать срезанные ночью провода и свинцовые трубы…

Шкидцы знали, что это работают со своими сламщиками — подручными из малышей — четверо старших ребят, приобретших впоследствии грозную кличку «особенных».

Эта четверка — Цыган, Бык, Гужбан и Бессовестин — сошлась

между собой случайно, и общего у них ничего не было.

Цыган и Бессовестин — четвероклассники, умные и способные ребята, дельные ученики, впрочем, уже в возрасте и начинавшие скучать.

Гужбан, первый в Шкиде после Купца силач, высокий широкоплечий детина из третьего отделения, с узким лбом, заросшим черными жесткими волосами, с толстыми вывороченными губами и узловатыми по обезъянне длинными лапами, всем обличьем похожий на ломовика, прехитрое и предобродушнейшее существо — недавно был прислан из пересыльной тюрьмы. Хотя на вид ему было лет восемнадцать, документы представил он на пятнадцатилетнего. Разница в три года, куда входили кражи, тюрьма, приводы — давала возможность спасаться как несовершеннолетнему от суда и заключения… В Шкиде Гужбан науками не интересовался, занимался через силу и больше думал насчет того, что плохо лежит…

Бык, тоже третьеклассник, ничем особенным, кроме силы, не отличался.

Эта четверка, после отъезда Викниксора в Москву, воспользовавшись временным беспорядком и замешательством, поворовывала. Сперва работали порознь, потом группой, потом со своими сламщиками. Работали не по-шкидски — широко, обделывали дела, которые подстать были и профессиональным скокарям. Этот «промысел» так захватил школу, что, пожалуй, половина всех шкидцев начала заниматься им…

Дошло до того, что даже Кося Финкельштейн, лирический поэт Кося, и тот увлёкся этим прибыльным делом…

Однажды ночью, трясясь от страха и судорожно лязгая зубами, он перелез забор, вынеся в своих огромных поэтических штанах до полпуда скобленого свинца с завода огнетушителей.

2

В середине августа из санатории приехали шкидцы — четвероклассники: Иошка и Гришка Белых. Немного раньше вернулся от родных Ленька Еремеев, куда он был на месяц сослан Викниксором после того, как, разыгравшись, переколотил однажды в прачечной стекла… Вся компания, которую делили еще Воробей и грузин Дзе, была между собой дружна, мнениями расходилась не очень и в первый же вечер собралась у Сашки в школьном музее (которым этот шкидец заведовал) и там, между прочим, зашел разговор о воровстве и о бузе…

Больше всех говорил Иошка. Остальные ребята отнеслись к школьным событиям довольно равнодушно, потому что и сами бузили, а Лёнька в свое время даже организовал «таинственный орден летучих мышей» (задачи «ордена»: закутавшись в одеяла, ордами, носиться по школе, сбивая всех и всё с ног)…

Лёнька с Воробьём, хваставшиеся вчерашней бузой, сначала сконфузились, когда Иошка сказал, что со всем происходящим сейчас в школе надо бороться, потом обозлились и начали с ним препираться. Однако сейчас же всё объяснилось. Иошка привел несколько примеров, когда не только воруют, но и «наводят» на кражи, занимаясь скупкой вещей и выдачей денег под будущие удачи.

Летом того же года, среди шкидцев появился новый воспитанник — Вознесенский.

Новичок (про которого рассказывали, что он сын знаменитой балерины) прежде учился в балетной школе и был оттуда исключен за воровство.

Был он высоким шестнадцатилетним юношей, очень стройным, легким на ходу, с красивым девичьим лицом и длинными, слегка вьющимися волосами… В четвертом классе, куда его посадили, он держался скромно и незаметно, но через несколько дней сдружился и сблизился со многими из младших шкидцев. Потом поползли слухи, что он занимается скупкой краденого, «наводит» и сам ходит на «дела» и снабжает своих подручных деньгами «под сдачу». Потом стали обращать на себя внимание некоторые ненормальности и подозрительно-странные отношения с младшими ребятами. Впрочем, всё было замаскировано, и о скупке краденого и обо всём прочем знали только по слухам. И выходило, что дела у Вознесенского во всех областях идут крупно и успешно.

На другой день после разговора в музее Дзе подошел вечером к Вознесенскому, заговорил с ним и за разговором как бы невзначай подвёл его к дверям. Он неожиданно втолкнул своего собеседника в комнату и защелкнул за собой дверь.

В музее за длинным столом сидели Иошка, Гришка и Воробей. Сбоку Сашка приготовлял для протокола бумагу. Дзе и Лёнька стояли возле Вознесенского…

— Тебя сейчас будет судить тайный трибунал, — сказали они и подтолкнули его к столу.

Иошка задавал вопрос, Сашка записывал.

Вознесенский спросил, в чём его обвиняют. Иошка начал перечислять, но при словах «развращение младших» обвиняемый подскочил и дал ему хлесткую пощечину. Тогда Дзе наотмашь ударил Вознесенского по лицу. Сашка вскочил из-за стола и

замахал руками. Началась свалка.

Ночью приехал из Москвы вызванный тревожным письмом Викниксор. Днём было общее собрание, где он громил воров (на что, впрочем, «особенные» небрежно заметили: «пугает»), а вечером вызвал к себе в кабинет весь «тайный трибунал».

3

Викниксор кричал, что не потерпит у себя в школе никаких самосудов, и при этом тряс письмом, которое ему оставил Вознесенский, убежавший утром из Шкиды.

Когда Викниксор, накричавшись, замолчал, Иошка объяснил, что они хотели этими судами очистить школу от всей накопившейся за лето дряни. И хотели делать это, исключительно желая помочь выправить школу (вообще-то Иошка говорил долго, много, горячо и путано, но такова была основная его мысль).

Викниксор слушал удивленно. Потом обрадовался, захлопотал, усадил ребят и, забыв о Вознесенском, принялся обсуждать с ними планы общешкольной воспитательной работы. Проговорив до полночи, решили организовать кружок — ячейку школьного строительства под названием «Юный Коммунар», которое сейчас же сократили в «Юнком», а себя решили называть «юнкомцами».

Глава вторая

1

Иошка с Гришкой сидят в музее, переименованном теперь в клуб, на подоконнике и разговаривают…

Иошка — маленький человечек, босой и без пояса, одетый в донельзя затрёпанные, обвисшие, чёрные штаны и в ещё более затрепанную бывшую когда-то серой рубаху, которая сидит на нем теперь вроде капота на швабре. Рубаха расстёгнута в вороте, откуда торчит худенькая шея, на которой покачивается маленькая головёнка с тоненькими, растрепанными волосиками. Лицо у Иошки бледное, испитое, с большими черными глазами и с красным, как у пьяницы, крошечным пуговичным носиком. Говорит Иошка не по росту и виду зычно и смело, очень часто и много смеётся, растягивая свой большой синеватый рот с неровными словно лошадиными зубами.

Гришка, его собеседник, лучший в Шкиде художник, имеющий, кроме имени, еще разнообразные клички в роде «Янкеля», «Подлого», «Тартюфа», слушает внимательно, изобразив на своем худощавом и подвижном лице неопределенную хитрую улыбку. Фигура у него подвижная и гибкая. Впрочем, сейчас, в шкидской коломянковой рубашке и штанах из чертовой кожи, он выглядит неуклюжим и горбатым.

— Юнкому есть где развернуться, — говорит Иошка, размахивая руками. — Мы должны работать, как работает комсомольская ячейка… И по программе и по тактике… Что раз наметили, от того уж не отступать, а вести до конца. Как вот: борьба с воровством и за школьное строительство… Конечно, умело только надо, особенно вначале…

— Правильно, — осторожно соглашается Гришка.

В глубине комнаты суетится, снимая со стен диаграммы и убирая со стола журналы, чтобы очистить помещение для клуба, заведующий музеем Сашка.

У нескладного Сашки широкое добродушное лицо и маленькие припухшие глазки. За последние месяцы он очень вытянулся и сейчас стыдится своего роста, постоянно стараясь спрятать длинные, с широкими ладонями руки, торчащие из коротких рукавов рубахи.

Ещё только семь часов утра, но Шкида уже просыпается. Наверху в спальнях звенит звонок; слышно, как топают и возятся ребята; слышно, как в умывалке начинает гудеть пущенная из

кранов вода; слышно, как в столовой гремят кружками и готовятся к чаю. Потом на несколько минут всё затихает, и наконец снова слышится звонок: сейчас всем надо собраться в спальнях, построиться парами и идти и столовую.

После чая в музее собирается весь Юнком. Ребята заняты серьезной работой: Гришка вместе с Лёнькой готовят газету, Дзе и Воробей пишут большой плакат «В новую жизнь через новую школу», Сашка протоколит вчерашнее «организационное» собрание, а Иошка сочиняет манифест.

— «Не запираться в отчужденную от масс секту… Юнкомцы должны быть впереди школы…» Правильно? — спрашивает он…

— Правильно.

— «Цель Юнкома состоит в содействии школьному строительству и активному участию в нём»… Правильно?

— Правильно!

— «Первоочередной своей задачей ячейка ставит искоренение воровства, хулиганства, картежничества и других проявлений и привычек преступного мира».

— Сегодня ночью опять трое засыпались, — перебивает его Лёнька. — Слыхал? Фановые свинцовые трубы срезали. А в кладовой замок сбили.

— По этому случаю я напишу заметку, — прибавляет Гришка, не отрываясь от газеты, где он сейчас старательно разрисовывает заголовок. — А кому-нибудь надо нацарапать статью о кухонном старосте. Совсем зарвался, стерва! Видали, какие пайки хлеба он утром раздавал? С гулькин нос.

Иошка, торопливо закончив манифест, принимается за статью о кухонном старосте.

Когда весь материал будет готов, его отдадут Гришке, чтобы вписал в газету. И надо будет убирать музей под клуб.

Так незаметно прошел весь день. Ребята почти не вылезали из музея, появившись только за обедом и ужином. К вечеру главная работа была кончена. Шкидцы осмотрели готовую газету с манифестом и сообщением об организации Юнкома, вывешенную в столовой, и отправились гулять… В музее остался один Дзе, решивший не терять лишнего времени и принявшийся разрисовывать доску для объявлений.

2

Когда ребята вернулись в Шкиду и позвонили, двери им открыл сам Курочка, кухонный староста. Он хмуро оглядел их и, пропустив в тёмный и грязный шкидский коридор, запирая дверь,

хмуро забубнил:

— Так-с… Здрасте, наше вам! Граблю, значит!..

Наверху в зале закричали:

— Ищейки пришли!

Ребята переглянулись.

— Это они про вас, — осклабился вдогонку староста: — про ячейку вашу, про Юнком…

На стене в столовой газеты уже не было, только грязные и оплёванные клочья её валялись раскиданными по полу, а на том месте, где она висела, тянулась разухабистая карандашная надпись: «Бей ищеек»…

Ребята уже не смотрели друг на друга и пошли быстрее. Иошка толкнулся в музей. Двери были заперты.

Открывай! — крикнул Иошка. — Кто там? Чего заперлись?

— Не кричи! — ответил, открывая изнутри, Дзе. — Зачем кричишь?.. Посиди на моём месте — и не так замкнёшься…

Дзе рассказал, как после их ухода минут через двадцать в столовой зашумели (музей находился рядом со столовой, через комнату). Там собралась толпа, слышен был Курочкин крик:

— Свои же ребята по накатке пошли!

Орал Гужбан:

— Надо бить ищеек!

Потом рвали газету. Потом ломились в музей.

Дзе притаился, и шкидцы, решив, что там никого нет, разошлись.

Ребята молча прослушали этот рассказ. Того, что произошло здесь недавно, они никак не могли предполагать и теперь с крайним смущением переминались и переглядывались…

Неожиданно зазвонил звонок, вдалеке затопотали. — Пить чай!..

Юнкомцы беспомощно оглянулись на дверь. Сейчас надо было идти в столовую, показываться перед всеми и вообще что-нибудь делать.

Иошка молча прошелся по комнате и, повернувшись к ребятам, сказал:

— Надо собрание устроить… Постановили сегодня утром. Помните?

— Помним, — тоскливо отозвался Гришка. — Что ж из этого?

— Устроим это собрание открытым, позовем, на него всех желающих и поговорим об Юнкоме. Надо привлекать и остальных шкидцев.

Снова закричали «пить чай», но теперь уже близко, почти у самых дверей.

— Идём, — забеспокоился Сашка. — Идём, братцы, а то

подумают, что мы прячемся.

В столовой — мрачной полутёмной комнате с низким потолком, с длинными, расставленными четырехугольником столами, с портретами Маркса и Достоевского и с огромным плакатом-подсолнухом, эмблемой школы на стенах, — уже собрались все шкидцы. За столами было шумно и весело, но при появлении в дверях юнкомцев всё вдруг стихло, потом раздался свист, топот.

Ищейки!.. Накатчики!..

Ребята молча прошли на свои места и сели. Иошка остановился посреди столовой и поднял руку.

Столовая замолчала.

— После чая в музее состоится собрание, — бодро и громко сказал Иошка. — Юнком приглашает всех желающих, которые хотят…

— Долой!

И — свист… топот…

Видно, как шевелятся Иошкины губы, но слов за шумом не слышно. Махнув рукой, он идёт на своё место.

— Суки! — шепчет Лёнька.

На собрание в музей никто не пришел. Ряд заранее приготовленных скамеек так и остался пустовать, и прежнее чувство страха, чувство неизвестности, беспокойство, сомнения — опять овладели юнкомцами. Они сидели не зажигая света и ко всему прислушиваясь. И когда по звонку надо было отправляться спать, никто не тронулся.

— Нас наверное отволохают в спальне, — предположил Дзе.

— Пускай попробуют, — крикнул Гришка. — И сами огребут не меньше, — крикнул надорванно, несмело и сам себе не поверил.

Но маленький воинственный Воробей взмахнул вытащенной откуда-то железной палкой от кровати.

— Я проломлю голову первому, кто сунется ко мне.

Иошка улыбнулся.

— Что ж… Вооружимся и мы, ребята…

В спальне, против ожидания, ничего не произошло. Вся шестерка имела достаточно внушительный вид, а начавшему приставать Бобру Воробей погрозил палкой…

Так прошел первый день существования Юнкома, первый день шкидской общественной организации.

3

Ионин, Ионин!..

Кричали с улицы.

Под окнами, задрав кверху голову, стоял человек с очень тоненькими ножками, которые на манер зубочисток, воткнутых в рыжие ботфорты, торчали из под долгополого пальто.

Он выпячивал шею и пискливым голосом взывал: — Ионин… Ионин!..

Через подоконник во втором этаже перевесилась лохматая Лёнькина голова. Секунду он глядел вниз на человека, потом нырнул обратно.

— Иошка! Там тебя Богородица зовет.

— Слышу, — ответил Иошка…

Богородица был прежде воспитателем в Шкиде, и когда узнал, что через несколько недель его сократят, принялся собирать обличительный материал против Викниксора… А материал был: Иошка, одно время сильно недовольный, всячески поощрял Богородицу, обещал подписи, факты, показания.

Но Богородицу сократили раньше срока и теперь, в жажде отмщения, он стоял под окнами:

— Ионин!.. Ионин!..

Иошка тоскливо оглядел ребят, как и вчера, с утра собравшихся в музей.

— За материалом пришел….

— Не давай, — всполошился Сашка. — Не надо, что ты… Ты же юнкомец!

Окошко тихонько прикрыли… Но Богородица оказался настойчивым, прошел в Шкиду, и несколько минут спустя в двери музея послышался осторожный стук.

В комнату просунулось испитое и вытянутое лицо уставного халдея.

— Можно? Здравствуйте, дорогие товарищи! Дело моё на мази-с, — заговорил Богородица, словно соблазняя и торопливо оглядываясь: — ему будет дан верный ход… Да-с… Верный ход… Я у прокурора был… В Губоно был… У следователя был… Все-с… все одобряют… Очередь, можно сказать, за вами… Документики-с… Фактики… подписи… Заявление у меня, кстати, приготовлено-с… Вам подписать, только подписать… Помните, обещали.

Иошка заулыбался, закивал с каким-то испуганным выражением.

— Как же, как же… Мы помним… Покажете заявление?

— Пожалуйста! — Богородица вынул из-за пазухи несколько больших листов бумаги и протянул их Иошке…

— Ого, да тут целое сочинение…

Богородица довольно хихикнул и потер руки.

— Всё-с… Всё описано в точности; и не подкопаешься.

Иошка держал в руках заявление, и испуг на его лице обозначился ещё больше. Ему было совестно за себя, стыдно за Богородицу, за ребят, за всех, кто когда-то поощрял этого халдея на донос. Нужно было бы теперь сразу высказать ему своё нежелание, отшить его, но момент был упущен, заявление Иошка держал в руках и уже готов был подписать его, чтобы избавиться от кляузника…

Надо было решаться.

Иошка подумал и протянул заявление Лёньке.

— Отнеси это.

Лицо Богородицы дрогнуло.

— Не беспокойтесь. Он снесёт его подписать Косе Финкельштейну, тот наверху, — и чуть слышно, одними губами, что заметил только Лёнька, Иошка добавил: — Викниксору…

О приходе Богородицы в Шкиду раньше всех узнали «особенные».

Они всегда вертелись на кухне и возле неё, и первые увидели входящего халдея. Они имели все основания радоваться успеху богородицыного дела. Ведь с приездом Викниксора исчезла почти всякая возможность заниматься по-прежнему воровством, промыслом, который давал независимость и деньги. А всякое вмешательство было бы для них полезно.

Впрочем, так рассуждал только один Цыган, самый умный и дальновидный из всех «особенных». Остальные просто злорадствовали и радовались, что Викниксору, их заклятому врагу и мучителю, придется плохо…

— Молодец Богородица, — говорили они. — Даром, что халдей, а сообразил… Здорово придумал.

Гужбан, колотя себя в грудь, убежденно прорицал:

— Теперь Вите гибель. Амба!.. Вите теперь не жить, верьте слову, братишки.

Братишки верили. Всем почему-то представлялось, что «это» должно произойти сейчас, здесь, у этих дверей; здесь посрамится Викниксор, здесь выйдет Богородица, и здесь они увидят всё, увидят редкое представление, увидят чудо…

И увидели.

Неожиданно у музея появился Викниксор.

Он распахнул дверь, взглянул на Богородицу и потом сказал:

— Вон!.. Сию же минуту вон отсюда!

Викниксор стоял в дверях, заняв полпрохода и вытянув вперёд руку.

У отставного халдея была лишь одна мысль: выскочить как

можно быстрее в дверь, ставшую такой узенькой, — выскочить, чтобы эта вытянутая рука не опустилась ему на голову.

— Во-он! — затопал Викниксор, и Богородица стремительно вылетел из музея.

Он бежал не оглядываясь, путаясь ногами в пальто, промелькнул мимо «особенных» и скрылся.

А сзади, тяжело ступая, шёл Викниксор, и летели клочья разрываемого им «доноса».

Юнкомцы хохотали до слёз, смотря из дверей музея, как гонят по коридору халдея и выпроваживают на улицу. Но смех стал стихать; на лицах ребят появилось недоумение, потом испуг, страх, и дверь захлопнулась…

К музею шли «особенные». Их возмутило не то, что юнкомцы обманули Богородицу, — тот был халдей, и по отношению к нему, следовательно, всё допустимо, — но ведь теперь он пришёл как сообщник, как мститель, и его обманули, с головой выдав Викниксору. Теперь этот мститель гремит, выкатываясь по лестнице…

«Особенные» не выдержали; неприязнь к «ищейкам», «выскочкам», «подлизам», «накатчикам» и «лягавым» превратилась в ненависть

— Открывайте, мать вашу, — закричал Гужбан, и дверь вздрогнула под его кулаками.

За дверями засуетились, задвигались, забегали. Гришка нетвёрдым голосом спросил:

— Ч-что тебе надо?

— Открывайте, суки!.. Разговоры разговаривают… Ну?

— Не надо открывать, — взвизгнул Иошка.

Дверь загремела от посыпавшихся на неё ударов.

— Да что тебе надо, Гужа? — умоляюще прокричал Сашка.

— Разбить кой-кому харю.

— Кому?

— А тем сволочам, кто на Богородицу накатил.

— Н-не надо открывать! — разом крикнули и Иошка и Лёнька. — Заприте дверь…

— Открывайте, паскуды! Хуже будет.

В музее не отвечали. Там торопливо возводили у дверей баррикаду, воздвигали огромную кучу, куда валили столы, стулья, скамейки. Валили витрины, тумбы, доски, валили ящики, экспонаты, книги, — а дверь грохотала, трещала, — за ней собралась толпа, пробовали вышибить кулаками, плечами, наваливались кучей, потом выволокли из класса парту, оттащили и с размаха хватили по дверям.

Дверь рухнула…

— Бей гадов!

— Ищейки!

— Бей!

Иошке досталось первому. Гужбан знал в кого метить, а кулак его был тяжел и грузен. Сашка отпрыгнул в сторону, но в него вцепился Бык, и они, колотя друг друга, визжа и царапаясь, покатились по пыльному полу. Воробей отбивался в углу, размахивая своей железной палкой.

Но уже от канцелярии, сверху, снизу, из классов, коридоров бежали любопытные.

Стоявший на стреме Козел свистнул, потом крикнул: «зекс», потом побежал в музей.

— Халдеи!..

Нападавшие разбежались.

Всё случилось быстро и стремительно, и от момента когда упала дверь, не прошло и полминуты. Иошка поднялся с пола. Поднялся Сашка. У обоих были разбиты лица: у Иошки распухла и кровавилась губа. У Сашки стояли волосы, и синяком подмигивал глаз.

— Здорово! — выдавил из себя Сашка.

— Здорово! — согласился Иошка и сплюнул. На полу появилось кровавое пятнышко и что-то щелкнуло.

— Зуб.

Музей был разгромлен. Вся мебель лежала у порога, одним концом на неё упала сверху дверь, и кучами лежали разбросанные бумаги.

— Надо убрать, — глухо сказал Иошка и, сморщившись, схватился за губу. — И закрыть дверь… — И потом поговорить…

— Зачем потом? — удивился Дзе. — Сейчас говорить надо… Устраивай заседание.

У Иошки нестерпимо заныла губа, но он нашел силы сострить:

— Так как же заседать, братцы, когда сидеть не на чем?..

— Посидеть? — отозвался от порога Воробей, пробовавший закрыть полусбитые двери. — Пожалуйте! Сейчас устроим, — и начал оттаскивать из баррикады скамейку. — Садись.

Юнкомцы покорно сели на подставленную скамью. Воробей, после яростной обороны в углу, чувствовал себя героем и поэтому, взяв почин, заговорил:

— Молчите?.. Хорошо?.. Тогда я скажу… И скажу вот что: стукнули нам немножко, а уже из нас цыца поперла.

— Хороша цыца! — огрызнулся Сашка. — Вся школа бить поднялась! Цыца-а!

— А вы, дорогой Саша, закажите себе очки да получше,

какие-нибудь с вентилятором… Вся школа!.. Скажет тоже… Кто бил, видел?.. Особенные — раз… сламщики — два!.. Всё… человек десять… А он — вся школа!..

— Ну и что из этого?

— Да ничего… Не вся школа…

— Стойте граждане, — вмешался оправившийся Иошка! — Помните, что мы вчера в манифесте написали: «Не запираться в отчужденную от масс секту. Юнкомы должны быть впереди школы». Помните!

— Помним… Как же!.. — усмехнулся Гришка.

— Вот заперлись — нас и отколотили…

Ребята рассмеялись.

— Факт, — воодушевился Иошка. — Оттого и колотили. Сидим мы взаперти, будущая ячейка комсомола, и никто про нас ни черта не знает. А «особенные» и распускают разные слухи и агитируют против…

— Так что же делать? Созывать опять собрание, да?

— Да!

— Попробовали… Вчера… Много пришло?

— Не важно, — отмахнулся Иошка. — Надо так устроить, чтобы пришли… Да что тут разговаривать? Здесь дело ясное: ребят в Шкиде много, в комсомол хотят и комсомольскую ячейку поддержат. А они про нас ничего не знают. Пойдем к ним, поговорим, подготовим их — и префартовое получится собраньице… Факт!

— Факт, — согласился Воробей, — это верно… Наскребем в Юнком членов…

— Наагитируем, — строго поправил Сашка…

Агитировать пришлось осторожно и по одиночке. На счастье, «особенные» куда-то из Шкиды ушли, и юнкомцы получили возможность смело ходить по зданию. Не удалась разъяснительная кампания только Сашке: подбитый его глаз подмигивал так лукаво, что первый же шкидец, которого он остановил, вырвался и поскорее куда-то убежал.

Перед вечерним чаем устроили в музее собрание… Правда, громких о нём объявлений не было, но, тем не менее, ни одна скамейка не осталась пустовать. Пришло пятнадцать человек, что вместе со старыми юнкомцами составило почти треть всех шкидцев. Тут же окончательно оформили организацию, переименовали её в коллектив и выбрали Центральный комитет, куда вошли Иошка, Сашка, Гришка и Лёнька.

Собрание кончилось, когда в столовую собирались остальные шкидцы. Учредители Юнкома появились после всех, появились спокойно и довольно улыбаясь. Курочка, разжалованный из

старост, ждал их выхода, и теперь, приставив к губам ладони, закричал:

— Ишейки пришли!

Рядом сидел Будок — новый комсомолец. Будок ударил Курочку по губам. Тот вскрикнул и кувыркнулся под стол. На голову ему вылили чай, и бывший староста взвился обратно. Столовая хохотала.

«Особенных» в этот вечер в столовой не было… Накануне у них вышло одно «дело», а сегодня они, обеспокоенные приездом Викниксора и Юнкомом, решили поскорее продать «фарт» и втихомолку кутнуть. Кутили весь вечер где-то на Обводном, пили, ночь провели, вытрезвляясь, в милиции, а когда утром вернулись в Шкиду, их уже поджидал Викниксор.

4

Будь они маленькими шкетами, он [1] изругал бы их, отхлестал по щекам и потом посадил в изолятор: и они лучше согласились бы теперь перенести эти пощёчины, чем его жестокую и холодную речь.

— Мне всё известно, — сказал он, — не отпирайтесь… Я хотел дать вам возможность доучиться — вы пошли воровать. Я предостерегал вас — вы сказали — «пугает»… С меня довольно. Ни одного часа вы не останетесь больше в школе. Мне воров и хулиганов не надо. В Лавру! [2]

И ушел… У Бессовестина, розовенького, кудрявого паренька, задергались губы, и он отвернулся к стене. Остальные молчали. Отправление в Лавру пришло для них совсем неожиданно. Куда девалось Цыганово бахвальство, когда он говорил: «Наплевать!.. В Лавру — так в Лавру!» Теперь он молчал, понимая, что их снова отбрасывают на то дно, откуда они с таким трудом поднимались. А им уже было по шестнадцати и семнадцати лет, они вышли из того возраста, когда можно еще вернуться в детдом. Все поняли, что это конец…

Их привели в узенькую светлую учительскую. За огромным столом сидел Сашкец, маленький, похожий на армянина халдей, уже выправлявший их препроводительные документы.

Он покачивал головой и бормотал: «Ах, гуси, гуси лапчатые, что наделали!»

«Особенные» даже теперь еще не осознали толком, что произошло с ними недавно. После буйного вечера и ночи, проведенной в загаженной камере, пахнущей испражнениями и креозотом, после бессонного валяния по липким и жестким

нарам, после душной и сырой темноты им хотелось просто покоя: свалиться, заснуть, захрапеть.

Гужбан только — как показалось — на минутку закрыл глаза, и ему сразу же представилась полутемная камера… У решетки пьяный машет ручкою и плачет: «Мопра… спаси!..» А сзади кто-то краснорожий, с запухшим лицом хрипло спрашивает: «За что вкапался, парнишка?..» Голос звучит очень близко, над самой головой, похожий на голос Сашкеца…

— Подождите, ребятки; может, и не пошлют вас в Лавру. За вас юнкомцы хлопочут!..

Гужбан открыл глаза и зашептал:

— Только бы остаться…. Только бы остаться…

— Что ты?

— Так…

— Пошли, что ли, — сказал Сашкец.

Ребята поднялись и двинулись за воспитателем.

Путь до музея показался новым и страшным, словно они шли к экзамену, который во что бы то ни стало надо выдержать и который решал судьбу. В дверях Цыган, шедший первым, остановился и перешагнул порог только когда его подтолкнули.

Думалось, что в музее собралась вся Шкида. И «особенные» поглядели на ряды ребят так, как будто хотели увидеть и своих — сламщиков. Но тех не было. Сидели все, которых «особенные» недавно называли «сознательными». У конца стола, против двери, стоял Иошка с почерневшей, запекшейся губой, которая особенно бросилась им в глаза, особенно Гужбану, как и Сашкин подмигивающий глаз.

Иошка стоял и спокойно глядел на вошедших. Рядом с ним сидел Викниксор, крепко опираясь локтями на ручки кресел. Бык, Цыган и Бессовестин стояли неподвижно, не решаясь выйти на середину комнаты. Сзади за спинами их неслышно шептал Гужбан:

— Только бы остаться… Только бы остаться… Только бы остаться…

А Викниксор не торопился начинать; он рассматривал свои руки, узкие, слегка пожелтевшие на кончиках пальцев, с ровно подстриженными розовыми ногтями, с обручальным кольцом на безымянном пальце.

— Моё решение неизменно, — медленно, словно с трудом отделяя слова, заговорил он. — Вы должны уйти из школы и уйдёте. Вопрос только — куда?.. Ваши поступки дают мне право отослать вас в Лавру. Но по ходатайству ваших товарищей я оставляю вас на две недели в школе. Вы используете это время для занятий, а я приложу все усилия, чтобы устроить вас в другие

учебные заведения… Понятно?!

Цыган подумал, что надо бы хоть улыбнуться, но только задергал губой и выдавил:

— Спасибо!

— Не за что… У вас ещё есть что-нибудь? – обратился заведующий к Иошке. Тот отрицательно мотнул головой. — В таком случае мне прибавить больше нечего.

— Кто желает ещё говорить? — спросил Иошка. — Никто? Общее собрание членов Юнкома считаю закрытым.

Гужбан подошел к Иошке и, глядя и сторону, сказал, сдерживая свой бас:

— Ты… этого… ты прости меня… я тебя стукнул…

Иошка покраснел от удовольствия и махнул рукой.

— Стоит вспоминать…

А Сашка подмигнул им своим подбитым глазом.

Так прошли второй и третий день существования Юнкома, второй и третий день первой шкидской общественной организации. Но и четвертый и пятый и другие дни уже не нарушили начатой работы, не принесли никаких изменений, разве что в музее открылся клуб, и «особенные» через две недели уехали в Стрельну, куда выдержали экзамен в сельскохозяйственный техникум.

Воровство понемногу прекратилось, и за эти две недели пропало всего полпуда масла и два одеяла. По шкидски — сущие пустяки.

А в Шкиде появились новые халдеи, и начался учебный год.

Глава третья

1

Он пришел, как и все халдеи, внезапно: фигурой был коренаст, подстрижен в скобку, одет в зелёный полу-тулупчик, из тех, что носят кондуктора; так уже и хотели прозвать его Кондуктором, но насмешила фамилия, произнесенная выразительным свистом:

— С-селезнев.

Это было во время вечерних уроков, после обеда. Селезнев, отрекомендовавшись, прошёлся, заложив в карманы руки, по классу, кашлянул и, став напротив Горбушки, гардеробного старосты и заики, спросил:

— Ну-с?.. Что проходите?

Горбушка взметнулся с парты и, полный услужливой готовности, залепетал:

— Э… э… э… к… к… к…

— Коммунизм, что ли? — хотел допытаться Селезнев. Коммунизм, да?

Староста замотал головой.

— Эт-тот, как его… г… г… гг.

— Гуманизьм, — поднялся Голый Барин. — Гуммунизьм проходили…

— Гуманизьм, — обрадовался халдей. — А ты знаешь, что такое гуманизьм?

— Нет, — чистосердечно сознался Голый: — не знаю А что?

— Гуманизьм, это есть студия гуманорум…

До этого в классе мало кто обращал внимание на нового халдея, — шумели, разговаривали, — но теперь сразу притихли. Купец, который всегда читал на уроках, изумился внезапной тишине и, оторвавшись от книги, пнул в бок Адмирала.

— Что тихо?.. Витя?..

— Не-е… Стюдия…

— Стюдия? — изумился Купец. — Ну?

— Ей-богу. Селезнев говорит.

— То есть как так студия? — спросил Иошка, явно издеваясь. — Почему вдруг студия?.. И отчего студия?.. — Непонятно!

Но Селезнев рылся торопливо в своем брезентовом портфельчике и потом выволок на свет трепаный учебник новой истории Иванова, где на одной из страниц в примечании

говорилось, что слово гуманизм происходит от латинского «студия гуманорум».

— Паскудство, а не учебник, — покачал головой Иошка. — Что у вас другого не было, что ли?

— Тише, — остановил Селезнев. — Про гуманизьм это я вам между прочим… Я у вас буду преподавать главным образом политграмоту.

— Все едино, — согласились шкидцы. — Шпарьте политграмоту.

— Ну вот, — удовлетворенно вздохнул Селезнев. — Приготовьте тетрадки. Запишите. «Советская власть есть власть рабочих и крестьян…»

— Знаем, — ответили с парт.

— Тише… Написали?.. пишите дальше: «Ленин есть вождь трудящегося пролетариата».

— Интересно, — подхватил Сашка. — Что это за «трудящийся пролетариат»?

Иошка же рассердился:

— Не буду я вам это писать.

— То есть как так?

— Да так!

А кто-то с задней парты, одержимый мрачным весельем, добавил:

— Корова пасху съела, тебе велела!

И здесь произошло нечто странное и необъяснимое с новым халдеем. Он затрясся, из розового превратился в красного и поросячьим голосом закричал:

— В-выйди вон!

Ребята так и шарахнулись на партах.

— Эпилептик, что ли? — с испугу предположил Иошка.

Халдей, не останавливаясь, кричал, поляскивая зубами.

— Да ладно, ладно… Успокойтесь…

— Выйди во-он!

Ребята топтались вокруг него, и, размахивая руками и перекрикивая друг друга, пытались втолковать ему, остановить его:

— Да замолчите! В чем дело, скажите нам?

Но халдей кричал.

— Да что мы вам сделали! Да хватит вам! Да будет!.. Да замолчи ты, чёрт тебя побери!!!

Халдей кричал.

— Да кому выйти-то? — в отчаянии вцепился в него Адмирал.

Рёв прекратился. Все стояли посреди класса, и только один Купец продолжал сидеть на своём месте.

Селезнев указал на Купца.

— Ты выйди.

Купец апатично поднял голову.

— Я выйди?.. А этого не хотел? — и его самых оглушительных размеров кулак протянулся к носу Селезнева. Халдей открыл рот, но ребята кинулись к Купцу и поволокли его с парты.

— Скорей… Уходи к чёрту!.. Уходи, Купа… Смотри, опять пасть разевает.

Купец, выругавшись, ушел. Селезнев успокоился.

— «Интернационал есть международное объединение рабочих всех стран».

Ребята молчали.

Однако не все шкидцы оказались такими слабонервными, как четвероклассники. У кипчаков. У кипчаков Селезнев, прокричавшись до хрипоты, в изнеможении свалился в стул, а младшие, проведав о странностях нового халдея, встретили его дружным воплем:

— Выйди вон!

Так утвердился Селезнев в Шкиде…

2

Для Гришки и Лёньки дисциплина коллектива оказалась тягостной. Им скоро наскучило работать в юнкоме. Лёнька уже успел провороваться. Гришка бузил и занимался производством порнографических открыток. Книги, пожертвованные ими в читальню, они взяли обратно, чтоб загнать на рынке. На лекциях хулиганили, подсмеиваясь, курили, не обращая внимания на постановления общих собрании, а когда им делали замечания, покрикивали:

— Ну, ну, молчи!.. Не твое дело учить членов Цека…

Наконец у «членов Цека» потребовали объяснений. Гришка и Лёнька дать их отказались. Состоялось собрание, и они ушли из организации.

Ушли озлобленные, с желанием отомстить.

На завтра на стене в столовой уже висела вновь родившаяся газетка «День», где Лёнькиным фельетоном «Коллектив матерых матерщиков» против Юнкома открывалась кампания… Наряду с этим Гришка склонил Лёньку вступить в его предприятие, носившее громкое название «Шкидкино», где предполагался «прокат порнографических туманных картин собственного производства…». Предприятие оказалось выгодным. Друзья бойко

заторговали, но зато много шкидцев уже через несколько дней были кругом в долгу у ловких предпринимателей…

А Юнком медленно переживал кризис. Вначале казалось, что уход двух шкидцев, учредителей коллектива, развалит всю организацию, — на это и били ушедшие, об этом злорадно писал «День».

Но Юнком оправился, пополнился новыми членами; вместо громоздкого и медлительного «Ц. К.» учредили президиум из троих человек: Иошки, Дзе и Сашки. А оправившись, — обрушился на врагов.

Первым своим постановлением обновленный коллектив прикрыл «Шкидкино», лавочку похабщины, которая окончательно превратилась теперь в гнездо вымогательства и ростовщичества.

Оставшиеся без доходов редактора, доведённые этим до бешенства, с новой силой ударили по Юнкому…

Коллектив решился и здесь. Многим, правда, было жалко расправляться с бывшими товарищами, но — так было нужно…

И в газете «Юнком» появилось обращение президиума:

«Юнкомы! Пора знать и действовать объединенно! Нельзя молчать в то время, когда твой коллектив изо дня в день систематически обливают помоями! Осколок нашего коллектива, пара саботажников, срывавших работу и с позором изгнанных, теперь осмеливаются оплевывать ту организацию, откуда их выставили. В своей газете они открыли травлю против Юнкома, организуя вокруг себя всю шипящую на коллектив сволочь, всех врагов дисциплины и общественности, всех, срывающих нашу работу.

„Довольно молчать Пусть вся школа знает, что это за птицы…

Бесшабашный срыв лекций, ломанье стульев, курение в клубе и постепенное превращение его в хлев и ночлежный дом — вот краткий перечень „развлечений“ этих господ. Когда шли лекции, они кричали, возились, в читальне из стульев и плакатов устраивали крепости, которые тут же брались штурмом. Если их просили успокоиться, Еремеев кричал: „Выйди вон! Я — член Цека и помощник заведующего клубом“. В дни основания Юнкома было постановлено устроить читальню, и Белых и Еремеев рьяно принялись за её организацию, но в один прекрасный день коллектив нашел свои шкафы пустыми, потому что книги были разворованы и проданы этими шкидцами на рынке. На стене висели „правила пользования клубом“, а в самом клубе школа могла наблюдать бой на книгах и игру на биллиарде развеселившихся членов Цека…

„Теперь они клянутся в своей газетке перебить всех Юнкомов и называют их подлецами и накатчиками. Помнится, когда в

первые дни Юнкома Еремеев прекращал азартные игры, Белых не называл его подлецом и накатчиком. Но теперь они оба, объединившись, затянули эту мрачную песню после того, как получили по рукам.

Довольно!.. Мы — коллектив школьного строительства, и не позволим срывать нашу работу подвывалам из "Дня"… Зарубите это себе где угодно, г.г. Белых и Еремеев… Революция не терпит предателей и сметает с дороги всех, кто ей мешает. Запомните это покрепче.

Президиум коллектива Юнком".

Экстренный выпуск "Дня" смог опять ответить на это обращение только бранью и обещанием переколотить всем морды. Но даже и этому никто в Шкиде уже не верил, и "День" кончился так же внезапно, как и начался. Его редактора, в конец скомпрометированные, без друзей, без доверия, без надежд, махнули на всё рукой, мечтая только собрать денег и уехать на юг, на кинофабрику к Перестиани.

В ноябре, вскоре после этой склоки, с бывшими юнкомцами случилось ещё одно и последнее несчастие: они засыпались с казенными американскими одеялами.

Это было тёмное дело, и никто не мог поручиться, Лёнька ли с Гришкой тиснули одеяла, или у них украли. Викниксор не стал разбираться в подробностях и, будучи скор на расправу, вышиб обоих приятелей.

В другое время их уход был бы событием, но сейчас он прошел незаметно. Правда, на прощанье старым шкидцам стало грустно, но к вечеру уже всё забылось и смешалось. Да и не было времени грустить, надо было работать, надо было готовиться к очередному учёту.

Из кризиса Юнком вышел необычайно окрепшим и сильным. Бои с врагом сделали его уверенным и настойчивым. Ему уже тесно становилось в рамках внутришкольной организации и поэтому, когда заговорили об учёте, коллектив решил выступить тоже.

Учёты бывали два-три раза в год. Шкиде они заменяли и экзамены, и выпуски, и акты, словом всё, что может быть торжественного в учёбе. Обычно устраивалась грандиозная выставка, перед гостями демонстрировали знания и достижения ребят, выступали ученики и педагоги, и отчитывалось школьное самоуправление…

На этом учёте три четверти всего времени было посвящено Юнкому, настолько заполнил он собою шкидную жизнь. Были прочитаны доклады, устав, демонстрировались диаграммы, плакаты и наконец здесь, на учёте, произвели выпуск политшколы

коллектива, занимавшейся под руководством Иошки.

Гостей ошеломил этот фейерверк достижений, и никто не был удивлен, когда инспектор в ответной, посвященной юнкомцам, речи сказал:

— Если до сих пор мы воздерживались от организации у вас ячейки РКСМ, то теперь вы достойны её… Вы заслужили право называться комсомольцами, и верьте нам, мы приложим все усилия, чтобы у вас был не коллектив "Юнком", а коллектив Коммунистического союза молодежи".

Этого Викниксор не ожидал…

3

Вечером после учёта юнкомы отправились в общество Старый Петербург на лекцию… Впереди, размахивая руками, стремился Дзе с Воробьём и Голым, за ним Иошка и Сашка.

Шли по Садовой. Желтки фонарей плавали, отражаясь на мокрых панелях, по желобам струилась вода и порывистый осенний ветер бросал в лицо дождевые капли.

Но никто не обращал внимания па непогоду, все шли вперед, громко разговаривали, счастливые, полные радостных надежд. В общество Старый Петербург юнкомцы начали похаживать еще с лета. Летом Шкида изучала город; устраивали экскурсии, посещали дворцы и музеи. Во время этой работы и перезнакомились шкидцы с руководителями общества.

Старопетербуржцам пришлось по душе пылкое увлечение ребят прошлым, они стали звать их на свои доклады и лекции, и шкидцы зачастили. Им определенно нравился Петроград, а романтика прошлого, окутывавшая город, делала его ещё более таинственным и привлекательным. Иошка, Кося и другие писали стихи о "камнем скованной Неве", о белых ночах, о тумане, в рассказах действовали таинственные рукописи, клады, сказания и описывался мрачный и великолепный город царей, город Петра и Медного Всадника — четвертый Рим.

Но рядом с этим с тем же увлечением подбирался и исследовался научный материал, который потом соединялся в сборники и доклады.

И здесь сказалась вся система шкидского образования. О том, что Петроград — индустриальный центр, город революции и строящегося социализма — даже не поминалось. Всё изучение строилось только на внешнем обозрении города и любовании его красотами.

Понятно, что вскоре у шкидцев надо всем поднялось

увлечение архитектурой. Началось оно собственно от Сашки. Этот шкидец любил архитектуру, ему доставляло удовольствие рассматривать красивый дом, он знал все стили, формы и приемы архитектуры и всегда безошибочно и точно определял их.

Это сделалось модой.

Ни один шкидец не мог пройти мимо более или менее заметного дома, чтобы не задрать голову не начать рассуждать о его стиле…

Сегодня юнкомы очень торопились: должен был читать сам Столпянский, и опоздать было бы преступно.

С Садовой они свернули на Вознесенский, но проезжавший мимо грузовик заставил их остановиться и подняться на панель.

На углу под фонарем пивной мальчик в рваной куртке продавал искусственные цветы. Огромный букет неестественной раскраски, яркий и пестрый, словно фантастический кочан, раскачивался в его руках.

— Стойте, — вдруг крикнул Иошка. — Стойте, ребята. Да ведь это Лёнька. Честное слово, он… Лёнька.

В оборванном скуластом шкете — продавце искусственных цветов — узнали старого шкидца.

— Здорово!

— Здравствуйте, — Лёнька смущенно улыбался. Он похудел, почернел, выглядел устало и беспокойно, ребятам стало немножко жаль его.

— Торгуешь? — спросил Сашка.

— Да… Делать пока больше нечего.

— Гришка как?

— Он с газетами бегает… На остановке…

— А как же кинофабрика?.. Помните, ехать собирались.

Лёнька ничего не ответил. Ребята потоптались, помолчали, было неловко и не о чём говорить.

— Торгуешь, значит? — Да.

— Так…

В пивной распахнулась дверь — к панели подкатил пролетка, и мужчина стал подсаживать в неё свою спутницу.

— Прощайте, ребята, — метнулся к извозчику Лёнька, — надо торговать. Всего хорошего!..

— Всего! — ответили шкидцы.

Часы показывали без четверти восемь, надо было торопиться в Общество на лекцию.

Глава четвертая

1

В школу имени Достоевского.

При сем Институт морально-индивидуально — социального воспитания проф. Подольского препровождает Евграфова Константина 13 лет.

Основание:

Подпись:

Костя Евграфов, худенький и сутулый парнишка, по кличке Химик-Механик, стоял в учительской Шкиды, терпеливо ожидая заведующего. Бумажку свою он отдал Сашкецу. Второй воспитатель, тоже чёрный, только помоложе и повыше, с прыщиком на носу, строго приказал:

— Сними шапку.

Химик торопливо стащил черный матерчатый треух, из-под которого показалась на свет большая лохматая голова с широкими оттопыренными ушами; вздернутый красный нос новичка обиженно и громко шмыгнул.

— Чуть не каждый день присылают нам таких сопляков, — раздраженно говорил высокий воспитатель. — Я прямо не знаю, что мы с ними будем делать.

— Что-нибудь сделаем, — скромно ответил Сашкец. — Куда же им деваться, малышам?..

— Да где же в школе этому огрызку, — высокий ткнул пальцем в сторону Химика, — выдержать в день десять уроков? Он же сразу обалдеет… Школа на отборных ребят рассчитана, на способных учеников, а не на остолопов.

— Надо приспосабливаться, Кирилл Иванович… Раньше Виктор Николаевич сам ребят по распределителям отбирал, а теперь всех их без отбора шлют, коллега…

— Порядочки, — злобно фыркнул высокий. — Через эти порядочки я поэтику не могу проходить дальше, у меня во втором классе по две ошибки в слове делают, а вы — порядочки.

— Ну что же делать, Кирилл Иванович, не гнать же их на улицу? Приспосабливаться нам с вами, выходит, надо, а не по-старому учить. Раньше у нас, говорю, отборный ученик был, таланты в некотором роде, а теперь середнячок идет, их и учить по-другому надо.

— Раньше драли их, чертей, так они и учились, — заметил

дворник, укладывавший в печку дрова. — А то нынче разве наука? Баловство одно. Вы хошь бы их ремеслу учили, — сапоги шить…

— Что ты, Степан! — всполошился и взволновался Сашкец. — Это в приютах раньше одному ремеслу вместо наук учили, сапожников выпускали… И, конечно, правильно ты говоришь, что и били при этом.

— Бьют и нынче, — проворчал дворник: — а насчет наук, то раньше хоть по крайней мере сапожниками делали, а теперь у вас одни босяки выходят, беспризорники…

— Нет, то есть, как это нынче бьют? — придирчиво ввязался высокий воспитатель, ярко пылая своим багровым прыщиком. — Значит и теперь бьют, да? Значит, и у нас бьют, да? Значит, и мы бьём, да?

Про новенького все забыли.

Химик стоял, опустив глаза, с тупым и мрачным выражением, которое всегда бывало у него при встречах и разговорах с воспитателями.

Но ни одна подробность разговора не была упущена им. Он чутко прислушивался и всё-таки никак не мог понять, что представляет собою Шкида.

— Это вам не старый режим! — кричал, пылая прыщиком, высокий воспитатель (дворник ожесточенно молчал). Это при старом режиме тиранствовали над воспитанниками, унижали и запугивали их, да-с… А нынче обращение всюду гуманное и человеческое, потому что воспитанники в некотором роде наши младшие товарищи, да-с…

Вдруг он замолчал. Дворник поднялся с полу и снял шапку.

В дверь вошел высокий пожилой человек, одетый в серый пиджак и синие кавалерийские рейтузы. У него было тяжелое худощавое лицо, маленькие глаза, блестящие за очками в роговой оправе, стриженные ёжиком волосы и широкие, похожие на лопухи уши.

— Новенький?

— Да, Виктор Николаевич, — разом заговорили оба воспитателя. — Только что прислали, от профессора Подольского.

Виктор Николаевич взял из рук Сашкеца бумажку, быстро проглядел её и уставился на Химика.

— Ты у меня смотри, каналья! — крикнул вдруг, багровея, заведующий. — Я, брат, не потерплю!.. Я с тобой живо расправлюсь!

Викниксор подбоченился и топнул ногой (дворник расплылся в улыбке).

— Я тебя, голубчика насквозь вижу!.. Ты так и знай, что

воровства и хулиганства я не потерплю! Стой смирно! Выпрямься!.. Вынь руки из кармана!.. Ты у меня здесь по-другому заговоришь… Что?.. Что ты там бормочешь?

— Я ничего… — потерявшись, прошептал Химик. Он никак не мог догадаться о причине гнева заведующего, зная за собой только одну вину: украденные у торговки по дороге в Шкиду две пачки папирос.

"Но как он узнал?" думал Химик.

— То-то, ничего. Если не нравится, можешь убираться на все четыре стороны. Я воров и хулиганов не держу!.. — Викниксор закашлялся и приказал:

— Уведите!..

— А вы обратили внимание, Виктор Николаевич, — спросил в учительской Сашкец, — что новичок — инвалид?

— Нет, не заметил.

— У него нет левой руки.

Не успел Химик осмотреться в гардеробной, как воспитатель заторопил его, и они отправились в класс.

По первоначалу урок промелькнул быстро. Природовед — тусклое, обсыпанное пылью существо в пенсне и черной студенческой тужурке — громким и вялым голосом объяснял про хитиновый покров. Что такое хитиновый покров, — новичок, понять не успел, потому что урок кончился.

В перемену Химика окружили шкидцы и стали рассматривать. Кто-то спросил фамилию — Химик ответил. Он удивлялся, что к нему не пристают и не задирают. Потом сосед его по парте, маленький и пухленький шкидец, по прозвищу Мышка, стал рассказывав про Шкиду. Прозвали этого шкидца Мышкой за маленький рост, круглость и внешнюю тихость.

Тихостью в Шкиде называлось умение тихо и незаметно делать "дела", что весьма успешно он проделывал с викниксоровской мамашей.

Эта подслеповатая, еле двигающаяся старушка, прозванная шкидцами Совой, готовила обычно на общей кухне. Всегда околачивавшийся там, имевший пристрастие к еде, Мышка, когда видел, что готовится что-нибудь по его вкусу, тихонько исчезал из кухни и, притаившись в темной прихожей около викниксоровской квартиры, терпеливо поджидал Сову.

— Витенька, — входила к Викниксору старушка, — сядь, покушай котлетку! — и протягивала перёд собой подносик.

Протягивала и не замечала своими уставшими жить глазами, что на подносике, кроме пустой тарелки, ничего больше не было, а Мышка в другом тёмном углу уже хрустел заботливо поджаренной котлеткой.

Ел осторожно, откусывая по маленькому кусочку — совсем по-мышиному…

Воспитателей Мышка величал халдеями, заведующего Викниксором, природоведа Амёбой, а высокого воспитателя Кирилла Ивановича знал попросту Кирой.

Со следующего урока начались Химиковы мучения. Каждый преподаватель вызывал его к доске и заставлял отвечать. Химик поспешно вылезал из-за парты, выходил вперед, но молчал. Глаза были опущены вниз, и лицо принимало привычное выражение — мрачное и тупое.

Худшие ожидания новичка оправдывались: в Шкиде действительно учились много. До обеда он вытерпел четыре урока, а на седьмом (третьем после обеда) его начало мутить.

— Ну что, кончились? — спросил он у соседа, когда прозвенел звонок и ребята начали вытаскивать шапки.

— Ум-гу… Два часа до ужина гулять можно…

— А потом?

— Потом — ужин.

— Не-е… После ужина что?

— Уроки опять. До чая… — И Мышка, напялив шапку-треух, убежал, а Химик медленно поплелся в зал.

Ребят в школе уже не было. Кто ушел на двор, кто на улицу, кто на дальнюю прогулку. И в этой гулкой тишине пустынного здания новичок почувствовал себя уютнее.

Он два раза съехал по перилам, покатался на подметках по свеже-натёртому паркету и пошел осматривать Шкиду.

Наверху ничего интересного не было, — детдом как детдом, только почище и поопрятнее, чем в институте у Подольского. Тянулись одной линией классы; умывалка, музей, спальни, гардероб.

Внизу тоже всё, что полагается в детдомах; кухня, спальня мочевиков, учительская, столовая. За столовой — класс четвертого отделения и дальше ещё комната с вывеской: "Коллектив Юнком. Клуб"…

Химик вернулся назад и стал на площадке.

Сбоку была какая-то дверь, за этой дверью ещё дверь и коридор. Коридор освещало маленькое оконце. Оконце освещало двери маленького чуланчика, запёртого висячим замком.

Химик быстро оглянулся и прислушался. Потом ловко и умело сбил замок и юркнул в чуланчик. Обшарить его было делом одной минуты, но там ничего, кроме старых войлоков, не оказалось.

"Запирают еще", подумал Химик, пряча за пазуху замок и осторожно выходя на лестницу.

Химик опять поднялся наверх и остановился в дверях пустого зала. Массивные ручки литой бронзы, изображавшие геральдических львов, заинтересовали его. Он осторожно погладил холодный металл. Подергав ручки в стороны, он посмотрел винты и быстро пошел к себе в класс. В классе новичок запрятал сбитый замок в угол своей парты, из парты достал отвертку и опять двинулся в зал.

Но там уже были шкидцы. Двое ребят медленно ходили по кругу и разговаривали. Один, волосатый, на длинных кривых ногах и в долгополом пальто, упрямо и без выражения убеждал своего соседа, которого звал Иошкой, что Пушкин — реакционный писатель. В доказательство долгополый блеющим голосом декламировал:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы
И на пирах разгульной дружбы
И в сладких таинствах любви.

Иошка звал своего соседа то Косей, то Козей, то Козьей Ножкой, нервно размахивал худыми руками и, брызжа слюной, доказывал, что Пушкин революционер.

В доказательство он читал:

О, юный праведник, избранник роковой,
О, Занд, твой век угас на плахе,
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.
В своей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе,
И на торжественной могиле
Горит без подписи кинжал.

— Задрыги, — забормотал Химик. — Не могли у себя в классе наговориться. Только с дела сбивают…

А Иошка с Косей ходили и спорили. Кося блеял как коза. Иошкин нос покраснел и походил на пуговку.

Но вот, наконец, парочка решительно направилась в коридор. Химик обрадовано вздохнул и сжал в кармине отвертку. В это время из других дверей выскочили в носках ещё двое ребят — высокий черноглазый грузни и маленький, похожий на воробья паренек: они быстро разостлали коврик, поставили рейки и начали с разбега прыгать через веревку.

"Придется ночью ручки вывёртывать!" — недовольно подумал Химик и, простояв ещё немного, медленно возвратился в класс.

2

Короткий осенний день кончился. По классам зажглись лампы. Шёл десятый урок, и в Шкиде было тихо.

Химик сидел за своей партой и тихонько, стараясь не привлекать внимания халдея, разбирал и рассматривал замок. Вообще на учителя сейчас мало обращали внимания. Кто незаметно рисовал, кто читал под партой книгу, кто просто дремал.

После чая Химик снова начал слоняться по школе. Он заметил, что очень много ребят идет в четвертое отделение и пошёл за ними. Оказалось, что все шли дальше, в дверь под вывеской "Коллектив Юнком. Клуб".

Это была небольшая продолговатая комната в два окна, вся завешанная по стенам красными плакатами, рисунками и зеленью. Через комнату тянулся длинный, под зеленым сукном, стол, вокруг которого сидели и читали газеты шкидцы… Вдоль стен стояли столики. На них играли в шахматы, шашки и "тихие игры". Половину стены против окна занимал шкаф, полный книг, а на другой половине висел плакатик с надписью: "Президиум". Под плакатом находился письменный стол, в беспорядке обставленный стульями и заваленный бумагами и делами.

Здесь Химик увидел Викниксора.

Викниксор разговаривал со стриженным круглолицым шкидцем лет пятнадцати. Вспомнив утреннюю встречу, Химик беспомощно замигал и стал отходить обратно. Но круглолицый парнишка уже заметил новичка и, оставив Викниксора, подошел к двери.

— Не бойся, — сказал он Химику. — Входи, не опасайся. Тут все свои люди.

Химик потоптался па месте, исподлобья оглядывая шкидца. Потом кивнул на Викниксора.

— А вон… живоглот.

— Кто-о!..

— Живоглот, — шмыгнул носом Химик. — Викииксор ваш…

Шкидец поднял брови…

— Почему Живоглот и почему наш? — спросил он. — Ты ведь новенький, тебе от него попало, да? Ты чего-нибудь наделал уже!..

— Ничего я у вас не наделал, — обиженно зашмыгал носом

Химик. — Я только утром пришел к вам, а он в учительской и давай на меня кричать… и ногами топал…

— Опять, — покачал головой шкидец. — Опять за старое принимается… Это у него привычка такая — новичкам бани устраивать. На испуг берет. Придется опять вопрос на президиуме поставить. Одернуть надо…

— Кого?!

— Да Викниксора! О ком же мы говорим?..

Химик выпучил на шкидца глаза и целую минуту не мог пошевелиться.

И когда шкидец пошел опять к столу президиума, Химик поплелся следом, забыв даже пошмыгать носом, до того он был огорошен.

Шкидца знали Сашкой. У стола его окружило несколько человек, начавших говорить о делах. Химик, чтобы не мешать, уселся рядом, прислушиваясь и оглядываясь.

Викниксор теперь разговаривал на другой стороне комнаты с Иошкой. В клубе на заведующего не обращали внимания, очевидно, считая его обычным посетителем. Но Химик всякий раз вздрагивал, когда острый за очками взгляд Викниксора останавливался на нём. Химик вздрагивал и отводил глаза на Сашку.

И вид спокойного сытенького шкидца, суетливо рассуждавшего о дисциплине, старостах, стенгазете, успокаивал его, хотя новичок по-прежнему все-таки ничего не понимал в окружавшем.

Удивляло его, например, что книги и игры ребята брали и ставили в шкаф обратно сами, а Сашка даже не обращал на это внимания.

Невольно вспоминал Химик институт Подольского, где, правда, клуба не было, но зато по четвергам устраивался "клубный день". Воспитательница Анна Петровна приносила в класс старые затрепанные игры "Вверх — вниз" и "Тише едешь — дальше будешь". Игры давались под расписку, с угрозами и предостережениями. Но всё-таки всякий раз ребята что-нибудь воровали или портили. Анна Петровна поднимала крик, приходил сам профессор, и ребят наказывали. "Тут наверно игры у них свои собственные! — думал Химик. — Ну факт, что собственные… Не может быть, чтобы казенные… Только зачем они их потом прячут?"

Пришел высокий черноглазый грузин, тот, что прыгал в зале через веревку, и сразу закричал:

— Ну, братва, Иошка, Сашка давай заседать, что ли! Мне некогда.

Иошка оставил Викниксора, а Сашка, засуетившись, нагнулся к Химику.

— Вот что, — заговорил он: — у нас сейчас заседание президиума будет, а ты иди пока поиграй… Хочешь играть?..

— Хочу… Только… — запнулся Химик: — только у меня игр нет, и не умею.

— У нас игры казенные. А играть научишься… Будюк! — крикнул Сашка, обращаясь к костлявому рыжему шкидцу: — вот, возьми-ка новичка, займись с ним!

Будюк повел Химика к маленькому столику у стены и усадил его напротив себя. Кубышка — низенький и толстенький, с еле заметными монгольскими усиками шкидец, — сел как судья.

Игра была интересная. Двигались по квадратам миноноски, крейсера, дредноуты; взрывались мины, торпеды, подводные лодки. Два флота стояли против друг друга и сражались.

— Конец! — важно провозгласил Кубышка. — Будок победил.

— Д-да, — Химик огорченно шмыгнул носом. — Надо бы мне было тогда его крейсер топить, а я за дредноутом погнался.

— Стану я дредноуты тебе зря подставлять, — снисходительно процедил Будок. — Тут, брат, техника. Пока ты за дредноутом гонялся, моя подлодка твой тыл разгромила.

К игравшим подошел Сашка — заседание президиума кончилось, и ребята разошлись.

— Ну как? — спросил он позевывая. — Обыграли новичка?

— Нет, — возмутился Химики даже покраснел, — я сам ошибку сделал… Понимаешь, мне надо было его крейсер топить, а я дредноут захотел. Понимаешь?

— Нет, брат, не понимаю. Я не играю в игры.

— Жалко… Ты знаешь, обязательно эту игру выучи! Префартовая, ей-богу. Хочешь, выучу?

— Нет, уж потом как-нибудь. Играйте сами.

Когда прозвонили "спать" и шкидцы один за другим ушли в спальни, Химик всё ещё сидел за столом и рассматривал картинки в "Науке и технике". Сашка окликнул Химика и, потушив свет, они оба отправились наверх. Сашка остался в большой спальне, Химик прошел дальше в боковую первого отделения.

Ручек он ночью не отвинчивал.

3

Уроки следующего дня показались Химику менее тяжелыми. Ему выдали две тетрадки, карандаш, вставочку и велели учиться.

Карандаш и тетрадку.

Химик сразу же обменял на шило, а вставочку за ненадобностью выкинул. Потом опять разбирал и свинчивал замок, а когда дневные занятия кончились снова пошел в зал.

За день Химик немного узнал ребят, но сойтись с ними не пытался. Он подождал, пока все разойдутся, покатался в зале по скользкому паркету, проехал два раза по перилам. Но скоро ему это наскучило, почему-то потянуло видеть Сашку.

В классе четвертого отделения было тихо. На учительском столике двое ребят играли в шахматы. На задних партах сидело ещё трое: в самом углу здоровый детина, подпирая огромными кулаками голову, сосредоточенно читал толстую растрепанную книгу. На следующей парте сидел вчерашний высокий грузин и тоже читал; при этом он посвистывал и вертел между пальцами ножик; на третьей парте ближе к свету сидел Сашка и что-то переписывал в тетрадь.

— А-а, здорово!.. — приветствовал он Химика. — Ну, садись, говори, рассказывай, как дела.

— Ничего дела, — ответил Химик и, оглянувшись, вынул из кармана пачку папирос, протянув ее Сашке. — Закуривай.

— Спасибо, — поблагодарил Сашка, беря две папиросы. — Вот сейчас допишу и пойдём в уборную…

Новичок махнул рукой.

— Кури, не бойся… Воспитателей нет.

— Дело, видишь ли, не в воспитателях, — спокойно, продолжая писать, отметил шкидец. — Вообще у нас в шкиде курить не запрещают, а только в уборных велят.

— Ну? удивился Химик, неужели не запрещают? А я-то, дурак, курю вчера в уборной и чуть шум — тарочку и карман: все штаны поспалил… У нас в институте кого увидят с папироской без обеда оставляют.

— А я слышал наоборот: там сами халдеи у вас на папиросы хлеб выменивают.

— Есть и такие… Пупок, например, воспитатель один, всегда домой по полпуда хлеба уносил. Хороший воспитатель!

— Ну это как сказать, — усмехнулся шкидец. — Такое барахло прямо с приплатой отдавать надо.

— А кто это? — тихонько спросил Химик. — Вон тот, что с Кубышкой играет, густоволосый?

— Володька… Голый Барин.

— Голый Барин… Почему Голый?

— А чёрт его знает, прозвали так. А тебя почему Химиком звать?

— Так… Механикой я очень интересуюсь, вообще техникой…

меня и зовут все — Химик-Механик.

— Ага… Химик-Механик… Понятно. Да, между прочим, Дзе! — крикнул Сашка грузину на соседней парте: — Вот тот новичок, о котором вчера на президиуме толковали. Видишь, — опять обратился он к Химику, — президиум поручил Иошке поговорить сегодня с Викниксором, чтобы он эти свои приёмчики отменил.

Здоровый детина в углу в это время оглушительно чихнул, потом поковырял в носу и перевернул страницу.

— Ничего себе стреляет, — хихикнул Химик. — Кто это?

— Купец.

— Настоящий купец?

— Ну нет, брат, подымай выше, — барон. Только вид у него действительно как у купца какого.

— А это кто? — указал на Дзе Химик.

— А это ещё чином выше: князь грузинский, Джапаридзе. Ты с ним, пожалуйста, не ссорься, а то он тебя ножом зарежет!

При последних слонах Дзе самодовольно улыбнулся и ещё быстрее завертел ножичком.

Парта, за которой сидел Сашка, напоминала книжный склад и мусорную кучу. Лежали старые газеты, тетрадки, валялись открытые и закрытые книги, цветистые толстые журналы высовываясь торчали из ящика.

— Химик осторожно наклонился и, отогнув страничку, заглянул внутрь.

— Бери, бери, вытаскивай, — поощрительно крикнул Сашка. — Вообще, бери и читай, что хочешь. Только обратно приноси. Это все казенные.

4

Химик каждый день ходил в клуб и постепенно привык к тому, что Сашка с ним всё время разговаривает, расспрашивает и старается занять чем-нибудь интересным.

Но раз случилось, что шкидец почти не обратил внимания на новичка, а, суетливо потирая руки, крикнул: "Сейчас будет доклад", и убежал.

Таким невниманием своего нового друга Химик остался недоволен. Потом подумал, что доклад наверно штука хлопотливая и занятная, и стал дожидаться начала.

Особенных приготовлений в клубе не было, только ребят пришло больше, чем обычно, да еще — когда все места оказались занятыми — притащили из столовой две скамейки. Потом опять

прибежал Сашка, внимательно осмотрелся и снова исчез.

Химик между тем пробился в первые ряды и спросил соседа:

— О чем доклад, не знаешь?

— О международном положении, — скороговоркой ответил тот. — Вон и объявление висит, прочти. Но в это время опять открылась дверь, и Сашка ввел за руку смущенного шкидца с красным веснушчатым лицом. Они оба прошли к маленькому столику, приготовленному заранее, и Сашка, суетливо высморкавшись, объявил:

— К порядку… Сейчас товарищ Фёдоров, ученик второго класса, сделает обзор международных событий. Прошу сидеть спокойно и приготавливать вопросы. После доклада будет собеседование. Ну, Федорка, начинай.

Сашка отошел и сел сбоку, а докладчик Федорка, зардевшись ещё больше, несмело подошел к столику и начал разворачивать тетрадки.

— Товарищи, — решившись, наконец начал он. — Тот момент, когда мы… и когда вы, т. е. буржуазия… когда эти, как их, ну…

— Международные акулы, — со свистом прошептал Сашка…

— Международные акулы идут и наступают на эту, как ее, ну…

— Мозоль?..

Публика задвигалась и начала шуметь… Химику стало очень весело; он толкнул в бок соседа и захихикал. Докладчик, растерявшись, замолчал.

— Тихо, — обернувшись к Химику и каким-то новым незнакомым голосом крикнул Сашка: — Побузи у меня ещё, живо вылетишь! Пришел слушать — слушай, а хихикать нечего! Вали дальше, Федорка!

Собрание успокоилось.

Химик в первую минуту испугался; потом неприятная и тяжелая злоба разом поднялась в нем, к лицу хлынула кровь и сильно застучала в висках. И он почувствовал, как уже весь дрожит от злости к этому спокойному круглолицему шкету. И странное дело, — он никогда раньше не чувствовал такого состояния, хотя с детства терпел и ругань, и издевательства, и побои. Теперь из-за одного только незначительного окрика, из-за нескольких незначительных слов уже до бесконечности, до боли, до бессознания ненавидел этого человека. И так велико было негодование Химика, что он всеми силами старался скрыть и не выдать его. К концу доклада он уже был спокоен.

— Ну, и ты тоже хорош, нечего сказать! — подошел вдруг и сел рядом Сашка. — Я думал, ты парень серьезный, книжки

читаешь, а выходит — понятия в тебе ещё мало.

— Понятиев хватает, — еле сдерживаясь и боясь заплакать, отвечал Химик; — а только ты кричать не имеешь права. Ты не воспитатель, чтобы замечания делать.

Значит, по-твоему, нам надо и клубе халдеев держать, да? — настойчиво продолжал Сашка. — Значит товарищ тебе замечания не имеет права делать? Значит, если ты придешь в клуб и начнешь хулиганить…

— Я не хулиганил… Подумаешь, посмеяться нельзя.

— Нельзя. Очень даже нельзя. Ты думаешь, легко было заставить выступать этого Федорку? Ведь я с ним целую неделю бьюсь. Раза три репетировали, раза три он отказывался, пока не сделал доклад.

— Тоже доклад, — фыркнул Химик, — такой и я сделать могу.

— И сделай, в чем дело?

— Ну, и сделаю… А задаваться нечего! Думаешь, что завклуб, так и задаваться можно…

— Стой. Ты мне зубов не заговаривай. Значит, берешься сделать доклад. Так и запишем. Теперь скажи тему и когда будешь выступать?

Химик растерянно посмотрел на Сашку. Шутит он или нет? Сашка ждал ответа…

— Н-не… Я не знаю, — запинаясь пробормотал Химик. — Какой доклад?

— Самый обыкновенный, как Федорка делал. Впрочем, если сейчас не можешь сказать названия, — скажи завтра. Я подожду…

— Ладно, завтра скажу, — обрадовался отсрочке Химик. — Только…

— Что?

— Н-нет… Так, ничего, потом….

И ушел.

5

"Ну, и вкапался же я! — думал он, сидя в своём классе за партой. — А Сашка какой хитрый. Ишь, как разговор обернул: сделай, говорит, сам…"

От скуки Химик опять начал разбирать замок, не докончив, швырнул обратно в парту и задумался.

Потом достал Сашкины книжки, долго перелистывал, перескакивая со страницы на страницу, пока не вчитался.

Но и читать ему долго не пришлось. Заскрипела дверь, и в

класс пришел тот, кого он меньше всего сейчас хотел видеть, — Сашка.

— Вот какое дело, Химик-Миханик, — заговори Сашка, — я для твоего доклада занимательную тему придумал. Ты ведь техникой интересуешься?

— Ну?

— Сделай доклад о Волховстрое. Тема — что надо. Ребята наши здорово этим интересуются, прямо толпою пойдут. А насчет материалов, возьми вот газету и вот ещё эти. Читай, что карандашом обведено и выбирай самое главное. Потом скажи мне, и мы потолкуем. Идет? Теперь насчет сроку. Торопиться не надо и думаю, что недели тебе хватит.

— Хватит, — тоскливо ответил Химик. — Как раз!

— Ну вот и всё. Работай.

Сашка ушел, а Химик посмотрел ему вслед, выругался и сунул газеты в парту.

На другой день, уже твердо решившись отказаться от доклада, Химик пошел в четвертое отделение. Сашки в классе не было, но на его парте сидел юнкомовский председатель Иошка, который гостеприимно закричал:

— Товарищ Евграфов! Ну что, как доклад, подвигается?

— Плохо, — растерявшись от неожиданности, соврал Химик: — я не знаю, как делать.

— А конспект у тебя написан? — деловито спросил Иошка. Нет? Как же можно без конспекта доклад делать. Напиши вначале конспект и план доклада… Газеты прочитал?

Прочитал, снова соврал Химик и покраснел. — Все…

Отлично! Теперь тебе конспектик составить легко… Сперва, значит, расскажи, кто и зачем решил строить Волховскую гидростанцию. Потом расскажи, где и когда и в каких условиях начали строительство… Потом расскажи, в каком сейчас всё положении. Не забудь заметить, сколько оно стоить будет государству. Ну, и наконец — когда строительство будет окончено и какую принесет пользу. Вот и всё.

И всё!?

— И всё. Как раз что и надо… Особенно не расплывайся, говори поменьше, покороче. Понимаешь?

— Теперь-то я понимаю! А то…

— Что?..

— Нет, так… Ну, пока, пойду, всего…

* * *

В четверг весь вечер Химик читал газеты.

В пятницу говорил с Сашкой и начал конспект.

В субботу и воскресенье ходил в отпуск.

В понедельник проверял с Сашкой конспект, а вечером был на юнкомовском собрании и прислушивался, как надо говорить.

Во вторник ходил и готовился весь день, видел объявление: "В среду в 8 с половиной часов вечера в клубе состоится доклад на тему о Волховстрое. Докладчик тов. Евграфов".

В среду после уроков Химик пришел к Сашке и, захватив его, привел в клуб.

— Вот что, Сашка. Ты посиди вроде публики, а я тебе доклад сделаю. После ты скажешь, хорошо у меня выходит или нет.

* * *

Из клуба Химик выскочил веселый и даже засмеялся от удовольствия.

А наверху в зале натирали полы, и уборщица Аннушка чистила мелом дверные бронзовые ручки.

6

Вечером в клуб Сашка привел Химика за руку. В клубе горели все четыре лампочки и было полно ребят.

— К порядку, — высморкавшись, сказал Сашка.

Сейчас товарищ Евграфов, ученик первого класса, сделает доклад о Волховстрое. Прошу сидеть смирно и приготовлять вопросы. После доклада будет собеседование… — Ну, Химик; начинай.

Как он заговорил, Химик не помнил, но вдруг запутался где-то в словах.

"Ленин сказал… кооперация… плюс электрификация…"

В рядах громко засмеялись.

— Кипирация плюс электрификация…

— Тише! — обернувшись к остряку новым и незнакомым голосом крикнул Сашка. — Побузи ещё у меня — живо вылетишь. Пришел слушать — слушай, а хамить нечего! Вали дальше, Химик…

Глава пятая

1

Викниксор сидел у стола, полуобернувшись к юнкомам, пришедшим говорить с ним о комсомоле. 0н ковырял в ухе, внимательно рассматривал найденное там и растирал в пальцах. Вид его был неопределенный и скорее недовольный; он наверное и не слушал Иошку потому что вдруг прервал его и, грузно повернувшись в кресле, заговорил:

— Да, комсомол — вещь хорошая, но не для нас…

Это озадачило ребят. Иошка переглянулся с юнкомцами и, стараясь говорить бодро, возразил:

— Почему? Ведь Юнком тоже комсомольская организация. Мы хотим только переименоваться…

— Ах, дело не в названии. Нашей школе вовсе не нужен комсомол. Юнком занимался и занимается школьным строительством. Комсомол займется политикой, а школе этого не надо.

— Но ведь и Юнком тоже занимался политикой?

— А кто говорит, что Юнком — совершенство. Нам нужна совсем другая организация… Такая организация, которая существует в английской школе. Там, например, есть объединения лучших учеников — таутеров. Тутеры помогают воспитателям в их работе, занимаются с отстающими, выясняют и пресекают проступки своих младших товарищей. У них есть свои выборные органы, спорткоманды, и всю работу они проводят в тесной связи со своими учителями.

— Знаете, Виктор Николаевич, — желчно произнес Иошка, по-нашему между комсомолом и вашими таутерами очень большая разница.

— Только та, что тутеры для нас нужнее.

— И потом, — вмешался Сашка, — тутеры у нас не пройдут. Это же накатчики. Их бить будут.

Викниксор замолчал. Секунду он что-то обдумывал и наконец осторожно сказал:

— Конечно. Их бы били… Но после Юнкома… мне казалось… я думал… этого уже не будет…

— Значит, что же… Значит, вы хотели, чтобы Юнком подготовил почву для тутеров?

— Нет… Я думаю… я предполагал… я был уверен, что вы постепенно придете к сознанию необходимости подобной

организации. Я… стремился к этому…

Вдруг Викниксор спохватился:

— Это, конечно, между нами.

— Мы понимаем, — мрачно ответил Иошка.

— А если всё-таки нам лучше комсомол?

— Ваше дело. Вам обещали — идите, хлопочите.

2

— Ну что ты теперь на это скажешь, Иошка, а? Что ты теперь скажешь?

— Что скажу, — Иошка остановился, шумно втянул в себя воздух и огорченно взглянул на Сашку: — Ничего, брат, не скажу.

— Нет, но ты пойми, что это значит: это же обман, уловка, гибель! — Сашка суетился около Иошки, забегал вперед и заглядывал ему в лицо: — Это же политика…

— И никакой тут нет политики. Просто у Викниксора в грудях бушуют чувства, — он и проговорился

Глава шестая

1

Вечерние уроки кончились, Шкида пьет чай.

В полутемной, мрачноватой столовой, со всех концов сплошь заставленной столами, по вечернему невесело — шумно и тоскливо. Только у окон, где сидит четвертое отделение, оживленно разговаривают Фока, Дзе и Иошка. Беседой, впрочем, назвать этот разговор будет трудно: ребята попросту подтрунивают над халдеем, пока тот, не выдержав, смывается.

— Ох, и скучно же сегодня, ребята, — зевая говорит Фока и отирает платком рот.

— Что бы придумать такое? — он неопределенно щелкает пальцами и вдруг оживляется: — Хотите анекдот, мальчики?

— Даешь, — радуются "мальчики".

— Ладно… Получила старушка одна от сына письмо… — начинает нарочито-небрежным тоном Фока, — из-за границы…

Ребята хохочут. Сашка недовольно чмокает и качает головой.

— А вот ещё, как три еврея с Раковским во Францию ездили, — снова начинает Фока…

Сашка опять недовольно чмокает. — А! — кричит Иошка, — наш уважаемый Саша недоволен! Наш достопочтенный секретарь коллектива изволит хмуриться. Отчего это, Сашенька?

— Ты сам знаешь отчего, — огрызается Сашка. — Ты, председатель коллектива, и Дзе, член президиума, как последние обыватели все дни теперь трещите с Фокой и слушаете анекдоты. Противно.

— Подумаешь… — обижается Иошка. — Может, и мне прикажешь сидеть сложа губки бантиком, писать инструкции и говорить умные речи?

— Ты сам знаешь, что тебе делать… Ты — председатель Юнкома.

— Ну и молчи.

Иошка отворачивается хмурый. Фока смотрит на них со скрытой усмешкой.

— Что, Саша, — спрашивает он, — получил от начальства нагоняй?

Сашка, не отвечая, опускает глаза и зубами вгрызается в кружку.

Сашка помнит, как на другой день он, полный самых лучших чувств, подошел к новичку поговорить с ним о Юнкоме и как тот

отшил его с самой разлюбезнейшей улыбкой. — И вообще, — добавил он под конец, — с комсомольскими и прочими организациями я никогда не имел дела и иметь не хочу.

И Иошка совсем изменился с тех пор, как подружился с Фокой, стал какой-то развязный, нахальный, расхлябанный; ходит с забубённым видом… и пахнет от него водкой. Над Сашкой, над его юнкомовской работой подшучивает… Теперь даже Дзе пристал к нему, юнкомовскую работу совсем забросили. На последнем заседании президиума Джапаридзе только зевал, а Иошка рассматривал оранжевый галстук, подаренный ему Фокой, предоставив Сашке решать дела. Сашка от работы не отказывается, — Юнком работает ровно и без перебоев, — но поведение двух "вождей" начинает внушать опасение. Надо как-нибудь поговорить с ними, предостеречь, а то — Сашка улыбается — хотел он на Фоку воздействовать, а тот, оказывается, уже Дзе с Иошкой к себе прибрал.

За столом хохотали во все горло, слушая очередной рассказ Фоки, как евреи на аэроплане летали. Купец под общий смех сгребает в охапку Финкельштейна и спрашивает:

— Хочешь, Кося, еврейский погром устрою. — Кося слабо отбивается, но в это время в столовую входит новая жертва, второй поддежурный халдей Селезнев…

— А! — кричит Иошка. — Наш дорогой, наш уважаемый товарищ Селезнев. Ура товарищу Селезневу… Гип, гип!

— Ур-ря! — раскатились четвероклассники.

— Ур-ря! Ур-ря! — зарявкала, очнувшись, вся столовая. — Ур-ря, Селезнев!..

Крик вышел таким сильным и страшным, что, казалось сам Достоевский на портрете замигал от страха глазами. А Селезнев закачался, из розового превратился в красного и что-то закричал. Наверное, свое "выйди вон". Но за шумом ничего не было слышно. Видели только его широкий, разинутый, как у дохлого карпа, рот…

Из учительской прибежал сам дежурный по школе Кира.

— Безобразие! — закричал он. — Встать! Прекратить чай! Сию же минуту по классам!

Но его тоже не слушали. По столам, как признаки приближающейся грозы, грохоча прокатились кружки, и неистовый крик "ур-ря" заставил Киру бежать за подкреплением.

Опять прокатилось "ур-ря", которое хором начали Иошка, Дзе и Фока. Потом они запели: "На бой кровавый" и принялись громоздить баррикады.

Это была кратковременная и беззлобная буза. Баррикады стояли только в столовой и коридоре. Правда, кто-то потушил

свет, и в темноте взяли в плен Селезнева, которого замкнули, втолкнув и уборную. Но халдеи мужественно наводили порядок. Скоро опять загорелось электричество, бузить стало опасно, и баррикады опустели.

Это была кратковременная и беззлобная буза, но во время её — как знал Сашка — юнкомцы пытались удержать бузовиков, и это им не без труда удалось бы сделать, если бы на баррикадах не стояли, сражаясь с халдеями, Иошка и Дзе…

2

В последние дни при работе в одиночку у Сашки накапливалось очень много дел, и ему помогали Воробей и Будок. Сейчас один переписывал протоколы, а второй под Сашкину диктовку быстро писал инструкцию.

Дверь отворилась.

— Надеюсь, еще можно? — На пороге, засунув руки в карманы и покачиваясь, стоял Иошка: — Войти разрешается?

— Иошка…

— Он самый. Собственной, чистопробной персоной. Ознакомьтесь вот с этим самым документом и прощайте!

Он выбросил из кармана сложенный лист бумаги и лихо повернувшись, ушел, засвистев "Пупсика".

В комнате пахнуло водкой, и Воробей с Будком подозрительно задвигали ноздрями.

Сашка развернул оставленную Иошкой бумагу.

Секретарю коллектива "Юнком"

Заявление.

"Настоящим имею честь довести до вашего сведения, что:

"1) В "Летописи" от вчерашнего числа появилась следующая запись: "Ионии за злостное и преднамеренное нарушение порядка в столовой исключается из Юнкома с переводом в четвертый разряд". Запись сделана на полях красными чернилами и снабжена пометкой: "на основании распоряжения зав-школой".

"2) Исходя из вышеизложенного, считаю свое дальнейшее пребывание в "Юнкоме" излишним.

С приветом Георгий Ионин.

"Целиком поддерживаю Иошку и тоже ухожу из "Юнкома"

Дзг.

Сашка положил бумагу па стол и задумался. Потом повернулся к Будку; тот вместе с Воробьем читал заявление.

— Я думаю, ребята, — сказал Сашка, почему-то отводя глаза в сторону, пора уже звонить на собрание.

Будок посмотрел на Сашку и хотел что-то сказать, но промолчал и вышел.

Обычно на собрание собиралось много и посторонних, но сейчас Сашка всех их выпроваживал:

— Закрытое, ребята, будет, — говорил он: — только одни юнкомцы могут присутствовать.

Шкидцы приставали к нему с расспросами, а он вместо ответа давал им Иошкино заявление.

— Ну, ладно, ребята, — сказал наконец Сашка. Кажется, все собрались. Начнем.

— Начнем, пожалуй, — тихонько пропел Воробей.

— Т-ш…

— К порядку. Дело, ребята, вот какое… да… Иошкино заявление все читали?

— Все-е…

— Вот я и хочу об этом заявлении говорить. Конечно, слов нет — последнее время он нервничал, здорово нервничал… Говоря по-нашему, бузил. А почему бузил? Потому что на Юнком идет наступление. Викниксор хочет всех нас в тутеров переделать! … Не смейтесь, — азартно прокричал Сашка. — Они, Викниксоры, хитрые…

— Постой, Сашка, — перебил его Будок. — Не заходись и не брызгайся… Об Иошкином с Дзе поведении давно надо было вопрос поднять. Что есть они в последнее время? Бузовики и разложившиеся юнкомцы. Они только позорят коллектив. И напрасно ты, Сашка, замазываешь это и про Викниксора нам заливаешь. Конечно, они твои друзья. Мы понимаем, что тебе неприятно обвинять их. Но если коллектив через это разлагается, — тут нужно определенно что делать: гнать всех бузовиков и хулиганов в три шеи.

— Верно, Будок! — закричали сразу несколько голосов. — Гнать их, сволочей, ко всем чертям! Опять в роде Гришкиной с Лёнькой история. Дай мне слово, Сашка.

— Мне!

— Я раньше просил.

— Прошу слова!

— Тише! — крикнул Сашка. — Засохните. Меня, ребята, вам обвинять нечего. После вчерашнего я сам решил созвать вас на собрании и говорить об Иошкином и Дзе поведении. Но за несколько минут до начала я получил вот это заявление, которое

заставило меня подумать совсем о другом… Но вы не дали мне сказать…

— Говори, говори…

— Тш-т.

— Так вот что. Будок верно сказал что Дзе с Иошкой сейчас вроде, как бы оторвались от Юнкома. Я сейчас о другом… Ведь мы, мы, то есть, Юнком наш, комсомольская организация, и кого хотим, того и принимаем к себе, — а халдейского согласия не требуем. Верно?.. И вот коллектив наш потому халдеям и не нравится… Викниксор хочет тутеров заиметь, а не комсомол — сейчас во всю, можно сказать гадит. Иошка, например, — набузил вчера, а Витя уже забегает вперед и пишет в Летописи: "Ионина исключить!" Что мы должны сделать после этого? Исключить Иошку? На завтра такая же запись будет о Дзе — тоже исключим. Послезавтра ещё о ком-нибудь. "Летопись" не мы пишем, — и будем исключать по викниксоровской указке, да? А потом через ту же Летопись он станет и другие отдавать приказания. Вот вам и готова тутерская организация. Пусть Иошка и Дзе набузили — это наше дело, хотим мы их исключим или нет. Сейчас надо обсудить поведение Викниксора и только после говорить об Иошке и Дзе. Правильно я рассуждаю, ребята?

— Правильно, Сашка!

— Тш-ш.

— Сейчас предлагаю поступить так. Мы вынесем резолюцию, где, во-первых, потребуем уничтожения этой записи в Летописи, во-вторых, сдерем с Викниксора обещание, что ничего подобного впредь не повторится. А в-третьих, потребуем оставить коллектив в покое. Если же он откажется, пригрозим, что все уйдем из Юнкома. Да я первый уйду и ни за что не останусь тутерствовать.

Сашка сел.

— Так что ж, товарищи, — после небольшого молчания заговорил Будок: — обсуждать здесь нечего. Будем делать, как Сашка сказал.

— Правильно!

— Голосуй!

— Чего голосовать!.. Резолюцию писать надо.

— Даешь резолюцию!

Начали писать резолюцию. Но в самый разгар работы хлопнула дверь, и на пороге появился бывший юнком Костя Финкельштейн в своем долгополом пальто, в которое он драпировался на манер древнеримской тоги.

— Ребята, — блеющим голосом и серьезно сообщил он: — я подслушал, что вы собираетесь сражаться с Викниксором. Я хочу доказать, что я не трус и не шкурник, и опять пришел в Юнком. Я

буду бороться вместе с вами, хотя мои убеждения и позволяют мне…

— Вот дурак-то! — вырвалось у Голого Барина…

— Глиста на Козьих ножках!

— Ребята, — опять тем же голосом и без всякого выражения начал Кося: — я подслушал, что вы собираетесь бороться с Викниксором, и я хочу доказать, что я не трус и не шкурник и пришел бороться вместе с вами, хотя мои убеждения и позволяют мне…

— Катись! — закричало сразу несколько человек. — Катись со своими убеждениями.

— Ребята, я подслушал, что вы собираетесь бороться с Викниксором, — тоном великомученика снова начал Кося, но докончить не успел.

Ребята вскочили с мест. Голый схватил Косю за шиворот, Воробей подал сзади, и великомученик с грохотом вылетел за двери.

Между тем резолюция была написана, одобрена и проголосована. Будка послали за заведующим.

Викниксор пришел недовольный, подозрительно оглядывая ребят.

Ему дали резолюцию.

Юнком притих.

Все смотрели, как бегают по строкам быстрые викниксоровы глаза, как он хмурится, жмурится, поднимает брови и сжимает губы.

Он кончил, сложил бумагу и оглядел собрание.

— Так. Дальше что?

И шкидцы растерялись. Почему-то думали, что Викниксор разозлится, раскричится, обзовет всех хамами, а тут…

— Дальше что?

Чёрт возьми, что же теперь? Два десятка ребят, заробев, опустили глаза и заёрзали на стульях.

— Что же дальше — я вас спрашиваю? — крикнул Викниксор.

Сашка встал.

— Мы требуем выполнения нашей резолюции. Вот всё.

— По-жа-луйста без хамства! Не требовать вы должны, а просить. Совсем у тебя стал недопустимый тон. И потом, что за глупое мальчишество — резолюция. Вы уже не маленькие и должны понимать, что Ионин, этот истерик и психоневротик, дальше не может оставаться в Юнкоме.

— Это наше дело, может он оставаться в Юнкоме или не может.

— Нет извините, пожалуйста. Я не могу допустить, чтобы в

моей организации лучших учеников…

Сашка многозначительно присвистнул.

Викниксор дернулся в кресле.

— Прошу не перебивать! — крикнул он. — Мальчишки!.. О чём это я?.. Да, да, в организации лучших учеников я не потерплю хулиганов.

— Это внутреннее дело нашей организации.

— Я сказал.

— Мы тоже сказали.

Викниксор встал.

Викниксор нахмурился.

Викниксор сердится.

— Довольно этой комедии, — заговорил он. — Вы не хозяева в моей школе — прошу помнить. Кто не хочет оставаться — пусть уходит… Не беспокойтесь, у меня будет Юнком еще почище вашего…

— Хватит! — крикнул Будок. — Слышали!..

— Довольно!

— Долой!

Крик.

Свист.

Топот.

— Долой!

— Долой!

— Виктор Николаевич, если этим вы всё уже высказали, нам остается только уйти. Верно я говорю ребята?

— Верно-о!

— Кончай разговоры.

— Уходи, ребята.

— Долой!

— Долой!

Викниксор с силой стукнул по столу кулаком. От удара заплясала по столу чернильница.

— Юнком распускается! — крикнул он. — Но вы ещё мне вспомните об этом!

3

О конце Юнкома Шкида узнала просто.

За утренним чаем, во время раздачи хлеба, Воробей сам схватил понравившийся ему кусок.

— Положь, — крикнул дежурный, — чего хватаешь? А еще юнком…

Воробей отпихнул наседавшего дежурного и под злорадный смех столовой поднес ему к носу кулак.

— Едал — миндал… Вот тут тебе — юнком.

Но дежурный решил, что это просто стратегический прием, имеющий целью захват недозволенного куска, и поэтому продолжал ругаться, пока не вмешался Сашка.

— Катись, — крикнул Сашка: — катись к чёртовой бабушке. Теперь юнкомов нет…. Разогнали Юнком.

И новость понеслась по столам.

"У меня будет Юнком почище вашего".

Эту случайно оброненную фразу помнили и шкидцы, помнил и Викниксор. Уже через день поползли таинственные слухи о возобновлении Юнкома, а через недёлю за обедом в столовой Викниксор говорил ребятам о новой организации.

— Школой, — говорил он, — будет управлять объединение лучших учеников. Такими лучшими будут наши старосты, объединенные в совет под моим руководством.

Затем он очень подробно остановившись на задачах Совета старост (совстара), сравнив его с английской тутерской организацией, наказав во всём подражать ей и закончил так:

— Совстар должен стать своего рода парламентом.

Да, парламентом великой Шкидской республики и Викниксор — президент её!

Он думал, что шкидцам интересна и понятна его идея, потому что его внимательно слушал бородатый Маркс, висевший на стене, и невозмутимо, казалось, разрешал:

"Валяй!"

И Викниксор валял.

* * *

"Открытие парламента состоялось в невероятно торжественной обстановке… Зал заседания был полон задолго до назначенного времени. Трибуна журналистов и галерея для публики не могли вместить всех желающих.

"Ровно в восемь часов в доме правительства появились министры: кухонный, гардеробный и амбулаторный. Вслед за ними прибыл сам президент, и заседание началось.

"Речь президента была обычно коротка и содержательна.

"Президент говорил о том, что лошадь кушает овес, Волга впадает в Каспийское море, у алжирского бея под самым носом шишка. Потом он даровал шкидцам основы народовластия, при условии, если они не будут бузить, воровать, драться, — а,

наоборот, слушаться халдеев и т. д.

"После бурных оваций приступили к выборам президиума, сего высокопочтенного и высокоблагородного учреждения. При баллотировке подавляющим голосом Викниксора на пост председателя был избран лидер волынян-второклассников — человек высокого ума, волчьего аппетита и непередаваемого косноязычия. Секретарем теми же голосами был избран бужанин (первоклассник) Ганский. Этот почтенный деятель был видным литератором своего родимого края. Сочинения его всегда были образцом лаконизма и красноречия. Так "Слово о Полку Игореве", начинающееся "Не лепо ли нибяшеть, братья", он перевел "не лепите и не брешите, братцы", а картину "Марафонский бег" назвал "Марафетным бегом".

"Таковы, в кратких чертах, эти два великих человека, призванные управлять высшим законодательным учреждением Шкиды.

"Речь председателя (история дала ему прозвище "Балды"), в которой он благодарил за доверие депутатов, была достойна самого Цицерона. Она продолжалась всего пять минут, и им было сказано всего пять слов (включая междометия).

"— Бр-р-р-р-а-атцы! — говорил Балда! — И-й-йя… н-н-н-ничего) ннн-н-н-е-е-э-е-е-з-н-н — … ре-э-б-бя-я-а.

"Здесь эта речь была покрыта бурными аплодисментами, которые постепенно перешли в овацию. Все поднялись с мест и выражали свой восторг бросанием различных предметов (окурки, книги) в сторону председателя скромно вытиравшего пот с треугольного черепа.

"После этого сессии были предложены для обсуждения следующие вопросы:

"1. О починке носков.

"2. Об организации дежурств в уборных на предмет надзора за своевременным спуском воды.

"3. О раздаче носовых платков с меткой (первый сорт).

"4. О раздаче носовых платков без метки (низкий сорт).

"Обсуждение проходило в строго-деловом порядке.

"Как полагается, вставал председатель и вносил предложения:

— "Г-г-г-бу… н-н-н-бу… м-м-м-бу…

"Затем высказывались за и против, предложение голосовалось. В заключение г-н президент принимал или отвергал его. Конец заседания был омрачен некоторым скандалом. Лидер распущенного Юнкома, г-н Ионин, ворвавшись в зал заседания, с криком "тутеры" щелкнул председателя по затылку; председатель упал под стол. Личная гвардия г-на президента, состоящая из отборных халдеев, немедленно удалила

бунтовщика из залы и дальше — в изолятор. Наконец вопросы все были исчерпаны. Президенту захотелось спать, и парламент разошелся на каникулы…"

Так изображалось это заседание подпольным сатирическим листком "Ап ендицит", который вышел после описанного и был составлен добрым десятком авторов.

Ни желания, ни охоты играть в парламент ни у кого из ребят не было…

Вскоре распались кружки, захирел клуб.

Пригласили было со стороны инструктора, явившегося в образе немолодой особы, поджарой как борзая сука, и сварливой, как примус.

Особь шкидцы прозвали "Клубничкой" и окончательно исчезли из клуба.

Он так и стоял закрытый, пыльный, пустой.

Но вот за оживление всей работы взялся неугомонный Селезнев.

5

КЛУБ ШКОЛЫ ИМ. ДОСТОЕВСКОГО

сегодня после вечернего чая состоится доклад т. Селезнева.

"Перспективы международного рабочего движения"

Вход свободный.

Вечером в клубе слышалось какое-то подозрительное движение и грохот. Завклуб Ганский самоотверженно таскал скамейки под ободряющий окрик Селезнева.

— Тащи еще! — покрикивал халдей. — Стоять ребятам придется. Народу ведь хлынет масса. Селезнев не ошибся.

Первыми хлынули старшие… Потом выскочил Дзе и понесся по зданию.

— Ребята! — орал он во все горло. — Хряй вниз! Клуб открыли… Селезнев там доклад говорит, честное слово.

Честное слово действовало. Забыв привычные дела, шкидцы бросали карты, мышеловки, захлопывали книги и кучами низвергались в клуб. Последним промчалось первое отделение во главе с Химиком и Мышкой.

Клуб уже не вмещал всех желающих. Докладчик стоял, ухватившись за стол, и, трясясь, кричал на аудиторию:

— Вы-ы-ыйди вон!..

Аудитория с гиком носилась по скамейкам и столам.

Наиболее благоразумные поспешно опустошали шкаф с книгами. Остальные кричали, вопили, орали, швырялись газетами и, журналами. Фока втихомолку срывал со стены плакаты и портреты и подрисовывал Марксу усы. В углу курили, не обращая внимания на завклуба, истерически требовавшего:

— Оставь докурить, сволочь! Ну хоть раз курнуть дай…

Купец, развалясь на диване, властно приказывал: — Рассказывай!

— Рассказывай, — подхватывали шкидцы.

— Вали, Селезнев! Крой дальше!

— Вы-ы-ыйди во-он!.. Я вас зап-зап-пишу! Я Викт-лаичу!.. Я Губоно!.. Я… ячейки…

— Попробуй только!

— Запиши!..

— Халдей несчастный!

— Совнарком яичный!

Собравшимся становилось всё веселей и веселей. Начали раскидывать по сторонам скамейки, свалили стол, загородив халдею выход… Диким голосом и притопывая пел Иошка. Дзе размахивал ножиком. Фока вертел лохматым изодранным знаменем, норовя задеть по голове Селезнева. Вдруг потух свет, что-то посыпалось и загрохотало в темноте. Завыли, заорали на все голоса шкидцы. Кричал Ганский, которого закатывали в ковер. Кричал и рвался Селезнев, которого мазали сажей. В упоении ржал Купец:

— Вот буза-то!.. Над-дай, ребята, над-дай!

Наиболее благоразумные уже выметались вон. В клубе накидывали на Селезнева скатерть. Катали по полу Ганского. Громоздили из скамеек и столов баррикады. Фока, надсаживаясь, хотел опрокинуть опустевший книжный шкаф и наконец свалил его в общую кучу. Селезнева тоже сбили с ног, наворотили и набросали сверху стульев, взявшись за руки, пронеслись в хороводе мимо и скрылись…

Начавшаяся в Шкиде буза заставила Викниксора созвать свой парламент раньше. На этот раз заседание было очень поспешное и не торжественное. Публики не было и старост было тоже немного.

Викниксор говорил зло и раздражаясь с каждым словом еще больше.

— Какие же вы старосты, если не можете справиться с бузой? Зачем тогда выбирали вас?.. Школа бузит… Вчера, например, я слышал, здесь в клубе тоже была буза.

При этом лица ребят осветились улыбкой приятного воспоминания: они переглянулись и фыркнули.

— Молчать… — окончательно вышел из себя Викниксор. — Я предлагаю запретить доступ в клуб бывшим юнкомам; зачинщики бузы — это они… Кто против?.. Нет?.. Принимается…

Завклубом назначили Евсеева: возражать тоже никто не стал. Евсеев, тщедушный парнишка, с вечно мокрым носом и в меланхолически обвисших штанах, напуганный рассказами Ганского, своего предшественника, хотел отказаться, но его уже "проголосовали", и он покорился.

— Судьба.

Печально обстояло дело с замещением должностей. Число старост с каждым днем уменьшалось, старшие отказывались работать в самоуправлении, и оно разваливалось.

Наконец, решившись, Викниксор произнес в столовой речь.

— Они (т. е. старшие) не желают работать — прекрасно. У нас есть новые силы. — Свежие, неиспорченные бредовыми идеями ребята. Вот они (жест в сторону младших). Они создадут новое самоуправление. Они будут хозяевами школы.

Хозяева школы недовольно чавкали. Вечером Викниксор по одиночке вызывал их и назначал старостами.

Таким образом удалось сколотить школьное самоуправление. Шкидская демократия вновь была поднята на необходимую высоту. Не очень высоко, правда. Иначе — подними их высоко — они тебя за-панибрата сочтут. И крепко внушалось каждому вновь поступающему халдею:

— С ребятами не амикошонствовать: между воспитателем и воспитанниками должна быть стена.

Клуб работал с "перебоями". Евсеев, заслышав около него шаги, поспешно запирался и гасил свет.

Если это был кто из ребят, он отмалчивался. Если Викниксор — отпирал. Викниксор оглядывал пыльный клуб, пыльную мебель, пыльные груды журналов, шумно вздыхал и уходил.

Потом клуб стал "открываться" все реже и реже и наконец совсем закрылся.

Тутеры провалились.

Глава седьмая

1

Тр-рах!..

— Ах!..

Выстрел.

По лестнице, размахивая пистолетом, промчался Химик и юркнул за трансформатор. Из залы выбежал Сашкец. Схватившись за перила, он взглянул в пролет лестницы, где клубился еще пахнувший серый дым, но в ту же минуту за спиной один за другим грохнули еще два выстрела, и халдей, отпустив перила, пошел назад в залу.

И каждый, глядя на его фигуру, подумал бы, что выстрелы теперь в Шкиде обычное, приевшееся воспитателям явление. И еще представилось бы увидевшему, что Сашкец наверное думает: "Хорошо, по крайней мере, что они стреляют в воздух".

Притаившийся под лестницей Химик зашевелился. Поднял отброшенный в сторону "шпалер" — осмотрел, продул и спрятал в карман. Потом прислушался и, ухватившись за огромный рубильник, черневший на стенке трансформатора, с усилием оттянул его вниз. Щелкнула ослепительно белая искра, и вся Шкида погрузилась в темноту.

Пробиравшемуся по коридору Химику первой попалась кухарка, которая торопливо высказывала Амёбке предположение, что на станции что-нибудь да лопнуло. Сверху спускался встревоженный Сашкец, из учительской на площадку лестницы перебирались халдеи, с тоненькой церковной свечкой, выпрошенной у мамаши, вышел Викниксор.

— Пробки? — деловито спросил он.

— Очевидно, — подскочил Амёбка, — Очевидно, перегорели.

— Но, может быть, их вывинтили воспитанники? — заметил Сашкец.

— Это все равно! — оборвал Викниксор.

— Надо осмотреть пробки.

— Зачем смотреть? — сказал пришедший дворник. Это не пробки. Это рашпиль…

— Какой рашпиль?

— Тьфу, то-есть, напильник это…

— Может, рубильник?

— Во-во… Он самый… Ребята его в сторону отгинают, в бок… Я сам видел.

— Так сходите, посмотрите и поверните назад.

— Это вы сами поворачивайте! Я уже раз повернул, хватит! Я думал, это всем можно, — только взял, а он как вдарит, — даже искры посыпались и даже не отцепить.

— Довольно, — не выдержал Викниксор и сам пошел вниз. — Принесите лестницу и осмотрите пробки. Наверху раздался свист и грохот, питомцы, воспользовавшись удобным случаем, начали отводить свои дефективные души. И, забыв о рубильнике, Викниксор помчался наверх наводить порядок.

Халдеи вместе с дворником спустились к трансформатору, чиркали спичками, зажигалками и осторожно рассматривали рубильник.

— Подождите! — неожиданно радостно сказал Амёбка и побежал наверх. Через минуту он появился снова, притащив за шиворот перепуганного шкидца Сухарика.

— Это ты, подлец, наверное свет погасил? — грозно говорил Амёбка, подталкивая Сухарика к рубильнику. Ты и включи его. Слышишь!

Сухарик тоскливо огляделся — халдеи смотрели строго, и Амёбка сверкал очками. Шкидец вздохнул и, ничего не поняв, повернул рубильник.

Вспыхнул свет.

— Ну иди, — разочарованно толкнул шкидца Амёбка. — И смотри у меня. Я, брат, всё-о знаю… Иди.

Сухарик поспешно и не рассуждая пропадает. Все расходятся. Кухарка — на кухню, дворник — в дворницкую, халдеи — в учительскую. Сашкец — наверх к притихшим, приструненным ребятам.

А Химик уже сходил в класс, посмотрел, как там делают самоделки-шпалеры, полюбовался в коридоре на ловлю мышей, зашел в уборную, где шла крупная игра в буру и штосс. Всюду скука, тоска, все давным-давно приелось и осточертело. Химик долго стоял в зале, раздумывал и, решившись, пошел к Сашке в музей.

После распада Юнкома и провала тутерской организации Сашка снова занял под музей пустующий, разгромленный клуб. И занял не только потому, что там теплей и уютнее и можно лучше расположить всю богатую коллекцию шкидских журналов, газет, альманахов, рисунков или удобней разбирать и классифицировать тщательно собранные архивы и документы, — а потому, что помещение музея само по себе возбуждало приятные воспоминания о прошлом. Все лучшие события школьной жизни начинались в музее, и его бессменный хранитель Сашка, прозванный "архивной крысой", часто

иронически говорил, что шкидская история выходит из музея и потом опять — в документах, газетах, журналах — возвращается обратно.

И теперь грустно становилось ему, когда сравнивал он шкидское прошлое с серенькой, поганой действительностью. Не издается теперь в Шкиде ни газет, ни журналов, всё меньше становится старых шкидцев. Нет Цыгана, Бессовестина, нет Лёньки и Гришки. Остальные только и думают об уходе, либо бузят и пьянствуют с Фокой как Иошка и Дзе.

Когда Химик вошел в музей, Сашка сидел, не зажигая света, у топящейся печки и задумчиво глядел в огонь.

— Здорово! — сказал Химик. — Я к тебе. Почитать чего-нибудь не найдется?

— Посмотри там, на столе, — равнодушно ответил Сашка. — Выбирай что понравится.

Химик подошел к длинному широкому столу, где вперемежку с бумагами и архивными документами лежат книги. Книги скучные, политические, и шкидец, отобрав две тоненьких брошюрки, недовольно спросил:

— А других нет?.. Научных…

— Нет… Были у меня научные книги, да пришлось летом загнать, чтобы заплатить Викниксору за разбитые стекла. Больше научных нет. А клубную библиотеку разграбили ребята.

Химик нехотя повертел книжки. Уходить ему не хотелось. Глаза его остановились на сашкиных ботинках.

— Неужели тут выдали?

— Братишка привез — односложно ответил Сашка. Помолчали.

— Та-ак, — протянул Химик, — Ну, я пойду.

2

За свою жизнь Химик испытал много перемен, но когда пробовал вспоминать свое прошлое, то только тусклая цепь приютов и детдомов с разными названиями и номерами вставала в его памяти. Да разве вспоминался еще первый из них, куда попал он семилетним мальчишкой. Там нашел Химик на помойке гранату, которой ему и оторвало потом руку.

Пережитое отучило его удивляться. И сейчас в Шкиде, когда разогнали Юнком, куда склонил его поступить Сашка, Химик удивился очень немного. Он мало что понял во всей этой истории и только недоумевал по поводу поведения Викниксора. Правда, юнкомы не были "четверошниками", той гвардией

администрации, которая, как бывало в лавре, за лишнюю четверку хлеба становилась жандармами своих товарищей; юнкомы не были ни накатчиками, ни подлизами, ни лягавыми, они всегда бывали вместе с ребятами и руководили школой, но они и боролись с бузой, с воровством, с картами, боролись за дисциплину и старались поднять школу.

И Химик вспомнил, как глубоко подействовали на него вскользь брошенные иошкины слова: "Накатка — подлость. Дешевая вещь, если ты и защищаешь товарища, который делает что-нибудь нехорошее. А вот если ты при всех встанешь и скажешь ему, хотя тебе и тяжело будет сделать это, скажешь, что он делает неправильно, это будет самое лучшее из всего, что можно придумать".

И это, и еще многое другое, так поразившее своей простотой и необычностью, заставило Химика сблизиться с ребятами из коллектива и стараться быть похожим на них.

После разгона Юнкома он ощутил какую-то внутреннюю пустоту, будто оборвались все связи со старшими ребятами. Все порассыпались, занялись каждый собой, и даже Сашка, почти безвыходно целыми днями сидящий в музее, и тот мало обращал на Химика внимания.

И незаметно, постепенно забывалось всё, что было недавно.

Опять появились в парте напильники и отвертки, опять начали привлекать внимание замки и дверные ручки, а тут ещё вдруг группами стали приходить новички со своими твердо-укоренившимися понятиями и привычками — и Химик совсем забыл о том, что было недавно, совсем забыл о Юнкоме.

3

Из Института морально-индивидуально-социального воспитания, откуда раньше пришел Химик, прислали еще двух ребят — Арбузова и Старостина.

Шкидец обрадовался. Обрадовались и новички, встретив своего старого приятеля. Все уселись на подоконнике в зале, закурили и начали делиться новостями.

Плотный, черноволосый и очень спокойный Старостин рассказывал, что воспитатель Пупок поступил в ресторан официантом, Анна Петровна стала старшей воспитательницей, пришел новый завхоз — жулик.

Ну, а в остальном — все по-старому.

Закутывают ребят вместо наказания в мокрые простыни.

Профессор, как и раньше, велит называть себя папой, а свою

жену — мамой, по прежнему кричит: "Я профессор, я всё могу" и грозит бузовикам, что отправит их в сумасшедший дом.

По прежнему Анна Петровна объясняет ребятам, что их Институт — государство, где профессор — царь, воспитатели — министры, а они, детки, — русский народ.

— Стой! — прыская в ладошку, вмешивается вдруг второй новичок — Арбузов, маленький, вертлявый шкетик с длинным носиком и черными беспокойными глазками. — Там недавно история с профессором была. Потеха! Ребята засыпали его в чулане вдвоем с кухаркой, ну и надумали ее звать тоже мамой!

— Мам-мой?.. — еле сдерживаясь от хохота, переспрашивает Химик.

— Гы-гы-гы!.. — гогочет Старостин.

— Факт, мамой… Володька ему и брякни это, насчет мамы. Ну, тот, конечно, ему по кумполу и поволок в мокрую простыню закручивать. Потом вызвал скорую помощь и велел отвезти Володьку к Николаю-чудотворцу.

Ребята докуривают, и теперь наступает очередь Химика показывать новичкам Шкиду. Они проходят залу, идут по коридорам, в темных углах которых крысоловы-любители при помощи веревок и хлебных огрызков нехотя охотились всё свободное время. Химик показывает классы и спальни и вскользь замечает, что в Шкиде недавно, совсем недавно было гораздо лучше.

Сопровождает ребят еще шкидец Мышка, нюхом почуявший обилие табаку у новичков…

4

Новички Арбузов и Старостин пришли в Шкиду больше по собственному желанию. В первый день они уже было раскаялись в этом, когда узнали, что в Шкиде каждодневно бывает по десяти уроков, Но, увидев, что уроки эти собственно липовые и что, сидя за партой, вовсе не обязательно слушать халдея и можно заниматься своими делами, новички успокоились и начали приспосабливаться.

Мышка, сдружившийся с Арбузовым, сразу свел его со шкидскими картежниками. Маленький, жуликоватый Арбуз, быстро смекнув, составил компанию. За уроками он проводил время в рисовании и краплении карт или в игре "по маленькой".

Старостин, спокойный и деловитый, попал в Шкиду по ошибке. Он больше подходил к ремесленной школе. Да и в Шкиду пришел он со всякими молоточками, напильниками, сверлами и

прочим инструментом, и уже на второй день расположил к себе немку Эланлюм, вылудив и запаяв ей кастрюлю.

Учиться Старостину хотелось, но от десяти уроков он сразу же отупел и, забоявшись науки, махнул на нее рукой, решив, что лучше уж слесарить. Шкидцы первоклассники решили, что человек с такой фамилией обязательно должен быть старостой и выбрали его на эту должность. Старостин не отказывался, а деловито и спокойно принял власть, ключи от класса, журнал, став вечным, несменяемым старостой первого отделения.

Но ни с кем так не сдружился Химик и никто не был так заметен потом в Шкиде, как следующий новенький — Шурка Лепешин.

Дружба началась в изоляторе, куда нередко теперь попадал Химик и куда в первый же день посадили Лепешина.

Химик увидел перед собой тоненького, высокого подростка, аккуратно одетого, тщательно подстриженного, с умным миловидным лицом и темными мечтательными глазами.

Лепешин подождал, пока не закрылась дверь, потом погрозил кулаком невидимому халдею и, повернувшись к своему товарищу по заключению, недовольно проговорил:

— Воспитатели эти ваши! Тоже! Я им ножик не хотел отдавать, а они за шиворот и сюда! Порядочки…

Голос новичка был звонкий и ломающийся, как у маленького мальчика, хотя он всячески старался казаться серьезнее и взрослее, держал руки в карманах, поднимал плечи, хмурил тонкие брови и, сев на подоконник рядом с Химиком, важно вынул портсигар и предложил:

— Закуривай!..

Ребята закурили.

— За что попал? — затягиваясь, спросил Химик.

— За болезнь. Расширение зрачков на чужую собственность.

— Это у нас пустяки, Из дому привели или еще откуда?

— С Миллионной, с Глебовского приюта! — Лепешин сделал страшные глаза и, придвинувшись ближе, зашептал: — Нас там, как собак, — арапником бил заведующий!

— Знаю. И я там был. Заведующий там генерал бывший. Так у него со старого времени привычка драться осталась… Здесь, в Шкиде этой, тоже стукают, но меньше. Опасаются.

— Я ушами шевелить умею, — неожиданно сказал Лепешин и сейчас же густо-густо покраснел.

— Ну? — добродушно удивился Химик. — Да ты не смущайся. Шевельни разик…

Лепешин перекосил рот, задергал челюстями, и уши его действительно зашевелились.

Потом новичок долго рассказывал разные истории, которые он вычитал у Луи Вуссенара, Жаколио, Майн-Рида и Жюля Верна. Химик слушал, широко открыв рот и затаив дыхание. Оба были так увлечены, что совсем не обрадовались приходу Сашкеца, открывшего изолятор.

— Ну, выходите, товарищи, — мягко сказал халдей, — и больше не бузите…

— Гусь свинье не товарищ, — процедил вполголоса Химик и юркнул из изолятора.

— Евграфов! Вернись, хулиган! Повтори, что ты сказал?

— Дядя Саша, что вы! — струсил Химик. — Я только сказал, что гусь свинье не товарищ. А вас же Гусем-Лапчатым зовут, значит, я — свинья…

— Ну! ладно… то-то, — смягчился Сашкец: — смотри у меня. — И, забывшись, прибавил: — Смотри, Гусь-лапчатый!

Все шкидцы узнали, что новичок умеет шевелить ушами. В первый класс к Лепешину прибегали и просили "шевельнуть". Лепешин, краснея, отнекивался, но, втайне польщенный таким вниманием, скромно исполнял просьбу. К вечеру стало известно, что ушами умеет шевелить еще и Дзе.

Интерес к новичку упал.

Тогда Лепешин сказал, что у него дома есть велосипед. Но велосипед уже был и у Фоки, а недоверчивый Будок принялся даже утверждать, что лепешииский велосипед одна сплошная мифология. Новичок не сдавался и таинственно стал намекать, что у него есть еще одна замечательная вещь, которую он, возвратясь в понедельник из отпуска, непременно принесет в Шкиду…

Возвратясь из отпуска, Лепешин увел Химика и еще нескольких ребят в уборную и, таинственно оглянувшись, прошептал:

— Принес!

— Что?

— Шпалер…

Ребята сгрудились к новичку, тот осторожно вынул из кармана и показал всем тоненький пистолетик Монте-Кристо с тоненьким, как дудочка, дулом.

— Шпалер! — расхохотался Химик. — Клистир-ка какая-то! Барахло!..

— Как барахло? — побледнел Лепешин, — Его продать можно!

— В музей… Сходи к Сашке. Может, он для выставки купит…

Разочарованные шкидцы ушли, и в уборной остались только Химик да Лепешин. Химик долго смотрел на пистолетик и на

убитого горем Лепешина и наконец задумчиво сказал:

— Дай-ка мне твой клистир до вечера. Осмотреть. Тут дело одно может выйти — пистолет понадобится…

Вечером Химик долго и подозрительно шептался со Старостиным. Потом тот вытащил все свои слесарные инструменты и, расположившись на парте, начал что-то резать, сверлить, паять и заколачивать… Химик уже вернул новичку его пистолетик, но на все вопросы многозначительно отвечал:

— Погоди. Завтра увидишь.

И завтра всё объяснилось, Химик с толпой ребят ушел после уроков на двор и там, за сараями, в торжественной обстановке, вынул огромный шпалер-самоделку и оглушительно выстрелил в воздух.

Это событие открыло новую эру шкидской истории.

Изобретатели оружия — Химик и Старостин — были завалены заказами на шпалеры, потом открылись новые оружейные мастерские; потом уже каждый сам стал делать для себя оружие…

Много помогли усовершенствованию самоделок халдеи. Напуганные, они устраивали на первых порах целые облавы, и в учительской за короткое время скопилось столько оружия, что им по крайней мере можно было вооружить целую роту… Но все это привело только к тому, что ребята стали осторожнее, а самоделки усовершенствованней, дальнобойней и лучше.

Шкида поголовно вооружилась и пока еще только развлекалась, стреляя холостыми в воздух.

А новенькие все приходили и приходили…

Со своими твердо укоренившимися привычками и понятиями, они попадали у младших в знакомый им мир детдомовских немудреных традиций и взглядов.

Шкиду уплотняли. Из нее уже много повышибли старых воспитанников. И если раньше Викниксор сам отбирал в распределителях подходящих себе учеников, подбирал способных ребят, которые осиливали и которым интересна была и история, и литература, и языки, — то сейчас присылали в Шкиду всех подряд, обычное сырье из детдомов и детских тюрем.

И как-то забыли воспитатели, что у этих ребят и интересы другие, чем те, что были у старых, отобранных, способных учеников; почему-то считали, что новички тоже могут осилить и им будут очень интересны и история, и литература, и языки. И по прежнему преподносилось всё это в лошадиных дозах, по десять уроков в день.

Новички, обалдев от десятиурочного дня, сразу же переставали учиться и принимались за карты, за ловлю крыс, за

изготовление самоделок. Им было скучно и неинтересно в Шкиде, они хотели бы поработать и поучиться, но здешнее образование их совсем не захватывало, только вгоняло в тоску. А никакого труда и ремесла в школе не полагалось.

Пришло их много… Пришел Шенкевка, веселый и добродушный чухна; беленький и нежный Капаневич; важный и медлительный барон Розен.

Новичка Женьку долго не знали даже куда посадить. Этот черный и смуглый, как грек, очень здоровый, но потрепанный и поиздержанный жизнью юноша представил документы на пятнадцатилетнего, а по виду ему самое малое было годов восемнадцать. И никто не сомневался, что Женька пришел с "ксивой" и, скинув себе три наполненных кражами и приводами года, хотел спастись от суда и тюрьмы…

Учиться Женька не стал, завел себе отличную самоделку и начал ухаживать за кухаркой. А когда были перевыборы кухонного старосты, устроил так, что его выбрали на эту хлебную должность.

Потом пришли еще: Храпа, Сусликов, Семенов, Рыжик, пришел Верьховка, Касатка, Васильев, пришли Карпуха, Лапа, Аксенов, — пришли и прочно осели в первом и во втором отделениях.

Машина всосала следующую порцию сырья.

Глава восьмая

1

Вечёром, по всегдашнему обыкновению, в уборной шумно. В тусклом свете угольной лампочки вырисовываются оживленные лица ребят. Завитками плавает горький махорочный дым. От него скудеет и без того скудное освещение, и почти совсем пропадает в дыму отсыревший пятнами потолок.

Но шкидцам не привыкать. Еще ни один не принял да и не примет валета за короля и не перепутает девятки с десяткой.

Слышатся короткие, азартные отрывистые фразы:

— По банку!

Прикапаю!

Мажу десять?

Очко!

— Бей!

Игра ведется обычно. Сначала под завтрашнюю пайку хлеба, потом под послезавтрашнюю. С тем, кто продул пайки на полгода или на год вперед, под хлеб не играют. Начинают играть под суп. Сначала под "густышку", потом под "водичку".

Подле играющих сидят, тоскливо наигрывая на зубариках, неудачники. Все, что можно, они уже проиграли.

В дверях появляется Химик.

— Раздвинься, братва, — кричит он, размахивая самоделкой. — Испытание шпалера новой — конструкции. — Пара шкидцев, пришедших в "казино" не для игры в карты, кубарем скатываются со стульчаков. Подтягивая штаны, они присаживаются к боковой стенке.

— Зря, — торопливо говорит Арбузов: — взбаламутишь халдеев, — запоремся мы тогда.

Его слова заглушает грохот от выстрела. Вся уборная в дыму…

Химик ушел, на стульчаках опять те же шкидцы. Арбузов банкует снова, все по-прежнему.

Но в дверь просовывается привлеченный выстрелом Сашкец.

— А ну, выходи! — кричит он. — Опять Владимирский клуб устроили? — И подозрительно разглядывает Арбуза. Арбуз прячет карты.

— Опять играл?

— Что вы, что вы, дядя Саша, — беспокоится тот. Благополучно проскочив мимо халдея, Арбуз говорит

возмущенно:

— Ни тебе п-пакурить, ни оправиться!.. Парядочки…

И на всякий случай прибавляет шагу. Сашкец может раздумать, обыскать и отнять карты. А карты у Арбуза настоящие, не то что у всех остальных шкидцев, которые делают себе их из бумаги и любовно зовут колотушками.

Через десять минут в уборной играют снова.

— Эх, ну и плохо же у вас, братцы, — бубнит новичок Мамонтов; он мал ростом, светлоглаз и похож на бычка: — не жизнь у вас, а гроб. В карты нельзя перекинуться… У нас, бывало, воспитатель подойдет, начнет раззоряться, а мы ему в ответ: "В рыло не хочешь?":!

— А он? — спрашивает кто-то, завистливо вздохнув.

— Что он? — отвечает Мамонтов. — Повертится, повертится, да и сам сунется к нам: "Что с вами, мерзавцами, делать? Давайте и мне карточку". А мы ему: "Постой сначала у дверей на стреме".

— Ну? — спрашивает опять тот же голос.

— Что ну? Стоит и стремит.

Игра приостанавливается. Все ждут, что еще скажет новенький. Но он молчит.

— Ну и жить вам шикарно было! — говорит восхищенно Кузя. — Только лепишь ты! Не верю, чтоб вы в карты резались, а халдей на шухере стоял. Это чтоб мы тут сидели, а Сашкец в зале стоял и Викниксора стремил! Да нас предупреждал!

— Паразитом я буду, если вру, — сердится Мамонтов. — У нас так всегда. А таких сволочей, как ваш Сашкец, мы возили почем зря, темную им делали. Помню одного — такая же задрыга, как и Сашкец, — сам маленький, а басит, глотка что у кита. На лестнице поймали. Воспитательница увидела, в бессознание упала. А мы и ее тоже, заодно, избили. И с лестницы скинули, этажом ниже. Вот потеха была!.. — И Мамонтов смеется.

Смеется он странно, весело, как будто его щекочут, но — лицо остается по-прежнему неподвижным и хмурым. От его смеха делается жутко.

— А вам было что за это? — робко обрывает неприятную тишину Кузя.

Лицо Мамонтова темнеет.

— Раскассировали кого куда. А меня к вам.

Сизыми завитками плавает махорочный дым. В тусклом свете угольной лампочки вырисовываются ребяческие лица, серьезные и задумчивые. Все тускло, бледно и неестественно.

— А не плохо бы, братцы, — говорит Арбуз, взбудораженный рассказом новенького, — Сашкецу темную организовать… Замучил, задрыга, своей историей. А на кой кляп нам его история

сда-лась!?..

— Верно… — подхватывает Якушка. — Давно Сашкеца крыть надо. Из-за него мы в пятых разрядах сидим и в кино не ходим. И обедаем мы после всех из-за проклятого Сашкеца. Бить его надо.

Неожиданно гаснет лампочка, и в уборней сразу делается темно и тихо. И сейчас же с грохотом хлопает выстрел, и ликующий голос Химика слышится из коридора:

— Хряй, братва, в залу! Там Сашкеца кроют!

2

По верхнему этажу, стекаясь в полнейшей темноте, двигались шкидцы. Иошка с Фокой тащили из столовой клеенку, чтобы набросить ее на халдея. Кузя с Якушкой шопотом переругивались из-за кочерги. Шикнули на заряжавшего свой шпалер Женьку. У каждого в руках было "холодное" оружие: веревки, палки, плевательницы.

Не отличавшийся храбростью Сашкец совершенно растерялся, когда вдруг потух свет и в него со всех сторон полетели куски штукатурки и хлебные корки.

Он притаился в углу между стеной и пианино, и шкидцы, не видя халдея, прекратили обстрел. И хотя в дверях с двух сторон слышался подозрительный шум и движение, Сашкец решил, что все кончилось и, зашевелившись, осторожно выглянул наружу. Но сейчас же рядом чей-то знакомый голос прошептал: "вот он", раздался визг, понеслись под ноги плевательницы, градом посыпались на лысеющий череп куски штукатурки, корки и дохлые крысы. Халдей заметался, побежал в коридор, чтобы прорваться на лестницу и к учительской, но там уже, в полнейшей темноте, на него накинули клеенку, сшибли с ног, огрели по спине кочергой, и вся толпа стеснившись, ожесточенно принялась дубасить несчастного воспитателя.

Вспыхнул свет.

Это Викниксор, спустившись к трансформатору, повернул выключенный рубильник.

Шкидцы разбежались.

3

У Дзе с утра болела голова. После уроков он сразу ушел в спальню и заснул.

Проснулся он от визга, свиста и грохота рядом в заде. Света

не было… Дзе полежал еще немного и наконец осторожно выглянул из спальни в коридор. В ту же минуту вспыхнул свет, и шкидец увидел бросившихся врассыпную ребят и зашевелившийся под клеенкой на полу какой-то предмет. Предмет оказался Сашкецом. Поднявшийся с полу избитый и потрепанный воспитатель тоскливо взглянул на Дзе и вдруг, перекосившись от злобы и слез, закричал:

— А-а… это ты!.. Это ты всё, негодяй!.. Ты!.. Ты! Ты!..

— Что я? — растерялся Дзе.

— А вот увидишь! — всхлипнув, взвизгнул Сашкец и побежал вниз навстречу Викниксору.

4

Дзе знал, что про него в этой суматохе не забудут, и на другой день решил объясниться. Но его предупредили.

На первом же уроке в класс вошел Викниксор и, посмотрев на поднявшегося грузина, коротко приказал:

— Вот что, — убирайся домой…

— Это была ошибка, Виктор Николаевич, это было так,

— Довольно. У тебя хватает еще наглости не только хулиганить, но и врать…

Дзе вспыхнул:

— Позвольте…

— Я ничего не могу позволить. Я всё знаю, и мне, известна ваша лисья манера отпираться…

— Вы не даете мне сказать, Виктор Николаевич…

— Я не хочу слушать хулигана.

— Ну, и чёрт с тобой! — заорал садясь и хлопая партой Дзе. — Викниксор от неожиданности шатнулся и, справившись с волнением, деланно-спокойно заговорил:

— По-жа-луй-ста, пожалуйста без грубостей… После всего этого ты, конечно, понимаешь…

— Понимаю, — огрызнулся шкидец, шаря в парте и вытаскивая свое барахло: — Не пой, чирий сядет. Без вас обойдемся.

Викниксор сдержался и, отойдя к двери, прикрикнул:

— Скорей убирайся.

— Успеешь! — процедил Дзе.

— Сволочь, — кинул Воробей, когда зав вышел. Ребята окружили Дзе. Никто не знал, за что его вышибают.

— За вчерашнее. За избиение! — говорил собираясь, Дзе. — Только напрасно всё… А, впрочем, чёрт с ней, со Шкидой… Всех

мало-по-малу вышибут. Сегодня меня, завтра вас.

Гурьбой провожали шкидцы до выхода. Долго невесело прощались.

Из канцелярии вышел Викниксор и раздраженно сказал:

— Дежурный… Выпустить вот этого!

Дверь отворилась.

— Всего.

Одним старым шкидцем в Шкиде стало меньше.

Глава девятая

1

То ли пошли какие-нибудь слухи о шкйдских непорядках, то ли, наоборот, начали толковать об его достижениях, или просто случайно, — но в Шкиду прислала своего сотрудника "Красная газета".

Это было утром, во вторник, в начале февраля месяца.

Сашка пошел с Химиком и Лепешиным в музей выбирать книги, но к ним вбежал красный и вспотевший Кира. Не говоря ни слова, воспитатель схватил стоявшую на виду швабру и пихнул ее за шкаф; потом опять метнулся к двери и, приятно улыбаясь, приветствовал:

— Пожалуйста, пожалуйста… это наш музей… Будьте любезны, посмотрите…

Корреспондент, обросший бородой, невзрачный и больной человек в солдатской шинели, с красным зазябшим носиком, проскочил мимо Киры и, суетясь и сбиваясь, закивал:

— Тэк-с, тэк-с… Очень приятно… Очень приятно… Очень приятно…

— А это, обратите внимание, наш бессменный заведующий музеем… Очень способный и умный ученик четвертого отделения. Подает большие надежды и, так сказать…

— Ага, ага… Тэк-с, тэк-с, тэк-с… Очень приятно, — лепетал, оглядываясь, корреспондент. — Это что у вас? Ах, да, музей… Тэк-с, тэк-с… И, что же это всё ваше, ваши работы?

Шкидцев рассмешило, что оживленный и непринужденный Сашка необыкновенно вытянулся и чужим, официально-сухим голосом и словно давно заученное начал объяснять:

— Перед вашими глазами находится организованный недавно учащимися школьный исторический музей. Он, то есть музей должен показать и отобразить прошлое школы… Перейдем к обозрению отделов. Вот здесь витрины периодической печати: школьные газеты и журналы, вышедшие за последние три года.

— Что вы говорите? — изумился корреспондент. — Так много, и всё это вы сами издавали?

— Да-с, — подскочил Кира: — это всё ученики составляли… самостоятельно-с…

— В распоряжении музея, — продолжал Сашка тем же неестественным голосом, — имеется 107 названий и 361 экземпляр. Это половина всех газет и журналов, издававшихся в

школе. Все остальное находится в собственности издателей и редакторов.

— Поразительно, чёрт возьми! — бормотал корреспондент, суетливо хватаясь за журнал. — "Аргонавты"… Что это… Ведь это стихи…

Даль глядит очами хризолита,
Поле сон отмаливает рожью,
Небо — синий океан разлитый,
Разлитой огнем во славу божью…

— Стихи… Настоящие стихи… поразительно, поразительно!

Ночами хмельная река
Пойдет пениться хлестко
И ветер пьяный трепака
Отплясывать по перекресткам…

— Это вы сами писали?.. Сами?.. Гм!..

— Здесь, — продолжал Сашка, — расположены более солидные издания, Мы имеем здесь сборники, альманахи и книги отдельных авторов, наших учеников.

— Вот! — Кира протянул потрясенному корреспонденту небольшую изящную книжку. — Вот некоторым образом философское сочинение; тоже наш ученик написал.

— Что такое?.. покажите, покажите!.. "Мысли и афоризмы". Что такое?.. "Человечество вечно, последовательно идеализирует"… Гм… гм… "Сейчас нет почвы для романтизма"… Правильно. Романтические герои… останавливали и укрощали взбесившихся лошадей, ну, а теперь как остановить взбесившийся автомобиль, да и не бесятся они вовсе…" Остроумно… Поразительно остроумно.

— Перейдем теперь к отделу живописи, — ровно и звучно продолжал Сашка: — у нас представлено здесь и масло, и акварель, и графика… Далее цикл, относящийся к изучению Петербурга. Внизу — все написанное по этому вопросу воспитанниками. Эта витрина посвящена деятельности литературно-художественных объединений, в частности обществу "Земное Кольцо" и его издательству. Здесь, в этом шкафу, хранятся архивы и документы, относящиеся к истории школы… Здесь же, в музее, идёт точная и подробная разработка их! Все исследования своевременно публикуются в органе музея "Исторический вестник". Вот, кстати, последний номер.

— Невероятно, невероятно, — лепетал совершенно растерявшийся и задавленный корреспондент.

На стенах висели великолепные портреты (несколько лет назад нарисопанные учителями рисования). Из шкафов выглядывали солидные папки документов. На столах грудами громоздились газеты, журналы, книги, альманахи. Со страниц глядели поражающие слова, мысли, стихи.

— Романтизм… Человечество… Идеи… — лепетал корреспондент и вдруг взвизгнул: — Да ведь у вас не дефективный детдом, а академия! Да-с! У вас не ученики, а сплошь философы, поэты, ученые… Читатель обязательно должен познакомиться с вашими достижениями. Я подробно опишу школу имени Достоевского в газете.

Химик и Лепешин вздрогнули. Они быстро переглянулись и, сразу поняв друг друга, незаметно выскользнули из музея….

Через минуту школа заволновалась.

Огромная толпа бросивших свои уроки "философов, поэтов, ученых" сбежалась вниз, к музею. Халдеи сразу же куда-то исчезли. Корреспондента притиснули к стенке. В воздухе повисли жалобы, крик, мат…

— Что вы там музеи осматриваете? — кричал "академик" Будок. — Они так напоют вам, халдеи… Вы посмотрите лучше, что в школе творится… Житья никакого нет.

— Разрядами замучили…

— В изоляторах по неделям сидим…

— Бьют.

— Без обедов…

— Не раньше…

Почувствовавший опасность, корреспондент вытащил из-за пазухи огромный засаленный блокнот и, мелко трясясь и ничего не понимая, суетливо зачирикал на листках…

Но, должно быть, это не всем было видно: задние поднаперли на передних, передние поднаперли на корреспондента, — сбоку кто-то выстрелил. Корреспонденту показалось, что начинается восстание; он слабо закричал, начал пробиваться через толпу и, теряя по дороге листочки блокнота, кинулся к выходу.

— Что это такое? — спросил у Сашки проходящий учитель математик. — Все бросили уроки, побежали сюда, начали кричать и жаловаться… Почему это случилось?

— Накипело, дядя Миша, — ответил шкидец, — накипело у ребят и сорвалось.

2

На следующей перемене Химик увидел Сашку в зале. Сашка стоял у окна и рассказывал обступившим его ребятам про появление и исчезновение корреспондента.

— Наговорил я ему сорок бочек арестантов, он сразу и обалдел. Идет и обо все столы по очереди стукается… Ей-богу!..

Вдруг всё в зале затихло.

Из двери прямо к кучке у окна шел Викниксор. Химик увидел его последним.

— Тш-ш…

— Ну-с, — иронически глядя на Сашку, проговорил заведующий: — объясни мне, сделай милость, что у тебя там накипело?

Толпа зашевелилась; некоторые злорадно, предчувствуя дешевое развлечение, засмеялись; некоторые робко попятились и начали пробираться к дверям.

Сашка стоял бледный.

— Я не понимаю вас.

— Вы изволили изъясняться в ваших чувствах в присутствии лиц, которые могут засвидетельствовать это. Впрочем, если вам по всегдашней вашей привычке благоугодно будет начать отпираться…

— Что вы хотите?

— Да что у тебя накипело, скажи мне… Ну, не смущайся, светик, не стыдись, подними глазки, стань ровненько и начинай…

— Хорошо! — Сашка сжал в карманах кулаки и поднял голову. — У меня накипело вот что. Всегда, как только кто-нибудь приходит в школу, вы водите и показываете музей и всё хорошее… А обо всем скверном, которого у нас до чёрта, всегда молчите и замазываете…

— Постой. Во-первых, сегодня корреспондент пришел в мое отсутствие, а, во-вторых, где ты нашел плохое, что тебе не нравится?

По залу, весело разговаривая, прошли Иошка, Фока и третьеклассник Душка. Фока взглянул на толпу и улыбнулся…

— А Саша наш опять агитирует; теперь, кажется, добрался уже до Викниксора…

— Он неисправим! — пожал плечами Иошка.

— Разве это допустимо? — горячо говорил Сашка.

— И разряды, и "летопись", и изоляторы, и оставление без обедов, и многое другое… Что вы там тычете гостям музеи и журналы, почему вы не покажете им изолятор?

— Слушай, можно говорить, но нужно и следить за тем, что говоришь. И летопись, и разряды, и изолятор — это система… Наказания в дефективной школе необходимы — это истина

непреложная…

— Допустим… Пусть наказания нужны… Но ведь в школе произвол, каждый воспитатель делает то, что он захочет…

— Каждый воспитатель действует на основании инструкции.

— А где она? — вырвалось неожиданно у Химика. Инструкция ваша?

— Инструкция в канцелярии, и показывать ее каждому сопляку мы не находим нужным. Но мы действуем, руководствуясь ею…

— Хорошо, — продолжал Сашка, — у вас есть общая инструкция, но ведь все-таки воспитатели, и руководясь ею, могут делать всё, что им вздумается. Вот, например: идет шкидец и держит руки в карманах; один воспитатель и внимания на это не обратит, а второй возьмет и запишет: "нет такого закона — скажет, — чтобы руки в карманах держать". Или на подоконник сядет кто, — один воспитатель не запишет, а второй, запишет. "Это непорядок, — скажет, — я на основании инструкции должен за порядком следить, а раз его нарушают, должен записать" — и запишет; и прав… Нет, Виктор Николаевич, школьного основного закона у нас нет… А помните, вы же сами на древней истории, когда мы про Дракона и Ликурга учили, вы сами сказали, что закон, даже самый суровый, самый жестокий, лучше беззакония…

Когда Сашка говорил, в зале стало совсем тихо, и только слышался его одинокий, взволнованный голос… Викниксор молчал и был казалось, тронут горячностью шкидца.

Но перемена уже успела кончиться и дежурный начал звонить на урок.

Викниксор опустил свою ладонь на Сашкино плечо.

— Хорошо… Я буду помнить всё, что ты сказал. Мы обсудим на педсовете вопрос об основном законе, о школьной конституции… И это хорошо, что ты горячился и высказал. Не забывай так делать и дальше… А теперь, — возвысил он голос, обращаясь к остальным, — идите в классы…

3

В представлении Химика халдеи были породой людей, которая действует всегда противно природе и здравому смыслу. И он, казалось, знал наверняка, как должен поступить халдей Викниксор при разговоре с Сашкой: сначала обругать, потом закричать, вцепиться в загривок и поволочить в изолятор. Так делали все. И заведующий "Пешка" из детдома "Красный Молот", и заведующий генерал с Миллионной, и профессор Подольский в

своем морально-социальном институте.

Викниксор так не сделал… Он не кричал на шкидца, а, наоборот, пообещал всё запомнить и обсудить на педсовете. Он не потащил его в изолятор, а одобрил и похлопал по плечу. Он выслушал его и был взволнован.

Химик за свою жизнь стал двужильным человеком, и никакие чувства, а тем более халдейские, не могли прошибить его. А между тем, когда шедший с ним рядом Лепешин пробормотал с самым искренним недоумением, что ведь Викниксор-то оказывается парень что надо, Химик поддержал своего друга.

Они весь день порывались сходить к Сашке и поговорить с ним и о конституции, и о Викниксоре, но, как на зло, Лепешину подошла очередь дежурить по классу, а к Химику придрался извечный его враг Амёбка и велел стоять после уроков в наказание. Потом был ужин и опять уроки, и только после вечернего чая смогли ребята попасть к Сашке.

И тут им не повезло: Сашка в музее был не один; рядом с ним у топящейся печки сидели Иошка и Душка, а на диване, привольно расположившись и не боясь измять свой новый коричневый костюм, курил Фока.

— Входите, входите, — крикнул Сашка, видя, что Химик и Лепешин хотели уже повернуть обратно. — У меня ведь сегодня званый вечер. Я вам утром и сказать не успел, чтобы вы меня поздравили… Мне сегодня стало 16 лет.

— Ну? — неизвестно отчего обрадовался Химик. — Ишь ты как… поздравляю.

— Поздравляю, — тихо сказал Лепешин и покраснел.

Самым неприятным для Лепешина было присутствие в музее Душки. Этот красивенький и похожий на куклу шкидец с синими женственными глазами и нежным лицом, — "Херувимчик" и "Душка" по прозванью всех окрестных марух и торговок семечками, сердца которых он покорял одним взглядом, — был самым отвратительным из шкидских ростовщиков. Он осторожно и с чисто паучьей вежливостью опутывал своих должников, нагонял и выколачивал огромные проценты, действуя где сам, где через подставных лиц, не стесняясь пускать в ход и ругань, и кулаки, и фискальство… Неизвестно, как он попал в Иошкину компанию, которую с легкой Сашкиной руки называли "золотой молодежью".

Может быть, привлекало присутствие блестящего, аристократичного Фоки; может быть, надоела своя ростовщическая брашка…

Как-то не верилось, глядя на него, что юноша с таким чистым и нежно-откровенным лицом мог изо дня в день подличать и

заниматься грязными делами. Именно эта двойственность и свела с ним Иошку. Тот любил все необычное, странное и ненатуральное. Он часто подолгу и откровенно, во всех омерзительных подробностях расспрашивал Душку, — которого прозвал Дорианом Греем, — о его должниках, ссудах и процентах, хотя чаще всего тот просто отвечал: "Деньги не пахнут".

Сейчас Душка даже показался Лепешину еще более неприятным, чем обычно… Он видел, как этот шкидец затащил в уборную и колотил там своего одноклассника Федорку, вконец проигравшегося картежника, который безнадежно задолжал ему рубль… Душку боялись, хотя ни силой, ни храбростью он похвастаться не мог, а поддерживал уважение к себе хвастовством и рассказами шпанских историй, где обязательно участвовал он и трупы, ножи, шпалера, кровь… Его даже и звали за это: "два ножа и сбоку пушка".

— Ты определенно неисправим, Сашка, — раскачиваясь на стуле и кривя свой большой и некрасивый рот, насмешливо говорил Иошка: — я слышал, что ты договорился с Викниксором до конституции… Ну, что ж, бог в помощь, в добрый час. А всё-таки ты идиот, прости меня. Кого ты у нас насмешишь этой допотопщиной? Хочешь, расскажу тебе про нашу шкидскую демократию… Про остракизм наш знаешь? Приходит к Викниксору делегация, говорит: желаем искоренить воровство, созвать собрание, чтобы каждый подал записку с фамилией. Чья фамилия пять раз повторится, тот огребает лавру или реформаториум, знаешь это?.. Ну так вот: против меня пятнадцать человек собралось. А Женька?.. Купил себе за пуд хлеба должность старосты по кухне…

— Постой, — перебил Сашка. — Ведь ты говоришь о том, что есть сейчас, а я хочу, чтобы этой мерзости не было. Основной закон, устав школьный нам нужен сейчас как воздух… А демократия наша… её надо направлять… Ею будет руководить группа передовых ребят, коллектив в роде юнкомовского.

— Да ты, ей-богу, чудак! — расхохотался Иошка. — Он хочет организовывать Юнком, а… Что вы на это скажете, банкир?…

— Чёрта с два, — хрипло ответил Душка. — Разгонят их, как и раньше разогнали. Нашли с кем дело иметь — с Викниксором, задрыгой чертовым…

— Нет, отчего же, — тряхнув белокурой головой и швырнув окурок, отозвался с дивана Фока. — Организация, вообще, вещь хорошая, только её организовать уметь надо, со смыслом… Подпольная, например, организация. Вот как у нас в школе было общество "любителей выпить и закусить", лига "Железный крест" или еще "Союз святого Георгия-победонсца".

— Погоди ты со своими фашистиками, — улыбнулся Иошка. — Знаем ведь дела ваши: малышей чернилами пачкать да учителям смертные приговоры выносить.

— Ну нет, у нас и серьезное было… Например, борьба с еврейско-комсомольским засилием, борьба против революционных кампаний…

— И организация еврейского погрома, — саркастически подхватил Сашка. — Знаю, знаю… Сам ведь хвастался, как накануне Пасхи вывесили плакат: "Всем, всем, всем… Только у нас в ночь с субботы на воскресенье еврейский погром… Монопольно на весь Петроград"… Здорово…

— Подумаешь, — протянул Иошка: и пошутить уж нельзя… По-твоему, всем надо сидеть по музеям и греться у печки… Вообще, знаешь ли, у вас есть нехорошая манера все преувеличивать… Поколотят где нибудь жидка — "еврейский погром", разнесут ларек — "бунт", изволохают мильтона — "бандитизм"…

"Ничего себе рассуждает, — подумал Химик: — а еще председателем Юнкома был!.."

— Ты говоришь о ненормальностях, — загорячился Сашка, — и по своему обыкновению передергиваешь и съезжаешь на другое… А я все-таки скажу, что если у нас будет школьный устав, все эти ненормальности исчезнут. Наша школьная конституция…

— Конституция… — Ой, уморил!.. Нашли халдеи дурака, который поверил им… А помнишь раз в третьем классе о конституции говорилось… Тоже Викниксор обещал подумать и обсудить. Верно — думали и рассуждали, только вместо конституции решили открыть второй изолятор… Получите, мол, пока каталажку, а об законах поговорим после…

Лепешин сидел и, расширив свои большие мечтательные глаза, жадно прислушивался. И только в мозгу неотступно почему-то вертелось название книжки "Оцеола, вождь семинолов".

Химику, наоборот, было скучно; он посидел, поболтал ногами и, заметя на столе книжку, взял ее… Стихи… Интересно.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой,
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзвуком долины…

— Ну ладно, — поднимаясь, проговорил Иошка: — сделали мы тебе именинный визит, поздравили, поговорили, а теперь и погулять хочется… Пойдем…

— С удовольствием, — быстро и радостно отозвался Сашка. — Со вчерашнего дня не был на улице… Смотрите, что это такое?.. Химик зачитался Боратынским… Нравится тебе?…

— Нравится… Красиво написано…

— Так ты возьми… почитай еще… Да иду, иду — не тяните…

* * *

"А чёрт его знает, — размышлял над Боратынским Химик. — "А ведь и Сашка к ним в компанию втянется; ну факт, что втянется, раз гулять пошел…"

И вздрогнул.

— Хорошие ребята, — говорил рядом Лепешин, — Прямо фартовые даже.

Глава десятая

1

Все разговоры о "конституции" и школьном уставе обернулись самым странным и неожиданным образом.

На педсовете после краткого, викниксоровского сообщения поднялась целая буря.

Сашкец сказал, что если сейчас воспитанники проводят все время в бузе, занимаются воровством, картами, ловят и избивают воспитателей, то что же будет, если им дать конституцию?..

Кира добавил, что распущенность ребят дошла сейчас до такого предела, когда приходится думать только о введении новой, более жестокой системы наказаний:

— Не конституция им нужна, а арапник!..

Амёбка, соглашаясь во всем с высказанными положениями, рекомендовал не откладывать дела в долгий ящик и немедленно перейти к обсуждению новых мер пресечения и наказания.

Эланлюм заметила, что в Шкиде к без того достаточно хорошее отношение и что давно пора усилить репрессивные меры.

Селезнев целиком поддерживал мнение всех "предыдущих товарищей".

Дядя Коля поддерживал мнение Селезнева.

Сашкец выступил вторично и внес проект резолюции: объявить непримиримую и усиленную борьбу с картами, бузой и воровством, ввести в школе особое положение, отменить прогулки и отпуска; произвести налеты на уборные и выловить всех злостных картежников; в течение месяца устроить остракизм; дать воспитателям право безапелляционного перевода в штрафные разряды; в случае переполнения изоляторов учредить еще один вспомогательный.

Костец заявил, что если будет введена конституция, он уйдет из Шкиды; Селезнев грозил месткомом. И упрямо защищавшемуся Викниксору ничего не оставалось, как сдаться. Резолюция Сашкеца была принята.

Тут наступил перелом.

Опять выступил Сашкец и, заметив, что следует только приветствовать своевременность постановки вопроса о школьном основном законе, прибавил:

— Когда школа будет усмирена и приведена в нормальное состояние, нужно и должно будет создать комиссию для

разработки важнейших положений конституции.

Соответствующее дополнение было принято единогласно, и Викниксор велел вызвать из музея Сашку.

— Вот, — сказал Сашке заведующий: — ты можешь убедиться теперь, что мы всегда идем навстречу лучшим элементам школы. После того как школа будет замирена и выправлена, мы станем на путь самоуправления, законности, конституции; на путь, который…

— Ах, Виктор Николаевич, — перебил Сашка. — Не с того вы начинаете… Ведь ребятам и сейчас от разрядов да изоляторов не дохнуть, а вы хотите новые наказания вводить… И вы ошибаетесь, если думаете, что это подействует на нас, нам теперь всё нипочем: мы привыкли…

— Ну ладно, — поморщившись, махнул Викниксор. — Ладно, иди… Тебе нас учить нечему, мы знаем, что и как делать. Иди!

— Не понимает ещё — добавил он, когда сконфуженный Сашка вышел.

— Да, — с усмешкой поддакнул Кира, — не педагог, сразу видно…

2

"В бузе, обретешь ты право свое".

"ВОЗРОЖДЕННЫЙ АППЕНДИЦИТ".

"Официальный орган Шкидского Общества любителей выпить и закусить".

№ 1

Улиганштадт.
Февраль 1924 года.

МАНИФЕСТ.

Дорогие товарищи.

Последние дни мы имеем некоторым образом возрождение и оживление нашей дорогой и уважаемой шкидской общественности. Прославленный в летописях

нации великий ученый и политический деятель, директор государственного музея Шкиды, обратился к президенту республики г-ну Викниксору на предмет выдачи конституций. Вняв голосу общественности и по обсуждении этого вопроса с государственными чинами, президент приказал в двадцать четыре часа распубликовать все имеющиеся свободы и по расстрелянии донести. Когда свободы были вконец распубликованы, серый и некультурный народ наш начал кричать и выражаться. И мы, объявляя себя верными сынами Шкидского отечества, со всей ответственностью сказанного заявляем: "мало вас, чертей, драли, узнаете теперь свободу!" И с восторгом ждем того дня, когда конституция сделается наконец достоянием долготерпеливого нашего народа.

Любители выпить и закусить.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИЙ,

внесенной обществом в комиссию по выработке основного школьного закона.

1. Сим объявляется на территории Шкиды полная свобода.

2. Все шкидцы без различия возраста, роста и аппетита могут делать всё, что им захочется.

3. Все воспитатели могут тоже делать всё, что им захочется.

4. Для того чтобы шкидцы не делали всё, что им захочется, учредить на предмет пресечения в каждом классе изолятор и приставить к нему по субъекту с Летописью.

5. В остальном порядок старый.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В помещении редакции сегодня вечером состоится закрытое собрание общества любителей выпить и закусить.

Доклад председателя общества Г. Ионина

"Практика самогоноварения".

Вход по членским билетам. Рюмки и приборы

приносить с собой.

3

Речь Викниксора, посвященная генеральной чистке школы, на ребят не произвела никакого впечатления. И сказана-то она была наспех, торопливо, и в конце обеда — и поэтому сразу и забылась. Никто во всей Шкиде не думал, что халдеи серьезно готовят наступление.

Два налета — на верхнюю и нижнюю уборную — были произведены одновременно. Наверху удачи не было. С коридора кто-то успел крикнуть "зеке", кто-то, не растерявшись, перерезал провода, и в темноте карты, шпалеры и ножи побросали в стульчаки и залили водой.

Внизу шла крупная и азартная игра. Банк держал Голый Барин; играли: Арбуз, Женька и Душка. При появлении халдеев они успели бросить карты; Голый Барин, который стоял спиной к дверям, был схвачен прямо с колодой в руках. При обыске у него нашли нож, шпалер и банку с порохом. Потом шкидца отпустили, а обо всем происшествии пошли докладывать Викниксору.

"А чорт с ней, с запоркой! — думал, сидя в классе, Голый. — Пятым разрядом отгавкаюсь; месяц на улицу не пустят!

Голый ошибался.

Через несколько минут в класс пришел Викниксор.

— Ребята! — хмурясь сказал он. — В вашем классе есть преступники, картежники — майданщики. Ты, — обратился он к Голому, — сейчас пойдешь домой. Мне рецидивистов и атаманов не нужно… Убирайся сейчас же из школы и не задерживайся!

— Мне некуда идти.

— Домой.

— У меня нет дома…

— К матери…

— У меня нет матери.

Викниксор приподнял брови:

— У тебя есть мачеха.

— Она не примет меня к себе.

— Нас это не касается… Мы преступников в школе держать не можем.

— Мне некуда идти, Виктор Николаевич.

— Виктор Николаевич, — заговорил Иошка: — ему верно некуда идти. Нельзя же выгонять, ведь ещё зима, куда же он пойдет?..

— а о чём он думал, картежничая… Вы со своим тюремным

товариществом только разлагаете школу. Тебе говорят, — крикнул Викниксор: — уходи! Слышишь?

— Куда же? — криво и сдерживаясь, чтобы не всхлипнуть, спросил Голый. — Куда же идти? Воровать? В Фонтанку с Калинкина моста?..

— А это твое дело… Можешь с Калинкина, можешь с Обводного.

4

Когда железная проржавленная калитка, прогрохотав, закрылась за спиной, и холодный февральский ветер, засвистав, закрутился по темному иссугробленному переулку, подумалось: "Куда идти?"

Голый спрятал руки в рукава пальто, стоял, прислонясь в стенке дома, думал:

Куда идти?

В ночлежку — уже было поздно. И потом у него оставалось только тринадцать копеек денег; остальные были отобраны при обыске в уборной…

Шкидец поежился в споем легком пальтеце и медленно пошел вперед…

Магазины и лавки уже были закрыты. Порошивший снег летел на лицо сухой и непрерывной завесой. Блестящие фонари упирались в темноту конусом света. Был ветер, вечер, мороз. Улица быстро пустела.

Голый Барин прошел по Садовой до Покровского рынка и свернул там к Екатерининскому каналу. Он чувствовал, что коченеет, и шел быстрей и быстрей, пока не побежал… У Аларчина моста остановился, обессиленный и неприятно вспотевший. Он постоял немного, передохнул и повернул обратно. Но опять ветер и холод заставили ускорить шаг и побежать.

Он бегал взад и вперед по улицам, останавливался, тёр уши и нос и не заметил, как снова очутился недалеко от Шкиды.

Ворота уже были заперты. Голый перелез забор со стороны переулка и тихонько пошел по двору. Школа спала, и все было заперто.

Голый поднялся по лестнице на самый верх и, свалившись на площадке у дверей чердака, заснул усталым и тяжелым сном.

Сашкец, сменившись с дежурства, пообедал, выспался, сходил в кино и, встретив там дядю Колю, просидел с ним до двенадцати часов в пивной.

Возвращаясь в Шкнду, он пробовал петь, заговаривал с прохожими и дал открывшему ему ворота дворнику на чай двугривенный.

Сашкец жил при школе, в мансарде рядом с чердаком. По лестнице он поднялся благополучно, но на площадке у самых дверей запнулся и едва не упал.

— Гм, — бормотал халдей: — узел какой-то, тряпки… Нет, не тряпки… Человека кто-то положил… Подкидыш, что ли? Человека подкинули.

Он зажег спичку и наклонился. Из темноты, освещенное прыгающим светом, выступило посиневшее и скрюченное лицо Голого Барина… Сашкец выронил спичку и торопливо зажег вторую. Потом быстро открыл дверь и втащил шкидца в комнату.

Голый проснулся на широком покойном диване, в странной комнате с низким и накренившимся потолком. Рядом топилась раскаленная докрасна чугунка и стоял Сашкец.

— Ну? — строго спросил халдей. — Ты как попал на лестницу?

Вместо ответа Голый заплакал.

— Ах ты боже мой! — поморщился Сашкец. — Заревел! Ты толком расскажи мне, а не реви…

— Выгнали… Викниксор выгнал… А куда я пойду. — у меня никого нет, только мачеха одна, да и та чужая…

— А за что выгнали?

— За карты… — всхлипнул шкидец — В карты мы играли в уборной. Кто-нибудь накатил, нас и поймали.

Сашкец отошел к столу и задумчиво забарабанил пальцами… Потом посмотрел на часы и сказал:

— Сиди тут, грейся. Я к Виктору Николаевичу схожу; если он не спит, поговорю с ним.

Голый остался в комнате. Ни думать, ни желать ничего не хотелось. Смотрел на странный скошенный потолок, на странную низкую комнату, слушал, как гудит пламя в чугунке, и чувствовал холод в ногах от промерзших ботинок.

Сашкец вернулся скоро. Запер за собой дверь, снял галоши, разделся и подошел греть руки к чугунке…

На другой день Голого Барина приняли обратно. Сашкецом Викниксор был явно недоволен. И не скрывая этого, сказал, что тем более неуместны подобные ходатайства для воспитателя, предложившего резолюцию об усилении репрессий.

Отпуская добавил:

— Буду надеяться, Александр Николаевич, что подобных историй впредь с вами не повторится.

Известие о случившемся облетело всю Шкиду.

И Сашкец был разом вознагражден за все неудачи. Его воспитанники, кипчаки, клялись никогда не бузить на уроках истории, старательно учить её и встретили и проводили Сашкеца аплодисментами и криками "ура". В столовой тоже аплодировали, кричали: "да здравствует дядя Саша", а Иошка торжественно пожал ему руку "от лица всей школы".

Учительская была недовольна, и естественник Амёба, отводя в сторону халдеев, жаловался, что Сашкец, "в поисках популярности, действует очень неполитично и разбивает единый воспитательский фронт…"

Глава одиннадцатая

1

— Слышь, Розен! — крикнул Душка, мимоходом заглянув во второе отделение: — не отдашь сегодня трешку, завтра полтинник набавлю:

— Какую трешку? Я у тебя рубль брал.

— А ты считать умеешь?

— Умею…

— Рубль ты у меня когда брал?.. В январе. А сейчас апрель кончается. Не отдашь сегодня трешки, завтра три с полтиной будет.

— Да ты что? с ума сошел? — удивляется "барон" Розен. — Два с полтиной на рубль насчитал… С Гоголя и получи!

— Как? — нахмурившись подходит к парте Душка: — как ты сказал, зануда? С Гоголя?.. Не отдашь?

— Факт, не отдам… Три рубля! — В морду хочешь?

— Дай! — вскакивает "барон": — дай, попробуй.

Раздается звонкая оплеуха… Розен с воем хватается за покрасневшую щеку и падает обратно на парту…

— Ну? — спрашивает Душка. — Хватает? Будешь отдавать или нет?

— Уйди, — плачется Розен. — Откуда я тебе трешку возьму?

Новая оплеуха звонко отдается в классе, и снова воет "барон". Рисующий у окна худой и растрепанный новичок Андреев внезапно бросает краски и бледнеет.

— Оставь… Розена! — задыхаясь говорит он. — Под силу себе нашел, что ли?..

Это неожиданное вмешательство до того поражает Душку, что он действительно оставляет своего должника и глядит на Андреева.

— И ты, значит, в морду захотел?.. Смотри, схлопочешь, паразит…

— Сам ты паразит, ростовщик чёртов! Гадина ты!.. Сука!.. Сволочь! У нас таких гадов убивали прямо, в сортир головой сбрасывали…

— Сейчас по морде дам…

— А я тебе такого отвешу, что и не запросишь больше!

Синие душкины глаза становятся совсем темными; нежное, миловидное лицо белеет.

— Стыкнемся.

— Выходи.

Они становятся друг против друга. Худой и неуклюжий художник явно ощущает свое бессилие, глядя на ловкого красавичка-ростовщика. Душка, нахмуренный и злой, смотрит, куда бить… Противников сразу окружают ребята; лица всех мрачны я сосредоточены. Потом раздаются глухие крики:

— Дай ему, Андреев!

— Дай!

— Дай!

— Начни только!

— Не бойся!

— Не бойся, Андреев!

В комнате повисает страшная неощутимая угроза. Душка белеет до синевы и начинает отступать к двери… Чувствует, что сзади уже кто-то заходит… Сейчас —

— Душка! — слышится вдруг из коридора голос Фоки: — куда тебя черти занесли?.. Ждать себя только заставляешь! Идем!..

2

Ваську Андреева прислали из провинциального реформаториума. Прислали потому, что он сам настойчиво просил отправить его в Питер, где хотел учиться рисованию…

Худой, длинный, неуклюжий, с растрепанными жидкими волосами, с папкой рисунков, с ящиком красок, Андреев появился в Шкиде в середине апреля. Его посадили во второй класс, и он, обосновавшись у окна, принялся за карандаши и краски, рисуя портреты ребят.

И шкидцы сразу прониклись почтением к новичку, хотя он не обращал никакого внимания на происходившее вокруг него, рисовал, читал и непонятно чудил.

Когда в Шкиде в первый раз с зимы открыли окна. Андреев поставил на подоконник стул и, усевшись на нем, принялся рисовать эскиз, поплевывая по привычке в сторону. Плевки шлепались на панель, на головы и лица прохожих, и вскоре внизу уже собралась и шумела достаточная толпа.

Тогда Андреев встал во весь рост на подоконнике и, вытянув руку, произнес:

— Умолкни, чернь непросвещенна! — и сбросил на улицу стул.

Озлобленная "чернь" не умолкла, а подступила к дверям и начала ломиться в Шкиду… Ребята сбегали в четвертое

отделение, и там Фока, обличьем похожий на халдея, сошел вниз, открыл дверь и, приняв протянутый стулик, сообщил бушующим гражданам, что воспитанник сумасшедший, сейчас сидит в смирительной рубашке и будет отправлен в сумасшедший дом.

Этот-то Васька Андреев, после неудавшейся своей стычки с Душкой, увидел, что никто из ребят не расходится. Вполголоса начался разговор, и после недолгого препирательства решили крыть Душку вечером в спальне…

3

Почуявший недоброе Душка пришел в спальню не один, а в одно время с Фокой, Иошкой и своим другом по амурным делам третьеклассником Бобром.

На его кровати в ногах сидел Андреев, кругом в проходах и на постелях толпой громоздились ребята, в стороне стоял Купец, которого упросили перехлестнуться с Фокой, если тот станет заступаться за ростовщика.

И те, кто пришел с Душкой, сразу поняли, что если они помогут ему, — их будут крыть заодно: в спальне собралось человек семьдесят ребят — почти вся Шкида.

Душка увидел, как опустились глаза у Иошки, Фоки и Бобра, — они остановились у кроватей, не глядя на собравшихся, принялись торопливо раздеваться, а он продолжал идти к своему месту, навстречу толпе, навстречу темным ожидающим лицам, тяжелому болезненно-неизвестному страху.

Толпа расступилась перед ним и снова сомкнулась за спиной…

Навстречу встал Андреев. Рядом с ним оказался Розен с толстой, сложенной вчетверо велосипедной цепью, которую принес Лепешки в доказательство, что его велосипед не "мифология".

— Ну, — сказал Андреев, — теперь стакнемся? Душка опустил руку в карман, нащупывая нож.

— Я с тобой драться не буду, — тихо сказал он.

— Нет, будешь! — закричал, вспыхивая Андреев! — Будешь, гадюка, я тебя заставлю… Слышишь?..

— Я драться не буду…

— Будешь!..

— Не буду.

— Будешь!!!

Ребята сдвигались вокруг плотной непроходимой толпой. Розен вытягивал вперед велосипедную цепь. Иошка, дрожа,

стаскивал и срывал одежду, срывал ботинки, спеша раздеться и броситься в кровать…

— Ну? будешь?

— Пойдем в класс… Один на один… Тогда буду. — Ага! — Закричали в толпе. — Испугался, сволочь!.. Дай ему, Андрюшка…

— Дай!

— Начни только!

— Не бойся!..

Все ждали, чтобы Андреев "разжег темную". Но неожиданно Розен ударил по голове Душку велосипедной цепью; ростовщик закричал и, растопырив руки, упал на колени, уткнувшись лицом в постель.

Иошка судорожно натянул на уши одеяло и стиснул зубы…

Тишина раскололась ясным и спокойным вопросом:

— Что у вас здесь происходит? Почему все одеты и не в кроватях…

В дверях стоял Викниксор с дежурными воспитателями.

Все молчали. Никто не смотрел ни на заведующего, ни на поднимающегося с пола Душку. Викниксор махнул воспитателям, чтобы они вышли, прикрыл дверь и подошел к ребятам.

— Объясните мне все, что у вас здесь было; говорите, не бойтесь!..

Тогда один за другим шкидцы начали говорить.

И от злости, сдерживаемой ненависти, в пылу обиды на Душку наговорили таких дел, к которым он не имел никакого причастия. Но Душка боялся сказать слово и только тихо всхлипывал, держась рукой за окровавленный затылок.

— Хорошо, — сказал Викниксор, — мне теперь всё ясно… Он виновен перед вами. Только незачем было устраивать избиение… Поступите с ним организованно…

— Мы и поступили организованно…

— Нет — мордобой тут ни к чему. За его поступки его надо судить… Устроим завтра собрание и сообща решим, что сделать…

— Соглашайтесь, ребята! — глухо проговорил с кровати Иошка. — Так, как Виктор Николаевич говорит, — лучше…

— Правильно, — поддержал его Лепешин. — Засудим эту сволочь завтра… Давай, Розен, цепь, ничего больше не будет…

Викниксор взял слово с ребят, что они не тронут Душку и ушел из спальни позвать воспитателей… Шкидцы медленно расходились…

— Счастье твое — сказал напоследок Андреев, — не приди Викниксор, быть тебе сейчас в лазарете…

4

Утром, после чая, в столовой выбрали товарищеский суд. Каждый должен был подать записку с фамилиями пяти кандидатов.

Большинством голосов были выбраны Сашка и Будок от старших и Андреев, Лепешин и Лапа от младших. Председателем утвердили Сашку как самого старшего из всех выбранных. Иошка заявил, что желает защищать подсудимого.

Первое заседание суда состоялось через полчаса в музее. Решено было, что Будок, Лепешин и Лапа произведут и закончат к вечеру сбор жалоб, а Сашка и Андреев составят обвинение… Вечером постановили рассмотреть весь собранный материал и приступить, к душкиному допросу…

Судить вечером начали было в третьем классе, но собралась вся Шкида, мест нехватало и поэтому перешли в столовую.

Душка явился с забинтованной головой, робкий и присмиревший; нежное и красивое лицо его было исцарапано и побито, губы побелели и ссохлись… Он держался предупредительно-скромно и боязливо, совсем изменившийся со вчерашнего избиения. И когда Сашка сказал ему, что он имеет право отвести судей, которых считает пристрастными, Душка ответил, что верит всем ребятам. На вопрос Булка, что заставляло его заниматься ростовщичеством, дрожащим голосом отвечал, что это у него привычка, полученная в других детдомах.

После первого допроса суд ушел посовещаться и вынес предварительное решение, что во всяком случае Душке в Шкиде дальше оставаться будет нельзя…

Утром вызывали свидетелей, но Иошка перешел в наступление, говоря, что суду больше нечего делать, раз он постановил удалить Душку из школы… Спорили несколько часов, но разбирательство постановили продолжать…

Выяснилось, что Душка в продолжение почти двух лет занимался в школе ростовщичеством, давая деньги по двадцати процентов в неделю, и присчитывал эти проценты потом к долгу. Должники нарочно долго не предупреждались, чтобы долг успел побольше нарасти. Большинство учеников не в состоянии были вернуть его и из недели в неделю отдавали в уплату процентов всё, что приносили из отпуска… Почти все младшие ученики были в долгу у Душки, и он выколачивал проценты угрозами и побоями… Осипов и Меркулов не выдержали и сбежали из Шкиды; ростовщик дал знать на волю шпане, и ребят на гопе избили до-полусмерти.

Выяснилось, что он содержал картежные майданы в верхней и

нижней уборных, — давал деньги большинству игроков — банкометов, благодаря чему все выигрыши поступали в его пользу… Для уплаты процентов и проигрышей принимались и вещи, и Душка сам указывал места, где можно раздобыть их. Всё это сбывалось потом на сторону, скупщикам краденого.

Выяснилось, что все новички сразу же попадали в душкины руки…

Суслов, Капаневич, Розен, Верховский рассказали, что Душка в первый же вечер забрал у них вещи и, дав деньги, упомянул: "отдадите как-нибудь", а через месяц предупредил, чтобы отдали сейчас же и вдвойне…

Арбузов, Мамонтов и Васильев рассказали, как Душка вымогал у новичков разные вещи.

Но Душка теперь отрицал почти всё и держался храбро. Видно было, что он уже сговорился со своим защитником. Иошка сбивал и изматывал вопросами свидетелей, требовал, чтобы суд разбирал только случаи ростовщичества, когда началось разбирательство продажи краденого, требовал поминутно вызова свидетелей с воли.

А между тем Шкида снова начала волноваться. Узнали стороной, что Фока с Иошкой ходили к Викниксору с просьбой прекратить суд, что заведующий отказал суду в требовании отвести от защиты Иошку и привлечь Фоку, Бобра и еще нескольких третьеклассников к ответственности за соучастие.

С утра третьего дня пополз по школе тревожный слух, что сегодня будут крыть Душку и его защитника. Иошка боялся выходить из класса, а Сашка пошел к Викниксору и просил посадить Душку в изолятор.

Весь день длились безрезультатные заседания… Окончательно запутанные судьи нервничали и злились на Иошку…

Наконец не выдержавший Андреев пригрозил защитнику "тёмной". Иошка потребовал занесения этого в протокол… Началась свалка…

Только в первом часу ночи вызвали Викниксора, Иошку, из изолятора привели Душку и объявили решение:

> "Товарищеский суд школы имени Достоевского считает доказанными все факты ростовщичества, вымогательства, краж, пособничества и паводки на воровство, скупки и продажи краденого, содержания картежных майданов и пр. В виду совершеннолетия обвиняемого и ответственности его перед законом РСФСР передать дело органам прокуратуры…"

Сашка читал глухо и однотонно и один раз бестолково сбился, когда Иошка прошелестел ему на ухо:

— Душка сегодня хотел повеситься…

Душка стоял опустив белую забинтованную голову и когда приговор прочитали, только устало шевельнул тонкими запекшимися губами;

— Правильно…

И Викниксор сказал тоже:

— Правильно!

* * *

Ночью Иошка с Фокой пробрались к изолятору, взломали замок и заранее с вечера открытым черным ходом вывели Душку на улицу.

Глава двенадцатая

1

Глухое, давно сдерживаемое недовольство старшими наконец прорвалось.

Его, конечно, можно было потушить в самом начале, но уж очень заманчивым представлялось воспитателям разбить и расколоть на два лагеря школу, противопоставить друг другу старших и младших…

Шкида издавна делилась на четыре отделения, из которых четвертое и третье считались старшими, а второе и первое младшими. Это не были обычные школьные классы, в которых регулярно по весне происходят экзамены и переводы, — шкидцы сидели в своих отделениях, куда их определял заведующий, — год, два, три, четыре, не переходя из одного в другое.

В первые годы сортировка ребят была равномерней и новичков в равной мере сажали во все классы…

В последнее время в старшие отделения из новичков никто не подходил, и все они оседали в первом и во втором отделениях…

И в то время, как младшие классы разрослись и пополнились, старшие не только остановились в росте, но потеряли Цыгана, Быка, Бессовестина, Гужбана, Лёньку, Гришку, Дзе, еще нескольких человек и наконец Душку. Осталось всего двадцать два человека, десять в четвёртом, двенадцать в третьем отделении, которых на лето решено было слить в одну группу.

Против этих двух десятков стояло шестьдесят семь человек младших.

И это была не детдомовская мелюзга, не мелочь, которую можно припугнуть и разогнать, а такие же ребята, как и в третьем и четвертом отделениях, не подошедшие туда только по знаниям, — сильные, изворотливые, отчужденные от старших и вдобавок вооруженные ножами и самоделками…

Работай по прежнему Юнком, он сумел бы переварить и во всяком случае сдержать всю новую массу. Теперь же новички сами обрабатывали неустойчивых младших шкидцев.

Случай с Душкой — третьеклассником — еще более обострил натянутые отношения между старшими и младшими. Знали, что Душка работал не один, что у него в классе есть ещё двое помощников, видели, что с ним дружат и защищают его Иошка, Фока, Бобер… Догадывались, что именно Иошка, Фока, Бобер устроили ему побег…

Разговоры и толки становились день ото дня ожесточенней и грозней. Иошка никуда не мог показаться без Фоки, боялся избиений.

За Иошку, за Фоку, за Бобра, за Душку ненавидели теперь всех старших… Спорили по уборным, по всем углам старшие с младшими и, часто забывая, что были недавно друзьями, хватались то за ножи, то за шпалера.

А в учительской спокойно и чинно собирались педсоветы и комиссии, распивались педагогические чаи и изредка с удовольствием замечалось, что вражда между старшими и младшими растет.

2

Началось с пустяка. Из-за кошки.

Белая толстая кошка вылезла, приятно облизываясь, из бетонной помойки и спрыгнула на землю. Мамонтов и Арбузов, игравшие в ножички, бросили игру и кинулись к кошке. Та заметалась во все стороны и наконец юркнула на лестницу в ломаный флигель…

Шкидцы пустились следом.

Через минуту с крыши постройки раздались веселые радостные голоса. Лениво слонявшиеся на дворе ребята, сорвавшись, побежали к флигелю, побежал и дядя Коля, дежурный халдей, пришедший на службу ради воскресенья пьяным…

— В перекидку кидай! — взволнованно закричал дядя Коля: — А то она, подлая, на ноги встанет и ухряет, стерва!

— Знаем! — ответили сверху: — Не убежит!

А день был ясный, теплый, солнечный… С улицы слышался праздничный звон трамвая, и стая голубей носилась над двором, перелетая с крыши на крышу.

Над флигелем завертелось в воздухе белое пятно и глухо, куском мяса ударилось в булыжник двора… Кошка попробовала подняться на перебитые лапы, но перевернулась на бок и задрожала… Шкидцы окружили издыхающее животное. Движения его становились все мельче и мельче, и из разбитого рта, вместе с капельками крови, вылетали хриплые, булькающие звуки, словно кошка захлебывалась водой.

Тогда из толпы выступил Верховка и прихлопнул её по голове водопроводной трубой.

— Сволочи! — закричал с бревен у стены Будок: — задрыги чёртовы!.. За что кошку убили? Трогала она вас, да?..

Дядя Коля спохватился и, тряся своими широченными галифе, отошел в сторонку, а Будок спрыгнул с бревен и подошел к ребятам…

— Вам бы только мучить кого! — продолжал он, и его худощавое, в веснушках лицо подергивалось от отвращения. — Вам бы только избиения организовывать, черти…

— Им делать больше нечего, — поддержал с бревен Голый Барин и тоже подошел к толпе. Он взглянул на размозженную кошачью голову и отвернулся. — Сволочи вы, ребята!

— И ты тоже хорош! — огрызнулся Верховка, который прихлопнул кошку из жалости. — Тоже хорош, халдеям пятки лижешь.

— Я… — поперхнулся Голый и сжал кулаки. — Ну-ка повтори еще раз, что ты сказал!..

— Факт, лижешь! — крикнул, отступая, Верховка: — Сашкецу своему, зануде!

Про Сашкеца Верховка сказал нарочно, чтобы поддеть Голого… Так и вышло… Голый Барин побелел, закусил губу и изо всей силы саданул по скуле первоклассника.

Дальше всё завертелось.

Верховка "слетел с катушек". Арбуз двинул по уху Будка, Будок Арбуза. Мамонтов с Калиной набросились на Голого. С бревен подхватились старшие, с задворок примчались младшие. Первые кричали: "наших бьют", вторые: "наших бьют"; началась свалка, которую прекратил только звонок на обед и появление Сашкеца.

3

— Как! — кричал в четвертом классе Иошка: — нас начали бить!.. Нас?.. Бить?.. Младшие?.. Эта сволочь, которая смывается от затрещины. Давно им не попадало, что начали задирать нос. Они уж месяц ходят и грозят "избиениями", проучить их надо как следует.

— Избить! — рявкнул Купец: — Наших?., наш класс бить?.. Убью первого!

— Правильно.

— Бить!

— А ведь их много, младших, — попытался говорить Фока. — В одиночку они, пожалуй, и нам накладут.

— Младшие?.. Нам?.. — возмутился Иошка. — Нам накладут?.. Брось, Фока, проповеди разводить… Наш один с ихним десятком справится… Нечего разговаривать теперь с ними,

а встретим — и прямо в морду…

— Правильно!

— Бить младших!

Усвоивший последнюю истину третьеклассник Щенок, вытянутый придурковатый парнишка с неестественно громадной головой и тупыми зеленоватыми глазами, взял в руки толстую суковатую палку и вышел из класса.

Через минуту с лестницы несся дикий истошный вой. Выбежавшие на помощь ребята увидели, как извивался и орал на ступеньках лестницы похожий сейчас на издыхающую кошку Сухарик, нещадно и методически избиваемый Щенком…

Их с трудом растащили. Сухарик встрепенулся и, вскочив на ноги, убежал. Шкидцы были смущены случившимся и старались не глядеть друг на друга. Даже воинственный Купец и тот пробасил:

— Дура!

Однако Щенок чувствовал себя героем. Громко рассказывал, хихикал, качая своей огромной, похожей на ветряную мельницу, головой, а, когда на него в классе перестали обращать внимание, снова тайком отправился наверх.

И сейчас же в столов-ой вырос и грохоча покатился гул, топот, удары, крик.

— Ребя… ребя… — а-а-а… — визжал Щенок. — Не буд… Ребя… ребя-а-а-а…

В столовой было темно. Посередине у стола возилась, и кого-то била под столом куча ребят. Из-под стола слышался надрывной, воющий визг:

— Ребя… ребя-а-а-а… Не б… ребя-а-а-а…

— Щенка бьют! — закричал Воробей. Старшие высыпали в столовую. Избивавшие Щенка разбежались, напоследок закидав под стол палки, швабры и кочерги. Из-под стола, не переставая выть, вылез Щенок; голова и нижняя губа его были рассечены; все лицо в ссадинах и синяках, рубаха изорвана в клочья и окровавлена…

— Кто бил? — спросил Иошка, хотя было ясно, что это младшие мстят за Сухарика. Щенок, не отвечая, продолжал выть…

И тогда Фока сказал, решительно застегивая пиджак:

— Надо организовать карательную экспедицию!..

Старшие выступили.

Первое отделение заперли на замок и у дверей поставили сторожевых. Второклассников загнали в класс и первым делом отобрали все ножи и шпалера. Потом началась расправа… Класс перегородили доской на две части, у доски стало трое

"карателей", а остальные подгоняли к ним поочередно второклассников.

Первым был Купец. От его кулаков шкидец кувырком летел за доску; по дороге Воробей одним тычком хлестко расквашивал ему нос, а за доской Фока наводил окончательный лоск.

Покончив со вторым классом, карател перешли в первый и там повторили точно такую же экзекуцию.

* * *

За вечерним чаем, ковыряя мизинцем в ухе, Викниксор говорил:

— Опять драки… Вечно не сидится этим младшим, вечно им надо с кем-нибудь воевать… Александр Николаевич, младших — без прогулок и без отпусков… Пусть образумятся.

4

Младшие не образумились…

Кося Финкельштейн, приходящий ученик, появлялся в Шкиде с чисто поэтической небрежностью раз или два в неделю. В это памятное июньское утро он беспечно шел по темному шкидскому коридору. Орава младших налетела на поэта, смяла, бросила на пол; кто-то хлестнул раза два по морде, а кто-то сразмаха саданул в спину ножом…

Кричавшего диким и нечеловеческим голосом Косю отыскали и перенесли в четвертое отделение старшие… Рана, правда, была неглубокой (ножу помешало толстое драповое пальто) и когда её залили иодом, сразу перестала кровоточить, но уже сверху примчался третий класс. Купец рычал от злости, глядя на Косину спину, а Иошка схватил раненого Финкельштейна и голого, волосатого, трясущегося от холода поволок за собою по классу.

— Ребята, — визжал он, словно это не Финкельштейна, а его ударили ножом, — неужели не отомстим за Косю? Неужели будем смотреть, как обнаглевшие малыши избивают и убивают наших товарищей…

— Карательную экспедицию!

— К чёрту экспедицию!.. Бить их!.. Бить всех до потери сознания!

— Бить! — заревел Купец. — Собирайся, ребята!

Узнававший все шкидские новости последним, Сашка стоял в это время в музее и, оглядываясь на дверь, втихомолку

забавлялся своим недавно сделанным шпалером. В маленьких его глазках светилось нескрываемое довольство; он то гордо поднимал шпалер, то запихивал его за пояс и с вывертом выхватывал обратно; то крался по музею, словно кого-то преследуя, то яростно размахивал своим оружием, воображая, что сидит на коне и отстреливается от невидимого противника.

Внезапно дверь распахнулась, и Сашка налетел с наведенной самоделкой на вошедшего Иошку, который держал за руку полуголого, трясущегося от холода волосатого Финкельштейна.

— Сашка! — торжественно заговорил Иошка: — во время войны университеты и музеи закрываются. Пришло время, когда шкидские шпалера начинают сами стрелять. На нас напали. Класс требует, чтобы ты шел бороться заодно с ним.

— А что случилось? — заморгал Сашка.

— Сегодня утром твоего товарища чуть не убили… Посмотри на косину спину! Это сделали младшие.

— Младшие? — неожиданно для себя самого затрясся Сашка. — Младшие бьют наших?.. Косю ножом?.. Так бить же их, сволочей, надо!

— Бить! — подхватил Иошка…

— Бить! — неуверенно проблеял Финкельштейн…

Младшие, проведав, что их снова собираются громить, в перемену собрались в коридоре перед своими классами. Их было шестьдесят семь человек, они вооружились кусками штукатурки, палками, кусками проводов и веревками, на концах которых привязаны были железные гирьки; не разъединенные на два класса, они чувствовали себя раз в десять уверенней…

— Стой крепко! — подбодрял ребят Мамонтов. — А кто винта нарежет — удохаем потом до-смерти!

Два десятка ворвавшихся в коридор старших наткнулись на плотную, завывшую стену.

Но, к несчастью, первоклассники испугались мчавшегося впереди Купца и дрогнули, а Купцу еще кто-то засветил в глаз литой чугунной гирькой.

— Бей!.. — заревел он, врезаясь в толпу, как бык, наклонив голову и расшвыривая своими огромными кулаками ребят. — Бей на мою голову!..

Справа от него двигался Фока, от тренированных боксерских кулаков которого младшие отлетали как мячики; за ними шли и лупили всех попадавшихся под руки остальные старшие. Узкий, темный коридор дал им неожиданное преимущество, и младшие побежали.

Остаток наиболее яростно оборонявшихся загнали в первое отделение и начали избивать. Воющие младшие перелетали от

одного карателя на кулаки другого. Фока наводил лоск, а Купец, поймав в углу Верховку, ударившего Финкельштейна ножом, уселся на нем и медленно, не слушая криков, гвоздил его по шее кулаками.

5

В Шкиде наступило видимое успокоение. После обеда все ребята выбрались на двор и, не обращая друг на друга внимания, принялись каждый по-своему развлекаться.

Тут же, на дворе, резвился сынишка Викниксора, Костя, или Кронпринц в словесном обиходе шкидцев. Этот кронпринц считал всех ребят своими рабами: дарил им пощечины, лягался, когда они проходили мимо, запускал камнями и землей, — словом, развлекался неудержимо.

Сейчас, наскучив возиться с песочком и лопаточками, он глядел на развалившегося с видом победителя на бревнах Купца, который подставил солнцу свое толстое лоснящееся лицо. Это лоснящееся лицо и привлекло внимание Кронпринца; он подошел ближе, наморщил свой лобик и, не говоря ни слова, с чисто-монаршей небрежностью отвесил крепкую оплеуху.

В следующий момент голова Кронпринца уже была зажата между коленями Купца, а сам шкидец неторопливо снимал ремень.

— Пусти! — утробно завизжал Кронпринц. — Я папе скажу, он тебя в изолятор посадит!.. Пусти-и…

— Ах, сволочь! — искренне изумился Купец. — Такой плашкет и такая стерва? Вот тебе!.. Вот тебе!.. За оплеуху, за накатку! — добродушно приговаривал он, стегая воющего Кронпринца. — Для твоей же пользы пойдет, гаденыш… Ну, а теперь иди, накатывай…

Кронпринц, держась за ягодицы, плача побежал разыскивать отца.

— Попадет тебе, Купа! — встревоженно заговорил Голый Барин, на своей шкуре испытавший крутой нрав и скорую расправу Викниксора. — Выгонит ведь, смотри…

— А что ж? — лениво ответил, снова разваливаясь на бревнах, Купец. — Мне, по правде сказать, братишки, здесь порядочно, надоело, ей-богу!..

За ужином старшие лишились сразу четырех своих товарищей.

Во-первых, Купцу было велено немедленно убираться из Шкиды, а когда друзья выгоняемого Воробей и Кальмот подняли

протестующий крик, взбешенный Викниксор выгнал и их. Во-вторых, он сказал Фоке:

— Вот что… твои родители просили отпустить тебя на лето из школы домой… Я не возражаю… Можешь сегодня и уезжать.

Обрадованный Фока, довольный предстоящей свободой, не докончив ужина, ушел сдавать казенное белье….

Провожали сразу всю четверку. Все четверо были настроены весело и бодро. Фока радовался отпуску, остальные… свободе…

— Ничего, ребята… — бодро говорил Купец. — Работку подыщем — работать будем… Я работать люблю, не бойсь. А спать теперь и на улице можно. Тепло…

6

Вечером Голый Барин принес из уборной новость, что младшие сговариваются напасть ночью и отомстить за поражение. Старшие стали подсчитывать свои силы: в четвертом классе осталось шесть человек, в третьем двенадцать — все народ жидкий и не крепкий, к дракам не приспособленный. Ушли Купец и Фока — первые силачи — и Воробей — великий драчун.

Старшим стало жутко; велели Сашке сходить наверх и пошпионить.

Через минуту шкидец вернулся расстроенный.

— Сговариваются о чем-то! — сообщил он. — Все во втором классе собрались.

— Ну, а дальше что?…

— Больше ничего не узнал. Кто-то к двери пошел, и я смылся…

— Может, нам у них шпиона завести? — предложил Червонец-Шамало, тощий и длинный дылда с пухлыми, толстыми губами. — Химик тут часто ходит, он не дерется из-за без руки, — может, согласится?

— Вряд ли, — промямлил Сашка: — они там сами предлагают Химику у нас пошпионить.

— Восемнадцать на шестьдесят семь, — рассуждал Иошка: — четверо на одного. Нет, ерунда — в открытую у нас ничего не выйдет. Надо всем толпой ходить, из класса не вылезать. В спальне они нас наверное не тронут, они сами в трех спальнях, пока соберутся, мы уже с класс выберемся…

* * *

Утром в умывальнике младшие встретили старших мокрыми, свернутыми в жгуты полотенцами, которые, как цепы, забарабанили по головам… Старшие побежали…

В столовой по какому-то поводу Викниксор заговорил о картах и воровстве. Второклассник Васильев, а за ним Розен и Верховка стали рассказывать, что они знают про проделки старших. На возмущенный Иошкин крик: "лягавый" — Верховка, оскалясь и нехорошо заблестев глазами, ответил:

— А буду говорить! Охота — и никто не запретит.

Тогда заговорили все, и старшие и младшие, и Викниксор за полчаса узнал столько, сколько не узнал бы за год, но младших было больше, говорили они больше и в конце-концов заведующий сказал:

— Мне теперь все ясно! Александр Николаевич, старших — без отпуска… Мы потом все разберем…

У себя в классах старшие поклялись отомстить фискалам. Вспомнили про отобранное во время карательных экспедиций оружие. Вытащили ножи, зарядили и спрятали в карманы шпалера. А младшие, прослышав о планах врагов, вооружились кирпичами, палками, гирями. И неизвестно, какой жутью кончилось бы готовившееся побоище, если бы вечером в столовую не пришел озабоченный Викниксор.

— Вот что, ребята, завтра мы переезжаем на дачу в Павловск. В полдень приедут грузовики, а вы с утра приготовьте к укладке свои постели… Потом вот еще что. В старших классах осталось восемнадцать человек, поэтому все они будут объединены в одну группу. Кроме того, к ним переводятся десять человек из второго отделения. Андреев, Корницкий и еще другие. Я назову их после… А сейчас попьете чай и приметесь за укладку вещей.

Глава тринадцатая

1

Тиха и пустынна сонливая Красноармейская улица, крайняя в Павловске. Дальше — казармы, бойня, кладбище, — то, чему, по старым понятиям, не место рядом с дворцами.

На улице пахнет сиренью и отсутствием канализации. У большой серой двухэтажной дачи валяется на траве английская безволосая свинья. Рядом привязана веревкой к колышку затрепанная грязная овца. Овцу изводит жара, ей скучно, хочется лечь на траву, но она боится свиньи.

В канаве, рядом с овцой, полощутся утки… На улице — никого; разве пройдет какой-нибудь мальчик в коротеньких штанишках и с марлевым сачком за плечами…

В полисаднике одноэтажной угловой дачи белокурая девочка катает желтое колесо. В конце улицы церквушка. Над церквушкой горячее неподвижное солнце.

Жара, лень, духота — дачный ненарушимый покой.

И вдруг картина меняется. По уснувшей улице вихрем закручивается пыль; свинья с визгом улепётывает прочь; от овцы остается одна веревка. Желтое колесо падает на лужайку — белокурая девочка исчезает. И кажется, что даже разбуженное солнце торопливо спешит по небу.

Это приехали шкидцы.

Это они долбанули по пути свинью, это они обложили матом белокурую девочку, это они своим появлением так напугали грязную овцу, что она, вывихнув шею, оборвала веревку и унеслась на кладбище.

Шкидцы шагают строем, называющимся в Шкиде "парами"; все тащат узелки, свертки, палочки, тросточки и прочую дребедень. Впереди — Викниксор; сзади грохоча движутся грузовики.

Ворота большой двухэтажной дачи распахивает чья-то предусмотрительная рука. Вся процессия вваливается на двор; только один Химик не может удержаться и, приостановившись, швыряет в уток палкой.

Палка у Химика обыкновенная, о двух концах: одним концом прихлопывает утку, другим селезня.

На улице движение; из дач выглядывают испуганные сонные рожи, хлопают окна и двери, на соседнем дворе бегает толстоногая, с подоткнутым подолом баба и торопливо сдирает с

веревок непросохшее белье…

Из калитки противоположной дачи выползает расхрабрившийся старичок. Он долго и пристально глядит из-под медных старинных очков на двухэтажную дачу и, решив, что прямой опасности нет, ставит складной стулик, кряхтя садится на него и выжидательно начинает всматриваться.

В ворота шкидской дачи с лязгом и грохотом вкатывались грузовики.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Пять.

Шесть.

Семь.

Все…

— А грузовик со жратвой?

— У него по дороге мотор испортился. Сейчас его на подводы перегружают…

Дикий вой, от которого трясется воздух, поднимается на дворе шкидской дачи.

Старичок бледнеет и, схватив свой стулик, тоскливо бежит туда, откуда появился.

Поздно вечером старичок видит из окна, как вышмыгивает однорукая фигурка и вытаскивает из канавы двух уток.

— Так и есть! — бормочет Химик. — Сдохли подлые! — И, швырнув утиные трупы под мостик, добавляет: — Всё меньше шухера будет… В другой раз сразу брать надо…

2

Первую ночь на даче почти не спали… Было странно и приятно видеть мохнатые лапы деревьев, подступавших к самым окнам, прислушиваться к особой, не городской тишине, смотреть на особую, не городскую луну.

На рассвете удивило и обрадовало мычанье проходивших в поле коров, оглушительное щелканье кнута и звуки пастушеской жилейки.

И когда в восемь часов Эланлюм прошла по многочисленным комнатенкам дачи, ей уже нечего было делать. Все ребята встали и были одеты.

Водопровод на даче отсутствовал, и поэтому пошли, на реку купаться. Вернулись освеженные, бодрые, веселые: — по дороге

Викниксор обещал со следующего утра молоко. С аппетитом набросились на чай, на хлеб, на ситный.

После чая собрались на дворе. Викниксор познакомил с планом летних работ.

— Работать придется всё самим: пилить и колоть дрова, убирать двор, улицу, сад и прочее. Кроме того, придется носить воду. Сейчас в школе стало три группы

— каждая группа поочередно и будет дежурить. Уроков не будет, но будут кружки. Каждый может выбрать себе один или два кружка по желанию и в них заниматься.

— А если я ни в какой не хочу? — спросил Химик.

— Нет, — мотнул головой Викниксор: — все младшие в кружках должны работать обязательно. Старшим не обязательно, потому что они должны готовиться к осенним экзаменам в техникумы и вузы… Ну, а в остальном — порядок старый.

— А Летопись? — осторожно осведомился Кубышка.

— Летопись мы тоже с собой привезли. И вообще во всем остальном порядок прежний!

Викниксор уже собирался распустить ребят, но вдруг, что-то вспомнив, вздрогнул, улыбнулся и просветлел:

— Вот что, ребята. Дали нам дачу. Дали ее нам запущенную, грязную, — не дачу, а чёрт знает что… Так давайте, ребята, докажем, что она попала в надежные хозяйственные руки. Покажем, что мы не паразиты, не лодыри, а тоже можем трудиться… Давайте уберем всю грязь со двора, с огорода, с сада…

— Даешь! — подхватили ребята. — Только убирать нечем, Виктор Николаевич!

— А мы дадим лопаты… А не найдем лопат — и голыми руками поработать придеться, ничего не поделаешь…

3

Сашка накануне отъезда на дачу заболел и должен был остаться в городе. На пятый день к нему пришло от Иошки письмо.

"Здравствуй, дорогой друг Саша!

"Хотел тебе, болящему, написать длинное письмо о разных разностях, но некогда. Работаем. Кончили дачу убирать, надо за сад приниматься, — не окончили сад — огородом занялись. Работы уйма. В нашей группе десять новых ребят из второго отделения, — ребята все фартовые, особенно Андреев.

"Остальное время занимаюсь; осенью надо наконец оставлять

школу… Помню, как удивился ты, когда узнал, что я хочу вместе с тобой поступать в педагогический техникум. Конечно, на педагога я похож мало, но быть им хочу по многим причинам.

"Шкида наша — обыкновенный дефективный детдом, что бы там ни говорили про "особенное" разные гости, корреспонденты и прочая шатия… Конечно, у нас не бьют, не колотят поминутно, как в остальных детдомах, у нас всё устроено более утонченно и благопристойно: изолятор, "Летопись", пять тюремных разрядов и еще куча подобных скорпионов. Но результат как у нас, так и у других — один и тот же… И мне кажется, что всё это лишнее. Я не раз говорил об этом и теперь решил сам стать педагогом и начать бороться со всей этой дурацкой системой.

"У наших халдеев какая-то подозрительная, прямо животная придирчивость. Например, позавчера вечером сидим на балконе и поём. Приходит Амёбка. "Что такое?" Лунная соната. Записал, — дескать, "нет такого закона, чтобы песни петь". Голый Барин ругаться — доругался до четвертого разряда… В другой раз копали огород (а работать, заметь, взялись добровольно) и сели отдохнуть. Сейчас же, как из-под земли, Палач: "Почему остановились?" "Наше, — говорим, — дело. Хотим работаем, хотим — нет". Записал. "В школе, — говорит, — никто не может поступать самовольно". Опять стали ругаться — доругались до новых записей, бросили работу и ушли.

"А ведьмы уже и гряды поделали — хотели редиску сажать, а теперь и работать не хочется… Теперь уж на огороде обязательно заставляют работать, а мы не идем… Вырастет у них теперь редиска…

"А, впрочем, все это пустяки. Поправляйся скорей и приезжай.

Иошка.

"Еще одна интересная подробность. Воспитатели наши на даче самоопределились. У нас на дворе есть двухэтажный флигель, где живут служащие, туда, во второй этаж, натаскали мебели, поставили пианино, приспособили лампу с абажуром — получилась уютная комнатка, где по вечерам собираются и сплетничают халдеи. Словом — настоящий "халдейский клуб". Приедешь — увидишь.

"Наши тебе кланяются. И.".

Когда неделю спустя Сашка приехал в Павловск, то первых шкидцев увидел здесь, на вокзале. Шкидцы на Сашку внимания не обратили, а носились по платформе, хватаясь за вещи дачников и предлагая понести.

Дальше увидел Сашка шкидцев уже в парке. Это были Лепешин и Химик. Они со звоном и треском мчались на велосипеде по аллее навстречу Сашке; Лепешин бешено, изо всех сил работал педалями, Химик, подвизгивая от восторга, сидел впереди на раме.

Сашка по своей близорукости заметил их не сразу; когда они промчались, мимо, прищурясь, посмотрел вслед и хотел идти дальше.

Но раздался треск, похожий на револьверный выстрел. Велосипед перекувырнулся через себя, велосипедисты полетели в разные стороны. Сашка бросился на помощь.

— Вчера только из дома привез, — сообщил, поднявшись, Лепешин: — уж четвертый раз камера лопается…

— Не четвертый, а пятый! — поправил Химик: — Не велосипед, а машина адская… То цепь, то шина лопнет, то переднее колесо отвалится…

— Про колесо не ври, не отваливается, — обиделся Лепешин и, желая показать свою машину во всей красе, провел велосипед перед Сашкой.

Велосипед действительно был аховый. Колеса от самоката, шины в заплатках, а руль вывернут как оленьи рога. И не успел Сашка налюбоваться, как Лепешин неожиданно взвалил велосипед на спину и побежал по аллее.

— Сторож идет, — пояснил Химик: — в парке кататься нельзя… Только ему не догнать!

И побежал вслед за Лепешиным.

У ворот шкидской дачи Сашку встретил Иошка. Начинавший в городе пижонить, ходивший в оранжевом галстуке, Иошка снова стал здесь обтрепанным, веселым, замухрышистым и от этого простым и близким.

Ребята сердечно поздоровались, уселись у ворот на бревнышко, и Иошка принялся рассказывать последние события.

— Понимаешь, вчера Викниксор с ума спятил… Кончили мы сад убирать — он и приходит. Не понравилось… "Нет, — говорит, — не то, не то, скучно, серо, не то, не то" и пальцами этак огорченно у Киры под носом защелкал, и вдруг, вдохновясь, заговорил басом: "Эти липы надо в белый цвет выкрасить, нет — в голубой, а зелень в красный — революционный, стремление

ввысь, кверху" — и пальцами у Киры под носом щелкает. "Очень эффектно будет". У Киры глаза на лоб вылезли. "Никак, — говорит, — нельзя. Невозможно, Виктор Николаевич". — "Выкрасить" — завизжал Викниксор. Кира побежал за краской. Принес. Витя посмотрел на нее, понюхал и вдруг захотел сам лезть на дерево. Притащили стремянку; Викниксор поволокся на дерево; сидит там, как сыч, и по листьям шаркает краской. Шкидцы за верандой дохнут, заливаются. Прямо по траве катались, пока Вик всю краску не извел. "Завтра, — говорит, — докрашу". Слез, полюбовался и Киру толкает. "Крас-сота!". А ночью дождик прошел и всю краску смыл.

— Врешь! — захохотал Сашка.

— Можно и показать! — ответил Иошка. — Идем, увидишь. Все липы, которые он красил, завяли.

Ребята пошли в сад; липы действительно начинали вянуть. Земля вокруг них была, как кровью, окраплена брызгами краски.

— Ну, а насчет работы как? — спросил Сашка. — Ты писал, что здорово начинают прижимать.

— Нет, — махнул Иошка: — халдеи на первых порах нажимали было, а потом плюнули — забыли. Ничего теперь не делаем…

— А как у тебя с подготовкой к экзаменам?..

— Не подкачаем, готовимся вовсю. Я ведь тебе случайно попался на дороге — учиться шел на кладбище. Там удобней. Пойдем туда, там сейчас все наши…

Сашка согласился. Сбегали наверх в спальни, оставили там вещи и отправились к церкви.

А между тем на кладбище происходили события…

Углубленные в книги шкидцы, стараясь сосредоточиться, в продолжении часа упорно пытались вчитаться и что-нибудь усвоить из написанного. Из церкви тянулись разные мотивы: сперва протяжное "Спаси господи", потом веселое на манер частушки "Иже херувимы присвятую песнь припеваючи", потом еще что-то, пока Кубышка окончательно не вышел из терпения и не предложил бороться с поповским дурманом.

План борьбы был прост. Кубышка предлагал организовать добровольное общество "Доброкальций" и залепить "кальцем" всех святителей, нарисованных на церкви.

Кладбищенская трава, как известно, всегда отличается, густотой и сочностью. Кругом было много помета или "кальца", ласково названного так Кубышкой, который коровы оставляли на могилах взамен травы.

Через минуту ребята уже метались по кладбищу, а в иконописные лики святых летели и сочно шлепались крупные

комья помета.

Сашка с Иошкой подоспели только к развязке.

На паперти стоял монах. Ветер шевелил его всклокоченные волосы и играл полами рваного подрясника, подпоясанного веревкой. Монах переводил горящие злобой глаза с поруганных святителей на ребят, потом вынул позеленевший восьмиконечный крест и, вскинув его над головой, крикнул:

— Пропади и рассыпься, нечистая сила!..

Шкидцы не дрогнули.

— Пропади, сгинь и рассыпься! — повторил дрогнувшим голосом монах и судорожно сотворил крестное знамение.

И нечистая сила действительно рассыпалась по погосту. Но, между прочим, не пропала и не сгинула, а деятельно начала собирать каменья…

Через четверть часа атакованный монах бомбой влетел в церковь. Выскочил он уже вооруженный не крестом, а огромным колом.

Нечистая сила в смятении отступила.

Из церкви победно грянуло "Взбранной воеводе победительная"…

* * *

Монах гнался за. ребятами до самой церковной границы. У границы остановился и долго грозил колом, уснащая свою речь отборнейшим церковно-славянским матом… Ребята матюгались более умеренно и грозили во время крестного хода напасть и перевымазать "кальцем" все иконы…

— Ну вот и позанимались, — облегченно проговорил Иошка: —теперь не обидно будет и выкупаться!

5

Фока оказался лёгок на помине и вечером приехал в Павловск.

Выпил он самую малость, но здесь ему попались старые друзья, и Фока нагрузился уже больше, чем полагается. Неизвестно, каким образом добрался он к ночи до Шкиды, но пришел уже без шапки, с галстуком, перевернутым на спину, бледный, растрепанный, в белом костюме, который стал за дорогу пегим и больше напоминал зебру.

На даче, в многочисленных комнатенках-спальнях, он

запутался окончательно и, разъярясь, кинулся с кулаками на хихикавших ребят. Ребята моментально попрятались, и Фока, вспомнив "карательную экспедицию", начал гвоздить ни в чем неповинную кровать, обливаясь горькими слезами и крича, что всех передушит…

— Шел бы ты лучше халдеев бить! — рассудительно посоветовал из-под кровати Андреев. Фока моментально остановился.

— Халдеев бить?.. С-с удовольствием! — радостно икая, закричал он: — Где халд-деи?..

— Во флигеле на дворе! — предупредительно сообщили из шкафа…

Фока, подняв кулак и заплетаясь отяжелевшими ногами, загремел вниз по лестнице. Шкидцы бросились к окнам.

По двору, к халдейскому клубу несся Фока и кричал:

— Бей халдеев!

Из клуба вышел Бородка, недавно поступивший в школу воспитатель…

— Вы что? — испуганно спросил он, стремясь сохранить достоинство. — Вы пьяны?..

— Скройсь! — дико взревел Фока. Бородка, взвизгнув, метнулся в сторону и пропал где-то в темноте, на огородах. Осажденные халдеи крепко приперли дверь и повели переговоры.

Вначале Фока потребовал выдачи Селезнева. Кира радостно закричал:

— Нет Селезнева! В городе Селезнев!.. Да ей-богу, в городе Селезнев!..

Фока замолчал, собирая растерянные мысли.

— Тогда ты выйди! — сказал он наконец. За дверями сразу затихло.

— Н-ну! — крикнул Фока, с размаху грохнув кулаком по двери. — В комнате засуетились, зашептались.

— Идите!..

— Нельзя!..

— Надо!..

— Невозможно!..

Наконец дверь приоткрылась, и несколько рук выпихнули Киру.

— Проводите меня до вокзала! — пролепетал Фока, прислоняясь к халдею. Кира осторожно взял шкидца под руку и повел.

По дороге Фоку развезло, одолевал сон; он вскрикивал, скрипел зубами и опять обвисал па кирином плече. До вокзала было далеко. Фока заснул, и осмелевший халдей решил просто

бросить шкидца в канаву… Так он и сделал. Но сейчас же раздался дикий рев: "убью!" Над канавой взвилась перемазанная грязью фигура, и Кира опрометью кинулся к Шкиде.

Уже улегшиеся шкидцы услышали вой, потом грохот калитки, а когда подбежали к окнам, то увидели, как вокруг дома мчится Кира, преследуемый мокрым, облепленным тиной Фокой.

Несколько раз они обежали вокруг дачи, наконец, халдей, догадавшись, присел за куст и, пропустив мимо себя Фоку, полез на крышу сарая. А Фока, не найдя Киры, начал ломиться в халдейский клуб… Пара застигнутых там врасплох воспитателей с перепугу закричали "караул" и разбудили Викниксора.

— Что такое? — появился тот со свечкой. — Что за шум? — повторил он, подходя ближе и хватая Фоку за шиворот…

Фока размашисто дернулся, обернулся, но, увидев Викниксора, сразу обмяк и испуганно притих.

— Дык… и-ик… Я немножко пошутил…

Из окон торчали шкидцы, из дверей выглядывали халдеи, по крыше сарая неслышно пробирался Кира, на огородах маячил Бородка. Викниксор оглядел Фоку.

— Так. Значит, пошутил?.. Ну, идем!..

Выведя Фоку за ворота, Викниксор поставил его на дорогу и подтолкнул в спину.

— Иди!

— И-ик, всего!..

Фока помахал ручкой и, качнувшись, задвигался вперед.

Викниксор закрыл калитку.

6

Фока, что называется, разжег… После его прихода шкидцы каждую ночь начали придумывать какое-нибудь увеселение. От старших эта мода перекинулась к младшим, и жизнь на даче стала определенно нескучной.

В одну ночь во всех спальнях было особенно оживленно…

Вначале в третьей группе Иошка долгой и горячей речью убеждал своих соотечественников объединиться в союз с другими отделениями. Соотечественники с восторгом ухватились за это предложение и послали к младшим делегатов…

Младшие немедленно крикнули "ура" и послали ответное посольство.

Тогда в третьей группе началось образование государства — начали выбирать президента. Система выборов была проста и несложна: все шкидцы подходили к кандидату в президенты

Червонцу и поочередно щелкали его по носу.

В середине этой процедуры Червонец почему-то внезапно выразил желание отказаться от этой столь высокой обязанности, но шкидцы отказа не приняли и продолжали щелкать. И наверно бы набили президенту солидные украшения, но кто-то крикнул, что идет Викниксор, — и все разом бросились к кроватям.

Викниксор, ничего не различив в темноте, стукнулся лбом о дверь, помянул чёрта и, кликнув дежурного воспитателя, ушел за лампой.

Воспитатель, новичок Бородка, остался один, старательно вглядываясь в храпящую, орущую и воющую спальню. Шкидцы, изображая глубокий сон, надрывали глотки. Кто-то лаял, кто-то свистел, кто-то пел петухом, кто-то (якобы в бреду) явственно призывал: "Бей халдеев!".

Вдруг воспитатель побледнел, затрясся и хотел бежать: прямо на него плыло из темноты огромное белое и страшное привидение. Оно подошло совсем близко и, хрюкнув, взвившись, обрушилось на Бородку, ударив какой-то деревяшкой по голове.

Халдей ринулся на лестницу. По лестнице поднимался Викниксор. Бородка опрокинул зава, и они оба покатились вниз.

Снизу послышались голоса: дрожащий и оправдывающийся халдея и деланно-спокойный Викниксора.

— Вот что… Идите спать… Завтра мы все разберем…

— Ну, ребята, — зашептал Голый Барин, смастеривший "привидение" из простыни и швабры: — чур не выдавать!..

— Не выдадим! — ответила спальня.

* * *

Бородка всю ночь видел кошмарные сны: во всех углах стояли и хрюкали привидения. Голый Барин спал прекрасно.

Глава четырнадцатая

1

Ночью Викниксор много думал… Утром, перед чаем, после переклички ребят не распустили по столовым, а велели ждать заведывающего. Впрочем, Викниксор вышел на двор почти сразу.

— Вот что, ребята, — заговорил Викниксор, не обращая внимания на хором приветствовавших его ребят: — мы приехали с вами на дачу отдыхать. Уроков у вас нет, есть только занятия по кружкам и экскурсии. Вы сыты, свободны, и казалось бы, что никаких эксцессов в школе быть не должно… А между тем заниматься вы не занимаетесь, по ночам буза, крик, шум, издевательство над воспитателями. Хорошо… Вам не спится — теперь спать будете отлично. Не хотите спокойно отдыхать — будете работать… Будете замащивать двор.

— Виктор Николаевич! — рассудительно сказал Старостин: — поработать мы можем. Только мостить двор не к чему. Камень опускаться будет и опять же — пользы никакой.

— А я тебя спрашиваю?! Подумаешь, инженер выискался… Итак: после чая разбиться на пятки и за работу…

Ребята заворчали, задвигались, но почему-то вместо возражений раздались придирчивые голоса:

— Чем работать?..

— А мы дадим носилки! — миролюбиво ответил Викниксор и вдруг закричал: — а не найдем носилок— и руками работать заставим!

Через час шкида поплелась работать. В полуверсте от дачи находилась облюбованная Викниксором старая кирпичная кладка; ребятам положено было выламывать там кирпич и тащить его на двор.

Первые дни работали с прохладцей; жулили, ругали Викниксора и принесенные кирпичи обязательно старались расколоть. Но когда халдеи начали назначать уроки по сорок, пятьдесят, сто кирпичей — ребята взвыли.

Наиболее предприимчивые скоропостижно заболевали, а Лепешин, староста по амбулатории, щедро измазывал всех иодом. Другие попросту обсчитывали халдеев, приносили одни, и те же кирпичи или, наконец, старались не попадаться на глаза воспитателям, проводить день на улице и в парке, появляясь на даче только в часы всеобщей жратвы…

Работа не подвигалась. Воспитатели, вконец измученные,

обратились к Викниксору с требованием или прекратить мощение, или воздействовать на ребят; тот велел собрать всех шкидцев и спросил, почему они не работают.

— Скучно, Виктор Николаевич, — многоголосно отвечали ребята: — трудно — тяжело… Неинтересно…

— Это вам только кажется! — успокоил Викниксор. — Вот пойдемте-ка со мной вместе, я покажу вам, как надо работать.

Зав действительно пошел со шкидцами на "кирпичики", но не работал, а полдня надзирал за ребятами; возвращаясь на дачу, демонстративно захватил два кирпича, которые, впрочем, на дороге кинул в канаву.

После этого работа закипела. Халдеям был отдан приказ назначать ребятам урок: замостить камнем определенный кусок двора. Для приемки работы каждому из "надзирателей" выдали по складному аршину.

Лепешина с его должности сняли, а каждому симулянту дали по добавочному кирпичному уроку.

Никто из шкидцев не знал, для кого и для чего делает он эту тяжелую, неинтересную и изнурительную работу, но все смирились. По утрам на дворе крутилась пыль, слышался хруст разбиваемого кирпича, сдержанный мат шкидцев и окрики халдеев.

Большой, замащиваемый без плана двор, недавно уютный, с мягко-убитой песчанистой землей, теперь приобрел грязно предательский вид.

Неприготовленная почва не выдержала мостовой и начала повсюду оседать и горбатиться; битый кирпич сбивал и резал босые ноги шкидцев, а в дождливую погоду вода собиралась на дворе огромной непроходимой лужей, кирпичи вихлялись при каждом движении и брызгали во всё стороны струйками грязи.

После каждого дождя снова начиналась нудная, неинтересная работа.

Снова кирпичом мостили двор.

Кирпич засыпали щебнем.

Щебень — землей.

Землю песком.

А двор упрямо горбатился, оседал, и в дожди снова с каждым разом непроходимей собиралась лужами вода…

И снова гнали ребят укладывать, кирпич, сыпать щебень, землю, песок и так без конца.

Но странное дело: тяжелый и бессмысленный труд этот объединил ребят. Вражда старших и младших как-то сразу и незаметно забылась. И даже вспоминали о ней с недоумением. Да и разницы никакой не было среди ребят теперь: одинаково

корпели все над кирпичами, одинаково кляли халдеев и обкладывали матом Викниксора.

А тот, как ни в чем не бывало, проводил и внедрял в сознание ребят трудовые навыки… Вначале ему пробовал было возражать Иошка, "вождь рабов", но Викниксор оборвал его, сказав, чтобы он не в свои дела не мешался.

— Помните, ребята, — говорил Викниксор расхаживая по двору: — истинный отдых человека в труде… И вот вам приятный, благодарный труд… Мостите двор, таскайте больше кирпича… Помните, что так учил нас наш великий учитель Ленин…

Тогда Иошка сложил и пустил песенку:

Тащи побольше кирпича —
Вот заветы Ильича…

Кто-то передал её Викниксору, а вечером все шкидские художники были заняты рисованием по его заказу огромных агитационных плакатов, впоследствии до слез умилявших гостей:

"Тащи побольше кирпича —
Вот заветы Ильича!.."

Иошка сложил и пустил новую песенку, которую уже не воспроизводили плакаты:

— Тащи кирпич на двор! —
Кричит нам Викниксор.
— А где ж его нам взять?
Ах…

И за сим следовала звучная, но, к сожалению, непечатная рифма.

2

Своего Викниксор добился: в Шкиде стало тихо. В спальнях после работы не слышалось ни шуму, ни крику, ни возни, — не слышалось потому, что ребята в это время отправлялись громить окрестные огороды. Действовала здесь причина экономическая: от чрезвычайной работы у шкидцев появился невероятный

аппетит, и пайка уже нахватало… Вот тут и помог поспевающий картофель, обильно уродившийся на павловских полях.

Рубахи шмыгающих вечером во двор ребят странным образом грузно раздувались у пояса, и с кухни тянуло удушливой гарью печеной картошки… Только один человек в Шкиде не радовался открывшейся доходной статье. Это был Лепешин, разжалованный амбулаторный староста. Лепешин ненавидел картошку и чем бывал голодней, тем противней она ему казалась. Он тоже участвовал в "набегах на плантации", но только с тем, чтобы яростно выдергивать и топить в канаве картофельные клубни.

Сейчас Лепешин вместе с толпой шкидцев сидит на дворе и с остервенением вдавливает в землю кирпичи. Недалеко от него пристроился Химик. Освобожденный от работы по причине своей инвалидности, он сидит у стены и при помощи солнца и исцарапанного увеличительного стекла выжигает на ней всякую похабщину.

Химик давно предложил своему другу использовать новые методы мщения: вместо того, чтобы тащиться за кирпичами на кладку, надо было просто выламывать их, незаметно от халдеев, тут же, на дворе, и перестаскивать на свой участок; щебень, как ненужную роскошь, вообще отменить и засыпать прямо песком…

Но и это упрощение не облегчает Лепешина. В животе у него урчит, и он поминутно сплевывает неприятную, густую слюну.

— Что сегодня на обед? — спрашивает он.

— Баланда с картошкой, — отвечает невозмутимо Химик, знающий "вкусы" своего приятеля.

— А на второе?..

— Селедка с картошкой…

— А на третье?

— Мордой об стол! — радостно ответил Химик и, увидев идущего Викниксора, спрятал стекло за пазуху и исчез…

Лепешин тяжело вздохнул, мечтательные глаза его потемнели, и он принялся доканчивать урок.

— Дядя Саша! — крикнул он через несколько минут: — примите работу, я кончил…

Сашкец немедленно подошел к шкидцу и тщательно обмерил аршином участок:

— Еще два кирпича положи и песочку подбавь… Жидковато у тебя что-то, слышишь?

— Слышу! — ответил Лепешин. Но со стороны кухни пахнуло ветром, и в воздухе пронесся ощутительный запах картофельной баланды… И на глазах изумленного халдея вежливый и мечтательный подросток вдруг отчаянно вскрикнул, засвистал, выругался матом и побежал за ворота.

— Куда, куда? — закричал Сашкец и, когда калитка с грохотом захлопнулась, добавил негромко, как заклинание: — Имеешь замечание и будешь без обеда!..

3

В лесу за водопадом, в самой гуще орехового кустарника горел костер. У костра на корточках сидел Химик, подбрасывал в огонь веточки и сосредоточенно глядел па сбитые горкой уголья… Из-за леса, с запада, понемногу усиливаясь, тянул густой балтийский ветер.

Химик подумал, высморкался и, вытянув палец, посмотрел на него.

"Балла три или четыре будет, — подумал Химик, вытирая пальцы о траву, — а то и все пять…"

Неожиданно почти рядом затрещали кусты, и на полянку выскочил бледный, с открытым ртом Лепешин. Рубаха его была вымазана кровью и испуганно трепыхалась по ветру, окровавлена была и правая рука, левая что-то прятала за спиной.

— Что ты? — попятившись, спросил Химик.

Лепешин перевел дыхание и, сконфузившись, залился краской и наконец, решившись, вытащил из-за спины руку.

В руке оказалась обыкновенная рябая курица, отличавшаяся от других только отсутствием головы.

— Ай, задрыга! — радостно взвизгнул Химик.

Перепугал меня до судороги… Я уже про мокрое думал…

Лепешип стоял смущенный и красный и неуверенно говорил:

— Жрать хочется до-чёрта… А на обед картошка, ты же сам говорил… Прямо не знал, что делать.

— Да, — согласился Химик, — от картофельной баланды в брюхе чирьи вскакивают; мне один гопник рассказывал… Курица, конечно, фартовей… Только её почистить надо… Ощипывать долго: снимай прямо с кожей…

Лепешин про себя удивился такому совету, но когда надрезанная кожа легко, как чулок, слезла с курицы, подумал одобрительно: "Ай да Химик…" Потом по его же совету вынул и забросил в кусты куриные потроха и вымыл курицу в водопаде.

— Жарить, — спросил он, не решаясь ничего уже делать самостоятельно…

— Жарь… Только посоли сначала…

— А нельзя ли без соли? — вопросительно протянул Лепешин. — Соли-то негде взять.

— На… — Химик протянул мешочек. — И в брюхе у ней

посыпь; брюхо главное!..

— Какой ты запасливый! — удивился Лепешин и, неожиданно оживляясь, прибавил: — Ну, и погонялся ж я за ней… Стрелять страшно, так я ее всю ножиком исколол.

— Зря, — важно сказал Химик: — ты кусочек земли покроши, сама подойдет… Курица — птица близорукая, её за раз облапошить можно.

Через минуту вставленная в развилку суковатой ветки кура уже жарилась на костре.

Лепешин, усталый от беготни и волнения, повалился на землю…

— Как в прериях! — Он восторженно оглянулся. — Тут и пампасы, тут и водопад, костер горит, и мы в роде как охотники у костра, в роде как ковбои.

— А это что за ковбои?

— Это люди такие. Они на лошадях ездят и стреляют и все охотятся, мустангов ловят, — и все у них, понимаешь, приключения… Все на них бандиты падают и, конечно, опять стреляют, убивают, убегают… Потом… Интересно, ей-богу, прочти…

— Так это в книжках все, — махнул рукой Химик. — Знаю я эти книжки: бегают там разные налетчики, стремщики, хазушники, — а чего бегают и не понять. Одна фантазия…

— А ты вот Майн-Рида почитай, — загорячился, покрываясь румянцем, Лепешин. — Ты "Оцеола вождь семинолов" почитай, тогда говори… Там, брат, всё действительно, — и индейцы, и крокодилы, и мулаты… А суд Линча знаешь что?.. Ага, не знаешь, — а говоришь?..

— А ты знаешь!

— Знаю — обидчиво и упрямо мотнул головой Лепёшин: — я может сам хотел индейцем быть, я может и ковбоем хотел быть.

— Ну и дурак. Чем в ковбои поступать лучше в налётчики идти или по тихой или, скажем, по ширме… У меня дядя домушник, — таинственно зашептал Химик. — Так до чего здорово работает — ну прямо как твой Майн-Рид, и денег пропасть.

Химик не заметил как потемнело и залилось краской лицо его друга.

— А чего только не делал, — возбужденно махая пустым рукавом, повествовал он. — Раз с третьего этажа ссыпался — полребра недочет… Раз пианину стырили среди белой ночи, — жильцы слышали, конечно, грохот, но думали — дом рушится, и потому особенно не беспокоились. А хозяева — жильцов после в милицию: что, мол, это они сперли… До чего ругани было, —

одного чуть не засудили… Смехота…

— А я, — как-то странно вырывается у Лепешина, — я записки буду оставлять, как у Пушкина…

— За-записки?..

— Факт!.. Я книжку одну читал у Пушкина. Там одни налетчик описан, в роде Антонио Порро, только получше, и добрым был: богачей грабил. И где что украдет, сейчас записку оставит: "Здесь был я, знаменитый бандит Дубровский". И поймать его никак не могли — до того был ловкий!..

— Тоже ловкость! Это в древности наверно, когда угрозыска, дактилосклёпии не было. — А пусть теперь оставит записку — враз поймают!

Лепешин ничего не ответил и вздохнул…

* * *

А курица между тем постепенно поджаривалась и подрумянивалась… Лепешин вынул ее из развилки и разорвал на две части. Но Химик отказался.

— Не надо… У меня своя есть! — сказал он и вытащил из угольев курицу размером в два раза побольше лепешинской…

— Так дольше, но вкуснее, — объяснил он остолбеневшему другу. — Чего глаза разинул? Что я — дурак — казенную картошку жрать?..

Ребята устроились поудобней и зачавкали.

— Как в прерии, — прожевывая курятину, шамкал Лепешин. — Вкусно, прямо смак…

— Какой там смак? — откликнулся пресыщенный Химик. — Вот гуська бы молоденького! — Он зажмурил глаза, а когда открыл их, то увидел стоявшего перед костром одноклассника Кузю.

Ребята молчали. У Химика с Лепешиным в горле застряли куски. У Кузи при виде курятины неудержимо хлынули слюни…

— Шамаете? — спросил наконец Кузя.

Химик с Лепешиным переглянулись и, оторвав по куску каждый от своей курицы, дали Кузе. Тот съел, тоскливо облизнулся и, чувствуя, что больше не дадут, спросил.:

— Откуда раздобыли?..

— В болоте, — поспешно ответил Химик. — За клюквой ходили и на уток нарвались. Из самоделок двух ухлопали…

Кузя встал и посмотрел в сторону.

— А там утки еще остались?..

— Нет, не остались… Все улетели утки…

— А это, между прочим… не куры?..

— Ну вот! — обиделся Химик. — Станем мы из-за кур в лес, в болото таскаться. Кур и здесь не мало…

Кузя встрепенулся.

— Где?..

— Там, — махнул Химик, за водопадом пасутся… Кузя крякнул и, нагнувшись, поднял с земли суковатую ветку.

— Вы, рябцы, ежели уходить будете, костер не гасите, ладно?..

— А ты, сволочь — разом крикнули Химик и Лепешин: — если запорешься, нас не продавай, — слышишь!

— Сматываемся, — сказал Химик: — Кузя парень — липа. И сам запорется и нас выдаст…

4

Когда Химик с Лепешиным появились на шкидском дворе, там происходило собрание. Пришедшие поторопились юркнуть в толпу ребят.

Викниксор громил воровство.

В Шкиде завелась группа хулиганов, которая грабит и разоряет окрестные огороды; к нему сегодня приходили огородники и требовали принять меры. — С картофельным воровством следует покончить! — заявил Викниксор.

— Верно! — поддержал Химик. — Надо бросить, ребята, картошку… На кой кляп сдалась она нам?..

По рядам прокатился сдержанный гул… Проголосовали. Единогласно решили "бросить"…

— Дальше, — продолжал заведующий: — нам надо переизбрать старосту по кухне… Предлагаю выбрать Васильева…

— Женьку! — закричали ребята… Викниксор поднял брови и нахмурился.

— Если вы не желаете Васильева, предлагаю Смирнова…

— Женьку! — кричали ребята.

У Викниксора было много оснований не доверять Кухню женькиному управлению. И ему наверное удалось бы провести своего кандидата, если бы Женька не купил заблаговременно голоса. Женька еще вчера, узнав о перевыборах, пообещал каждому, кто будет за него, по полфунту хлеба у младших и по фунту у старших. И поэтому сейчас все шкидцы дружно кричали:

— Женьку!.. Женьку!..

И Викниксору пришлось уступить…

Не успело окончиться собрание, как Викниксора позвали к

воротам… Химик осторожно выглянул из-за дома и увидел толстую женщину в зеленом байковом платке, кричащую заведующему:

— Ваши ребята кур убивают, а потом жарят!.. У меня сегодня четыре штуки пропали, я буду в милицию жаловаться!..

Викниксор нелепо покачивался, судорожно морщил и тер рукой лоб и мычал невразумительно:

— Успокойтесь. Примем меры…

Глава пятнадцатая

1

"Да… Им самоуправление вредит. Они не доросли, — раздраженно думал Викниксор. — Оставили прежнего старосту, который обворовывает их. Идиоты!

В распахнутое настежь окно сквозь темноту и вкрадчивый шелест ветвей доносился собачий лай. Викниксор полузакрыл оконные створки, потушил лампу и, как был в халате, залез под одеяло на скрипучую столетнюю оттоманку. Под стрекочущее тиканье будильника проходили, текли минуты. Викниксор сбросил одеяло, оставшись под одной простыней. Но сна не было, и он, ворочаясь, снова перебирал в памяти сегодняшний день. Вспоминалась женщина, у которой пропали куры, перевыборы, резкий разговор с Эланлюм, и в конце концов опять заныло в ухе. Это проклятый фурункул, упрямо засевший где-то там внутри, мешал спать уже целую неделю. Викниксор терпеливо закусывал губы, но потом забылся и чуть ковырнул нарыв мизинцем. Сразу дернуло, обожгло, словно током, и он, совсем расстроенный, приподнялся и уселся на оттоманке.

Ку-рите, пей-те и бузите.
Отправят в ла-авру — не беда,
Уроков этих не учите —
Не вый-дет толку пи черта…

заглушенно, но убедительно пел кто-то. Мелодию сопровождал обычный шкидский аккомпанемент на алюминиевой миске.

"Я тебе покажу — уроков не учить", — подумал Викниксор и хотел уже идти отыскать нарушителя тишины, но голос показался знакомым, и он вспомнил…

… После перевыборов, после ссоры с немкой он обходил на ночь дачу. Воспитанники спали, и только кухонный староста Женька был на кухне. Викниксор вспомнил, как Женька тогда, словно не заметив его, продолжал резать на утро хлеб. А когда Викниксор пошел дальше, Женька стал что-то насвистывать, насмешливо и торжествующе…

Вот почему Викниксор не двинулся с места и, сдерживая растущую злобу, ждал. У него появилось инстинктивное,

тщательно спрятанное от самого себя желание обождать, пока Женька не споет какую-нибудь гадость. Тогда (старался не думать Викниксор) можно спокойно, с чистым сердцем наказать Женьку.

Тикал насмешливо будильник, сверлило в ухе. Викниксор раздражался все больше и больше; ему казалось, что Женька знает его мысли. Он сидел, готовый вскочить, полузакрыв неспокойные глаза.

Наконец, Женька замолчал совсем, будильник затикал еще насмешливее, и Викниксор, почувствовавший себя обманутым, обиженный и расстроенный, встал и прокрался на кухню…

На столе грудой лежал хлеб, уже нарезанный на тощие приютские пайки. Желтый огонек лампы отражался, вздрагивая в широком лезвии ножа для резки хлеба. А сам Женька, не замечая стоящего в дверях зава, сидел на подоконнике. Он держал казенную миску и, напевая, ударял в нее ложкой. Викниксор, спрятанный темнотой, держась за больное ухо, с ненавистью глядел на него.

Женька вдруг оглушительно забарабанил по миске ложкой.

Ну и весело живется,
Если с Элушкой живет.
Молока хочь не напьется,
Зато Элушку…

— Каналья!

Круглая миска с дребезжанием выкатилась, виляя за открытую дверь, а оглушенный недоумевающий Женька молча поднимался с пола, ухватившись за край стола и нечаянно зацепив нож. Викниксор метнулся к нему, теперь уж отдавая себе во всём отчет, размахнулся и жестоко, как только мог, как глушат на бойнях скотину, ударил Женьку кулаком в голову. Женька охнул, упал снова, снова поднялся и, пошатываясь, выбежал вон.

Викниксор, погнавшийся за ним, нашел его в полутемной спальне, Женька лежал, закутавшись с головой, на своей койке и тихо, сквозь зубы выл: ему показалось, что зав сошел с ума. Викниксор грубо дернул его за плечо, потом схватил за шею — начал трясти. Голова Женьки мерно билась о железные перекладины кровати. Шкидец царапался, извивался, хрипел, но это еще больше ожесточило Викниксора.

И только когда разъехались в сторону доски кровати, когда он увидел кровь, увидел отпечаток своих пальцев на щеке провалившегося на пол шкидца, только тогда ощутил всё, что произошло.

Уже с испуганными возгласами просыпались воспитанники,

громким басом заревел не спавший и видевший всё Кузя. Викниксор нагнулся, вытащил из-под койки замолчавшего, притихшего Женьку и не зная, куда его девать, потащил в изолятор.

2

— Очень странный педагогический прием… не правда ли? — спросил на следующий день под одобрительный гул остальных ребятишек Иошка у немки.

— Что ж делать, раз вы не понимаете слов, — ответила Эланлюм. — Да и вообще русский человек любит палку.

Избитый шкидец еще сидел в изоляторе. Чуть светало, когда Викниксор, никого не предупредив, уехал в город. Без распоряжения зава Женьку нельзя было выпустить, это разжигало ребят, немка тревожилась и, не зная, чем успокоить их, повторяла:

— Русский человек уважает палку.

— А палка, знаете, о двух концах бывает, — серьезно сказал Иошка: — за историю в роде вчерашней одному заведывающему попало здорово. Об этом в газетах писали…

— В газетах? — встревожилась немка.

— Да, Элла Андреевна, в газетах. Возьмет кто-нибудь и напечатает…

Вечером об этой угрозе было передано Вккниксору. Рассказ словоохотливой немки продолжался минут двадцать, он продолжался бы и больше, но пришел Кира и она замолчала, занявшись у самовара. Кира пришел сказать, что назначенная на завтра экскурсия со второй группой состояться не может, так как завтра очередь этой группе дежурить по школе, так что…

Короче говоря, Кире очень не хотелось тащиться на экскурсию.

Викниксор, слушал внимательно и думал о другом, пристально смотря на Киру своими маленькими блестящими глазками.

— Вы хотите на экскурсию? — переспросил он. — Прекрасно. Можете завтра отправляться…

— А дежурство группы…

— За них будут работать старшие… Они свободны от летних занятий и отлично могут вместо этого потрудиться.

— Это им очень полезно, — сказала из-за самовара Эланлюм. — Старшие распустились окончательно. Они грозят газетами, угрожают. Нет, это очень хорошо распорядился Виктор

Николаевич. Очень хорошо.

Кире ничего не оставалось, как согласиться с немкой. Он поддакивал в продолжении всей её речи, и был оставлен к чаю.

3

— Но вы же знаете, Виктор Николаевич, что мы осенью хотим держать экзамен в техникум.

— Ну?

— У нас очень мало времени для подготовки.

— Ну?

— И если вы хотите еще заставить нас работать за второй класс, нам совсем не останется времени заниматься…

— Ну?

— А если мы не подготовимся, то провалимся на экзаменах.

— Всё?

— Всё…

Когда Шкида переехала на дачу, старшие, плюнув па халдеев, принялись сами по учебникам за родной язык, за физику, за обществоведение, чтобы как-нибудь успеть подготовиться к осенним экзаменам в техникум.

Учиться пришлось много, и в то время, когда остальные шкидцы проводили время в кружках и на экскурсиях, небольшая кучка старших выпускников занималась. Занималась с утра и до обеда, занималась после обеда, занималась и вечером. И когда Викниксор объявил, что старшие должны работать за вторую группу, потому что они бездельничают, старшие возмутились. Стало ясно, что Викниксор злится на них за всё то, что они высказали о нем после случая с Женькой, но ведь школа не дала им, выпускникам, нужных знаний, они не требуют и только просят дать им больше свободного времени для личных занятий.

Викниксор выслушал, попробовал смутить говорящего ему из строя Сашку своим пристальным взглядом и короткими вопросами, но Сашка не смутился — всё высказал и теперь ждал ответа.

— Мое решение неизменно, — медленно заговорил Викниксор. — В школе все должны подчиняться общим правилам. Исключений ни для кого нет — таков закон… Если вы не занимаетесь в кружках, то взамен этого должны нести другую работу по школе.

Но строй волновался… Второй класс перешептывался, толкался.

— Говори, говори, — шептали ребята, выпихивая Старостина.

— Виктор Николаевич… — рассудительно заговорил, выходя, Старостин, — пущай старшие занимаются — им нужно, а мы работать будем… А то надоели все экскурсии, и ни хрена в них пользы…

Викниксор рассердился, покраснели затопал ногой.

— Пошел на место! — закричал он. — Сопляк! Учить меня вздумал! Без обеда! — И, давая понять, что все разговоры кончены, скомандовал:

— Смирно!..

Занятые в этот день чрезмерной работой, старшие торопились: приходилось рассчитывать время, чтобы выкроить из него еще и для учения. Но утром заниматься почти не пришлось. Пока носили воду, пилили и кололи дрова, мели двор и улицу, — время прошло до полдня, а потом Викниксор придумал убирать огород, и ребята освободились лишь за полчаса до обеда. После обеда надо было мостить кирпичом двор. Здесь кто-то предложил делать всё сообща, и оказалось, что работа пошла много легче и быстрей. И ребята повеселели.

Они кончили, когда другие шкидцы еще не сделали и половины ежедневной работы.

— Ну, теперь всё, — со вздохом поднялся Голый и улыбнулся. — Теперь заниматься.

Все встали с мостовой и, с усилием расправляя спину, тоже улыбались.

— Мирно всё и без бузы, — сказал Иошка, опуская закатанные рукава. — Всё в порядке, можно сказать.

Начали умываться.

Около кухни поднялся хохот, гогот, визг… Выскребывали из кадушки последние остатки воды, шаркая по дну ковшиком. Ругалась кухарка Марта, отнимая ковшик. Сашка облил Голого Барина и оба, завизжав как поросята: помчались по двору.

— "Держи"!..

Неожиданно из-за угла сада вышел Викниксор.

— Что такое? — остановился он. — Что за беготня. Почему вы не работаете?..

Кончившие работать старшие стояли возле кухонного крыльца. Иошка сидел на перилах.

— Мы своё сделали, — сказал Иошка, не вставая. — Всё правильно, Виктор Николаевич.

Этот веселый тон и то, что Иошка, говоря, продолжал сидеть на перилах, и то, что Голый с Сашкой, несмотря на окрик, не остановились сразу, раздражил и без того нервничавшего Викниксора.

— Ничего нет правильного, — сказал он, сдерживаясь и

подходя ближе. — Ничего нет правильного, — повторил он. — Вы старше и сильнее и потому сделали все быстро…

— Нет, — ответил Иошка. — Это потому, что мы работали сообща, по-фабричному…

— Это дела не меняет… Вы должны были работать больше, вдвойне.

Ребята загалдели…

— Ка-ак?

— Когда же заниматься?..

— Это несправедливо…

— Прошу не разговаривать, — оборвал крики Викниксор. — Доделайте сначала работу…

— Мы сделали…

— Я сказал: вдвое…

У Голого еще раньше дрожали от обиды губы. Он не выдержал и закричал в лицо Викниксору:

— Довольно вам издеваться… Что мы — скотина, что ли?..

Викниксор оглядел его.

— В четвертый разряд! А вы, — он повернулся к остальным: — за работу!

И ушел…

— А мы работать не будем, — неслышно прошептал ему вслед Червонец. — Не будем!

На него испуганно взглянули и шикнули. Но Голый рассердился и полным голосом прокричал:

— Не будем!

— Не работать…

— Бастовать — и к чертям!..

Работать никто не пошел.

Викниксор чувствовал, уходя от ребят, что поступил несправедливо. Даже обида на них, которую он старательно при этом вспомнил, уже не казалась ему утешительной. Он старался оправдаться тем, что всё-таки это им будет на пользу. Им меньше будет времени хулиганить.

Так оправдывался он перед собою, но был неспокоен.

Он не мог понять, что те, старшие, которые пришли в Шкиду оборванными, тринадцатилетними шкетами, теперь выросли, развились и были даже образованнее халдеев, без педагогического опыта, без охоты к работе, набранных с бору да с сосенки, по биржам и отделам труда.

Эти люди, за редким исключением, больше годные в дядьки и надзиратели, призваны были учить и исправлять трудных детей, детей с повышенными способностями и чувствительностью, детей, превратившихся в юношей…

И это непонимание было причиной, почему школа так круто стремилась под уклон.

Работать ребята не пошли. За ужином и вечерним чаем все безразлично ждали, что вот-вот разразится гроза.

Но ничего не случилось. Викниксор забыл о ребятах, а вечером уехал в город, думая там поспокойней провести пару деньков и посоветоваться с доктором относительно своих почек.

4

— Так как же ребята? — в третий раз спросил Голый Барин.

Спальня молчала.

Ребята, закутавшись в одеяла, сжавшись лежали по койкам, но не спали. Спать не могли.

— Бастовать…

Лежали… Сашка, уткнувшись лицом в горячую подушку, лежал, думал: "Зря хлопочет Голый, ничего не выйдет, будет буза; надо поговорить с Викниксором, как говорили раньше, — а не бастовать"… Иошка думал: "Три года говорили с халдеями — хватит; не бузить надо, не разговаривать, а бороться". И Будок, Кубышка, Адмирал, Червонец, другие думали: "Как же так?., бастовать?., сразу?., вдруг? Завтра"?..

— Бастовать!..

— Погоди, — угрюмо сказал Будок. — Сразу ведь так нельзя, подумать надо…

— Это определенно, — загудели кровати. — Подумать надо… Сразу нельзя…

— А что думать? — закричал, сорвавшись, Голый. — Мало кирпичей потаскали, мало в пятых разрядах посидели, да?.. Ждать будете, просить будете. Да? Думаете, простит Витя, что мы сегодня не работаем? Думаете, забудет? Да?..

— Не забудет, — вздохнул из темноты Кубышка. — Ох не забудет, Витя, вспомнит! Он сейчас в город уехал, а потом вспомнит.

— Фана..

Ребята зашевелились, Иошка сел на кровати.

— А, по-моему, лучше всего поговорить с Витей, — глухо в подушку начал Сашка. — Зря волыним, ребята… Что Витя Голого в четвертый разряд перевел…

— Врешь, врешь, Сашка! — вскочил Голый. — Мне на разряд наплевать, тут не разряд, тут мы все, — мы бастовать будем…

— Ну и забастуем, — нудно продолжал Сашка. — А младшие работать будут. Оставят нас без жратвы, переведут кого в

четвертый, кого в пятый разряд, а кого и вышибут…

— Не пугай, — тихо уронил Иошка: — не испугаемся… С младшими сговориться надо. Как думаете, ребята?..

— Обязательно надо! — загалдели ребята. — А то как же одним?.. Бастовать — так всем. Надо кому-нибудь сходить к ним.

— Я схожу, — выскочил Голый, — я с Андрюшкой.

Прошло несколько минут после ухода Голого, и ребятами снова овладело сомнение. Им уже живо представлялась та расправа, которой они подвергнутся завтра, все как-то вдруг ощутили свою беспомощность и бессилие. Но отступать было поздно, и отступать никто не решился бы.

— Помню я… — неуверенно заговорил Адмирал, — на гимнастике… Шел и стал отставать… А Спичка ка-ак шмякнет меня палкой… в приюте это.

— Так то раньше! — закричал Будок, — то в старое время, тогда действительно били… А в Шкиде в прошлом году Аксютку отвозили… Наследил кто-то в классе, а халдей один — Хрящиком звали — и говорит Аксютке: "это ты"… Аксютка говорит: "нет"… Хрящик говорит: "убери". Аксютка говорит: "это не я"… Хрящик Аксютку за шиворот. Аксютка Хрящика в пузо. Хрящик Аксютку по кумполу — загнулся парнишка… Тут набежали халдеи и поволокли его в изолятор… А потом как вечером отправляли его с ментами в реформаторий…

— За што?..

— Дык он же Хрящика по пузу треснул… Когда вели его вечером, смотрим — голова у него вся разбита в кровь,

— Халдеи?..

— Не-е… Он в изоляторе об стенку головой бился. Психом был… Так разве с психом можно?..

— А Женьку как отвозили?..

— А Адмирала как Викниксор разделал, слыхали?.. Адмирал щебенку на дворе бил и расколол себе палец, ноготь, что ли, своротил… Ушел, конечно… А вечером, как накинулся на него Витя… "Гогочка, — кричит, — паинька… Ножку себе занозил"… Дал бы я ему гогочку, чёрт корявый…

— А сад убирали? Целый день лист таскали. Потом прилетела Эланлюм… Хвать…

— Тш-ш!..

На лестнице и в дверях зашумели. Послышался топот босых ног.

— Голый!

— Голый пришел!

Даже сомневавшиеся вскочили с кроватей и побежали навстречу.

— Всё в порядке, — сказал Голый, очень довольный и выполненным поручением и тем, что стал почти организатором забастовки. — Все вышло очень хорошо. "Даешь!" кричали. Словом, — завтра на купании надо сговориться — и конец.

— Очень хорошо. Молодец! — похвалил Голого Иошка.

Он отошел к своей постели и лег. Весь план забастовки уже созрел в его сознании. Он хотел уже сейчас приняться за организацию стачкома, приняться за распределение обязанностей, но волнение сегодняшнего дня утомило. Все разбрелись по постелями заснули очень быстро.

Зато младшие успокоились не скоро. Ещё по уходе Голого они долго обсуждали предложение старших и находили его заманчивым и увлекательным. Впрочем, им было всё равно. Они не рассуждали, плохо ли это или хорошо, — это они предоставляли решать старшим, которые, думалось им, знали всё и на которых можно, следовательно, положиться…

Но самое главное — забастовка давала свободу от опостылевших кирпичей, кружков, экскурсий. И всем как-то смутно представлялось, что можно по-новому и очень интересно побузить.

5

В это утро дежурный воспитатель Палач был удивлен странным поведением ребят на купаньи. Все они быстро раздевались и, один за другим переплыв узкую речку Брюловку, — скрывались в кустах на противоположном берегу. Палач почувствовал здесь подвох, неизвестное противозаконие и поэтому начал кричать:

— Кончай мытье!.. Вертайся назад!.. Жи-во!.. Но там его не слушали. Слушали Иошку:

— Так, значит, вот что… Самое первое — после чая всем из дачи вон… Понятно?… И до вечера даже близко не подходить… Понятно? Второе: — шамовкой запасайтесь как можно больше…

— А где её возьмешь, шамовку-то?.. — спросил Балда, великий объедала.

— Извиняюсь! — высунувшись из толпы, обратился к нему Химик. — Ты что же думаешь, сволочь, что картошку огородную можно только после забастовки жрать, да?..

— Шамовкой, значит, запасаться… — поспешил замять этот подозрительный разговор Иошка. — Попятно?.. Я и Сашка будем на чердаке. Если что случится — к нам. Понятно?..

А Палач, охрипнув от крика и убедившись в наличии

крамолы, сел на песок и начал стаскивать сапоги, надумав плыть через реку.

— Зеке! — крикнул Химик. — На митинг могут напасть халдеи.

— Сейчас… Еще одно… Последнее… Не бузить и халдеям хребты не ломать. Понятно?..

— Понятно…

Ребята высыпали из кустов и с шумом кинулись в воду.

Задуманный план исполнялся. Выпив чай и захватив шамовку, шкидцы незаметно скрывались, и вскоре дача опустела; а через пять минут вошедший в учительскую Палач тревожно сообщил халдеям:

— Ребята разбежались!

— ?!

— Смотрите сами.

Но смотреть собственно было нечего.

Спальни и столовые оказались пусты. Пусто было на дворе, в саду и в огороде. А на дверях учительской появилось объявление:

"Педагоги" [3]

"Мы долго терпели. Нас обвиняли в воровстве, заставляли через силу работать, избивали, не давали возможности учиться и т. д. Но больше мы терпеть не можем. С сегодняшнего дня мы начинаем забастовку. Мы не будем ни учиться, ни работать, пока не будут приняты наши требования:

"1. Прекращение мощения двора.

"2. Перемена обращения.

"3. Отменить сверхурочные работы у старших и дать им возможность в человеческих условиях провести последний месяц.

"4. Уничтожение наказаний и изолятора.

"5. Создание законного самоуправления.

"Если эти требования вы выполните, мы забастовку кончим.

Стачком Шкиды".

Из чердачного круглого окна Иошке видно было, как заволновались столпившиеся у объявления халдеи. Он улыбнулся от радости, но сейчас же улыбка исчезла. Ясно слышно было, как кричала Эланлюм и, крича, даже подталкивала под руку Киру:

— Скорее на поезд… В город…

Иошка повернулся к Сашке, хмуро сидевшему на двух кирпичах, и захихикал как японец.

— За Викниксором поехали… Чуд-даки!.. Теперь такая каша заварится, что и троим Викниксорам не осилить…

В час обеда никто из ребят не явился. Халдеи часто выходили за ворота, вглядываясь в оба конца по-полуденному пустой улицы и каждый раз понуро возвращались обратно. И каждый раз хихикал на чердаке Иошка:

— Ходят!..

Уже солнце обежало небо и, склонясь, покатилось к вечеру. Прогнали коров, и тени, бледнея, всё больше вытягивались на восток. И всё больше вытягивались халдейские лица. Кто-то высказал мнение, что, может, произошел массовый побег, что, может, надо заявить милиции, но пробило шесть часов, и в учительскую уже не вошел, а вбежал Палач и крикнул:

— Идут!..

Ребята пришли. Все с гомоном и треском разбежались по столовым, и тотчас же в каждой из них в дверях выросло по халдею. И, странное дело, они чувствовали какую-то неуверенность, неловкость и даже бессилие. Они понимали, что забастовка — это не простая буза, что следовало бы просто и по-товарищески поговорить с ребятами, вызвать их на беседу, на откровенность, но в том-то и дело, что они не умели этого делать, в их распоряжении был лишь один-единственный метод воздействия!

— Без обеда все!..

— Нам обеда не надо! — отвечали ребята. — Нам ужин даешь, по закону.

Законы — губоновские инструкции — ребята знали не плохо.

Поужинали.

После ужина халдеи поспешно разогнали ребят по спальням и заперли их — ребята вылезли в окна; пытались запереть ворота — шкидцы удрали через забор. Воспитатели, усталые и растерянные, бегали по даче.

Шкида взбунтовалась. Порядок полетел к чёрту, и былые приемы уже никого не пугали.

К ночи ребята вернулись. Чай пили, победно распевая песни, и халдеи не показывались на двор, считая это делом бесполезным; и только с нетерпением ожидали Викниксора. Ждали этого приезда и ребята. И хотя успех первого дня вскружил им головы, они смутно сознавали, что так просто и легко всё не пройдет и что надо готовиться к чему-то решительному, но к "чему" — никто не знал.

Викниксор приехал в двенадцатом часу ночи. Через полчаса

его квартира наполнилась созванными на экстренное заседание халдеями.

Дача была старенькая, деревянная, хлибкая, и всё, что говорилось в квартире заведующего, при некотором старании можно было услышать. Поэтому Голый Барин еще раньше разрыл землю на чердаке и теперь, приникнув к доскам, внимательно вслушивался.

— Это же чёрт знает что такое! — почти кричал Викниксор. — Это же буза. Это же непослушание, это же бунт!..

— Бунт! — вздохнул кто-то — бунт!..

— Да ведь какой бунт?.. Организованный. Это же надо зачинщиков искать, главарей ловить!..

— Надо, надо! — опять поддакнул кто-то, и Голому показалось, что это Кира. — Определенно надо…

Внизу замолчали. Потом стукнул поставленный на блюдце стакан, и Викниксор заговорил снова:

— Главари мне будут известны. О них, впрочем, я догадываюсь. — Ну, а для верности ученик Карпов мне их завтра назовет. Завтра попрошу вас сделать так: после умывания поставить всех в строй, закрыть ворота и… Они у меня долго не побастуют.

Голый поднялся и осторожно, на одних носках, выбрался с чердака.

В спальне его ждали. Сидя на кроватях, выслушали его торопливый рассказ.

— Понятно, — прервал Иошка. — Всё ясно… Крикните кто-нибудь Женьку.

— А зачем?

— Говорю, значит надо.

Пришел заспанный и хмурый Женька — кухонный староста.

— Вот что — строго обратился к нему Иошка: —скажи честно и по совести. Сколько у тебя хлеба отначено?

От неожиданности и спросонья староста растерялся и поэтому ответил честно, стыдливо опустив глаза.

— Пустяк… Фунтов тридцать…

— Мало, — прикинул в уме Иошка. — Ну, да всё равно… Страдать так страдать. Сделай так… Хлеба завтра к чаю дай больше, по фунту… и сахару больше и еще чего-нибудь, скажем — масла… Понятно? Разложи всё на столах пайками до умывания… Понятно?.. И сам уходи — будто купаться — и к чаю обязательно опоздай… Понятно?

— Понятно.

— А хлеб отначенный на чердак… Понятно?

— Понятно…

— Я еще не всё сказал, — заговорил опять Голый. — Дело вот какое… есть лягавый…

В спальне стало тихо; все замолчали. Потом скрипнула иошкина кровать, и он спросил:

— Кто?

— Карлуха, из второго класса. Викниксор сам сказал, что от него все завтра узнает.

— И Карпуха расскажет?..

— Факт…

— Так крыть же его паскуду, надо… — закричал вскакивая Иошка. — Сейчас и покрыть, пока не поздно!

— Язык вырвать!

— Убить стерву!

Несколько человек поднялись с кроватей и вышли из комнаты.

— Ша!..

Во втором отделении было тихо, ребята спали. Карпуха лежал, раскрасневшись от сна, улыбаясь своим румяным ртом, Барин набросил на лицо ему подушку, и слышно было, как дернулся тот от испуга и забился, стараясь вырваться.

Но его крепко держали.

От ударов свалилось одеяло.

Били прямо по телу.

Тело вспухло под ударами, сжималось, силилось освободиться — на миг он вырвался из-под подушки, крикнул, но его ударили по лицу, на руки брызнула кровь, и он упал…

— Хватит!..

В спальне по-прежнему было тихо, В окно неслышно глядела спокойная и чистая луна; сброшенное одеяло, подушка и тело нелепо лежали поперек кровати, освещаясь ее странным светом.

Потом неприятно и сухо что-то начало падать на пол, равномерно как капли. Голый протянул туда руку и, побледнев, отдернул обратно, судорожно отряхивая ее.

— Хватит!..

6

Утром звонок на чай заставил Викниксора быстро встать от стола, взглянуть на себя в зеркало и выйти из комнаты. Но там его торопливость исчезла, и он нарочно медленно отворял наружную дверь, нарочно медленно сходил по лестнице, чтобы посередине ее остановиться изумленным, сбитым с толку.

Двор был пуст. Обычного шумного строя ребят не было, да и

на всей даче не слышно было ни звука. Лишь кучка воспитателей сиротливо ожидала заведующего возле крыльца.

— Где воспитанники? — спросил Викниксор. — Разве не вернулись еще с купанья?

— Ушли уже…

— То-есть как так ушли?

— Да так: вернулись с купанья и ушли…

— И чай не пили?..

— Нет…

— Чёрт знает что такое! — крикнул Викниксор, краснея. — Всё проворонили… Сейчас… сию же минуту разыскать всех!..

Халдеи разбежались…

Насмешливое Иошкино лицо высунулось из чердачного окна и сейчас же скрылось обратно…

— Ищут.

Иошка захихикал, потер руки и оглянулся. Сашки на чердаке не было.

Сашка шел к Викниксору, твердо решив поговорить с ним и мирно уладить волынку.

А Викниксор стоял на лестнице, видел, как опрометью носятся по этажам воспитатели, и понимал, что там нет никаких ребят, что его перехитрили, что лучше просто дожидаться прихода шкидцев. Но у него пропала уже всякая охота к действиям, к работе, соображению. Он постоял еще немного и тяжело, по-стариковски загребая ногами, поднялся обратно в свои комнаты.

Однако воспитатели, смущенные его криком, проявили деятельность необычайную. Они обыскали всю дачу, сад, огород, окрестные улицы, и им удалось поймать трех неосторожных шкидцев. Ребят притащили в дачу, заперли в изолятор и у дверей посадили Палача. Сторожить.

— К вечеру воспитанники придут, — ораторствовал на задворках упоенный успехом Кира. — Много, конечно, поймать мы их не поймаем, но Виктор Николаевич очень расстроены, и надо постараться. Одним словом, наловить ребят числом как можно побольше. Понятно? Одним словом — хватать! Много, говорю, конечно, не схватишь, но ежели по одному или по два — то, натурально, выйдет цифра и даже число!..

Условившись насчет "хватать", халдеи потушили папиросы и разошлись по засадам.

А Сашка вернулся от Викниксора так быстро и таким красным, что можно было подумать, будто ему наклали по шее и поддали сзади коленкой.

— Сам ты дурак! — забормотал он на чердаке, грозя —

кулаком викниксоровским окнам. — Сам ты сопляк и мальчишка… Сволочь… Погоди, мы тебе такое закатим, что глаза на лоб вылезут!..

Иошка не расспрашивал Сашку. Иошка вспомнил зиму, приход корреспондента, разговор в зале и Викниксора, кладущего руку на Сашкино плечо.

"… И это хорошо, что ты погорячился, не забывай так делать и дальше…"

— Не унывай, Саша, — хихикнул Иошка. — Вкатим Вите забастовочку, не беспокойся.

В шесть часов, как и вчера, забастовщики вошли во двор. Из всех углов ринулись на них халдеи, а по лестнице с криком "хватай!" соколом слетел Кира и врезался в толпу.

Шкидцы заметались по двору. Ударились было к воротам. Но их уже успели запереть, а в калитке образовалась пробка.

Халдеи ловили по преимуществу мелочь — на манер курей, растопырив руки и загоняя в угол.

Кира, пожелав отличиться, вцепился в самого длинного шкидца Червонца, — но сил своих не рас читал: ему дали по зубам, и он, кувыркнувшись, отлетел к стене, не переставая кричать: "Хватай!"

Но хватать уже было некого — неприятель отступил через калитку и через забор, и хотя поле сражения оставалось за халдеями, пленных было всего трое малышей-новичков, которые вдруг во весь голос заревели:

— Мы больше не будем!..

— В изолятор! — распорядился Кира. — Мы им покажем! Забастовщики!..

И пленников поволокли…

А шкидцы выбежали за ворота, и хотя за ними никто не гнался, никто не преследовал, продолжали бежать, бежали долго и очнулись только на кладбище, на другом берегу речки Брюловки.

На могильном замшелом камне, рядом с покривившимся крестом, сидел Сашка, — он прибежал первый и теперь изумленно смотрел на ребят, вспоминая прошедшее:

— Какого же чёрта мы убежали?

— Да там же халдеи!..

— Эх, мать честная, — до слез огорчился Сашка, — надо на них было… Бить их…

— Так что же ты сам в беги ударился?.. Эва, раньше всех прибежал!..

Шкидцы, перебираясь по камням через реку, всё подходили и подходили.

— Много там поймали, а?..

— Много… Человек десять, а то и больше…

— В Лавру их наверное отправят…

— Братцы, — заговорил вдруг кто-то: — а ведь пожрать бы надо?..

— Факт… Пожрать надо…

— На даче есть хлеб, — сказал Иошка. — Хлеб на чердаке. Только принести надо… Сходишь, Федорка?..

— Ладно, — отозвался тот. — Мы с Корнем сходим.

— Только осторожно! — предупредил Иошка, когда Федорка и Корницкий пошли. — Не засыпьтесь… С огорода лезьте…

— Ладно…

Ребята на кладбище оживились. Смеялись, бегали по могилам и даже Карпуху, над которым нещадно издевались весь день, оставили в покое.

— Сейчас пожрем!

Но и пожрать не пришлось. Минут через десять на берегу показался Федорка, один и без всякого мешка; торопливо, едва не свалившись в воду, перебрался он через реку и подбежал к Иошке…

— Корень засыпался… Засада была… Пришли на чердак, думали — не заметят; выходим, а тут — как кинутся…

— Кто?

— Халдеи… Кира… Палач… Сашкец… Корня схватили. Я убежал…

— А хлеб?..

— Там, у халдеев остался.

Скажи он, что в Шкиде сейчас вешают Корницкого, это меньше возмутило бы ребят…

— Что же ты, стерьва, хлеб бросал?..

— Да я его и не бросал… Корень его нес… Его и хватали.

— А ты не мог хватать?..

— Кого?..

— Да хлеб… Будто не понимает…

— Сразу хватали они. Один хлеб, другой Корня.

— Здорово! — только и мог проговорить Голый Барин.

— Что же делать? — спросил у Иошки растерявшийся Сашка.

— А я знаю? — буркнул Иошка и отвернулся.

— Вот тебе и пожрали! — мрачно пробурчал Червонец.

Шкидцы разбрелись по кладбищу. Нашли и выволокли из развалленного склепа Карпуху, принявшись на нем вымещать свою злобу.

— Будешь людей продавать, стерва?..

— Не буду, — выл Карпуха. — Это вас халдеи под-манули. Я

им ничего не говорил!..

— Врешь, зануда! Не говорил, так будешь говорить, — и град щелчков и колотушек сыпался на карпухину голову.

Скоро совсем стемнело, и обложенное облаками небо сделало кладбище страшным.

Все понимали, что надо действовать, думать, предпринимать, а не ожидать чего-то неизвестного и далекого. Ведь начали бастовать, надеясь потом сговориться, надеясь кончить спокойно и быстро, а между тем уже прошло два дня, и никто не знал, когда да и чем всё кончится. Уже нашлись недовольные, которым казалось глупым мирное и терпеливое ожидание, и они призывали бороться — идти бить халдеев и брать в свои руки и власть, и кухню, и кладовую…

Хотелось есть.

Становилось холодно и мрачно, и шкидцы опять окружили камень, где сидел Иошка.

— Так что же делать будем?..

Иошка глядел на ребят и не мог понять, что им от него надо, откуда он знает, что делать?..

— Не ночевать же на кладбище?..

— Ну и катитесь в Шкиду, — раздражился Иошка. — А мне и здесь хорошо…

— Сволочь! — крикнул кто-то. Иошка ничего не ответил.

Свет луны, прорвавшись сквозь тучи, мелькнул по кладбищу. Все вырисовалось перед глазами: поваленные кресты, плиты и кладбищенские ивы с растопыренными, как пальцы, прутьями, тихо и неслышно качающимися под ветром. И Иошка увидел, как шкидцы понемногу, по одному начинают переходить обратно, на другой берег.

— Куда вы? — закричал Голый Барин.

— Домой идем! — грубо крикнул в ответ Мамонтов. — Не будем здесь.

Теперь уже переходили реку все… Перебираясь через камни, кто-то столкнул Карпуху, и тот стал тонуть. Стремнина водоската тащила его вниз — он цеплялся за камни, хотел вылезть. Но руки скользили, а в лицо била мутная пена. И он не кричал, не просил, не звал. Знал, что звать бесполезно.

А ребята столпились на берегу, и у многих на лице была та странная улыбка, с которой дети топят котят.

Карпуха выбросил вперед руку, скользнул, крикнул — и вместе с водой обрушился вниз, в омут…

Его вынесло далеко вперед, к самой отмели. Оглушенный, он лежал на песке, но, услышав, что идут ребята, выбрался на берег и побежал к даче, торопясь обогнать их…

Глава шестнадцатая

1

Утром, когда еще все шкидцы спали, do вторую группу пришел Викниксор. Ребят разбудили, велели одеться и построиться; после этого четверых вызвали из строя, а к остальным заведующий обратился, примерно, с такой речью:

— Выбирайте. Или эта четверка сейчас же, сию же минуту отправляется в Лавру, или вы принимаетесь за работу.

То же самое повторилось в первой группе: ребят поднимали, строили, вызывали наудачу нескольких человек, заставляя других "выбирать". И когда старшие в восемь часов проснулись, всё уже было кончено — младшие пошли работать.

Старших оставили одних, дверь к ним в спальню была закрыта, и ее караулил Палач. Ни умыванья на реке, ни общей переклички в этот день не было. Чай старшие пили после того, как напились и были заперты в спальне младшие. И здесь в первый раз в этот день в третью группу пришел Викниксор.

— Встать!

Встали.

— Сесть!

Сели.

— Ионин!.. Встать!..

— За што-с?

— Встать, тебе говорят!

— Ну и встану… Ну и ладно…

Иошка начал подниматься. Должно быть, это показалось медленным Викниксору — он подскочил к Иошке и дернул его за плечи…

— Драться?.. — закричал Иошка. — Драться, сволочь!..

Кружка пролетела мимо Викниксорова лица и, дребезжа, выкатилась на веранду, в сад. Ребята повскакали с мест, покачнулась и упала скамейка, рухнул стол; закричали… зашумели…

— Бить?..

— Не имеете права!..

— Жандармы!..

Викниксор вырвался из толпы. Сбитое пенсне упало ему на грудь. От неожиданности и гнева он ничего не видел.

— Бунтовать?.. — орал он. — Я вам покажу!.. Прекратить чай!.. В спальни!.. В изолятор Ионина!..

— Не пойду!..

— Пойдешь!..

И, шаря по воздуху руками, Викниксор выбежал в коридор.

2

Он протер пенсне и выглянул через окно во двор. Двор мостили.

— Работают?

— Да, Виктор Николаевич.

— Все?

— Нет-с.

— Это почему?

— Я уже докладывал вам, что восемь человек во главе с Иониным продолжают забастовку.

— Ах, эти… Ну да, я знаю… Пускай, пускай побастуют. Есть захотят — придут… Придут, не беспокойтесь… Больше им идти некуда… Да-с.

Эта восьмерка не была страшна ему… Наоборот, с ними так легко справиться, легко свалить на них всю ответственность и счесть за коноводов. То, что они придут, он знал отлично. То, что придут с повинной, знал ещё лучше… Он колебался лишь в выборе: устроить эту повинную публично перед строем или у себя на квартире, перед халдеями. Конечно, первое заманчиво и показательно, но все-таки как-никак их восемь человек, — могут поднять крик, вой и всё испортить. Другое дело, если бы был один человек, тогда публичную повинную можно бы осуществить легче и почти наверняка…

— Вам письмо, Виктор Николаевич! — крикнули из-за двери…

— Давай сюда…

Письмо было в большом деловом пакете без марки. Викниксор хотел было узнать, откуда его принесли, но шкидец, передавший письмо, успел уйти, ничего не сказав.

> "Виктор Николаевич! [4]
>
> "В последний раз мы взываем к вашему благоразумию. Мы терпели долго, снося ваши притеснения, издевательства, мы видели, как одни за другим изгонялись из школы наши товарищи, видели, как вы коверкали нашу и их жизнь, как вы своими иезуитскими методами, — а иначе их назвать нельзя, — как вы своими методами доводили учеников до

самоубийства, до голодания, как вы губили наших товарищей, делая их беспризорными, ворами и т. д., и т. д., и т. д. (вообще здесь не место перечислять все ваши добродетели: они будут перечислены в другом месте и в другое время).

"Сейчас, сойдясь на поляне парка, мы пришли к таким неутешительным выводам. С вами мы сговориться больше не можем. Между нами существует слишком уж большая пропасть. И мы решили бороться и в борьбе с вами применить то единственное средство, которое еще осталось в наших руках,

"Мы объявляем голодовку.

"Что кончится это предприятие недобрым — мы знаем отлично. И все же мы идем на это, ибо у нас нет другого выхода.

"Мы требуем:

"1. Перемены обращения.

"2. Оставления старых сроков работы.

"3. Дать возможность отпускникам провести в человеческих условиях последний месяц.

"4. Не посылать наших товарищей по исправительным заведениям и тюрьмам.

"5. Создать законное самоуправление.

"Последний раз мы просим переговорить с нами — ещё не всё потеряно. Мы всё ещё надеемся, что вы не окончательно утратили человеческий образ, обращаемся к вашим педагогическим убеждениям и пытаемся надеяться ни них".

Заявление было подписано Иошкой, Сашкой, Голым Барином, Кубышкой, Адмиралом, Червонцем, Корницким и Федоркой.

3

Ответа ребята не получили, и голодовка началась.

Все знали, что пошли на крайнее средство, но не представляли всё-таки всех возможных его последствий. На Иошке первом отразилась голодовка. На второй её день этот болезненный и истощенный шкидец уже не решался вставать с кровати, лежал странно пожелтевший за одну ночь, с покрасневшим ртом и натянув на голову свое серое одеяло. К двум часам дня лежало ещё трое. Остальные тоже чувствовали слабость.

В дело вмешались халдеи. Обычно приструненные, покорно исполнявшие распоряжения своего зава, они начали волноваться. Они фрондировали не из человеколюбия, не из жалости к ребятам-голодовщикам, а просто из боязни уголовщины. Они отправились к Викниксору и потребовали принять меры к прекращению голодовки.

Викниксор посовещался немного с воспитателями и отправил к голодовщикам Палача.

— Виктор Николаевич велел передать, что он согласен обсудить ваши требования…

* * *

Когда голодовщики пообедали (а съели они, как это ни странно, очень немного) и пили чай, к ним опять пришел Палач и передал последнюю Викниксорову волю. Троим из голодовщиков ехать в город для переговоров в Губоно. Заведующий передал туда письмо и умывает руки.

Решено было ехать Иошке, Сашке и Кубышке. Перед отъездом, ещё раз собравшись, обсудили требования. Вечером уехали в город. На другой день рано утром уехал Викниксор. Шкида осталась ждать. Ждали весь день — ребята не возвращались, возвратился один Викниксор. Еще за час до его приезда приехавшие из города молочницы передали шкидцам письмо.

4

"Ребята… [5]

"Случилось ужасное, случилось то, чего мы совсем не ожидали, — случилось предательство; нас обманули самым подлыми и отвратительным способом, как только могут обманывать халдеи. Обманули, заранее сговорившись и обставив всё дело так, чтобы мы и не подозревали мышеловки.

"В город мы приехали уже вечером, переночевали в Шкиде, — утром подправились, почистились и пошли в Губоно. Нас там ждали. Начать с того, что первый, кто нам попался по дороге, был Викниксор. Он шел от заведующей и улыбался… Увидел нас и пробурчал: "Вас ждут".

"Заведующая..

"Заведующая ждала, посадила нас, взяла в руки ультиматум, что мы послали Викниксору, и долго, и много говорила. Нам запомнились следующие определения: "хулиганство", "распущенность", "безнравственность", "недисциплинированность", "подрыв", "мальчишество". Говорила, повторяя, долго, до тех пор, пока Сашка, не завертевшись на стуле, не заорал: "хватит".

"Ну-с, началось обсуждение… Мы говорили: "жить невозмоишо", она — "недисциплинированность"; говорим: "произвол", она — "распущенность", говорим: тюрьма", она — "мальчишество"; так мило беседуем, вдруг открывается дверь, высовывается Викниксор и пальцем манит заведующую. Вышла. Говорят что-то, долго говорят.

"Кубышка, конечно, стал по кабинету, по столу шманать и нашел бумажку: "Прошу перевести в Лавру Федорова Георгия и Корницкого Владимира. Основание — воровство и хулиганство…" Не успели мы как следует сообразить, возвращается заведующая, говорит: "Дело для меня ясно теперь, так что в общем меры пресечения, предложенные Виктором Николаевичем, я должна утвердить".

"— Что, говорим, за меры?

"Прочитала: Корницкого в лавру, Федорку в лавру. Голого Барина и Адмирала из Шкиды исключить. Меня, Кубышку и Сашку исключить, но, как получивших командировки и направления в фабзавуч и техникум, временно оставить, перевести в пятый разряд, изолировать и разделить: меня и Кубышку поселить в городе, Сашку — на даче.

"Сашка не выдержал. Вскочил. Как крикнет: — "Здорово… Ловко это у вас устроено… Только ничего, мы и на вас управу найдем", и ушел. Ушли и мы. Сашка куда-то исчез, по крайней мере он в Шкиду больше не заходил…

"Вот что произошло здесь, в городе… Подло, отвратительно, гадко поймали нас; отвратительно оттого, что мы поверили в честность разбора и вот убедились.

"Что будет дальше — не знаю. Если что-нибудь случится — напишите…

Иошка".

5

После трехдневного отсутствия Сашка вернулся в Павловск. Еще стоя в тамбуре вагона, он высматривал, нет ли где-нибудь шкидцев. Обычно они часто вертелись здесь, предлагая услуги пассажирам и перенося их багаж, — теперь шкидцев, как на зло, не было. Сашка медленно шел от вокзала и всё посматривал по сторонам.

Он миновал уже людные места и свернул на улицу брошенных и развалившихся дач. Он прошел её почти до самого конца, как вдруг сзади в одном из домов зашумели и оттуда вылезли двое. Первый лез Голый Барин; обычно чистенький и миловидный шкидец весь облохматился и оброс грязью. За ним следом показался Адмирал — в рваном пальто и с мешком в руках… Они завалили выход и, отряхнувшись от приставшего мусора, быстро пошли по улице…

— Эй!.. Эй, ребята! — закричал Сашка.

Те рванулись было вперед, бежать, но, разобрав, что кричит свой, остановились.

— Здорово! — запыхавшись, подбежал Сашка. — Что это с вами? Чего вы бежали?..

Голый посмотрел в сторону и грубовато ответил:

— Так… Привычка… Приходится… Ну, а ты что расскажешь?

— Нечего говорить. Вы и без меня все знаете… Помолчали…

— А вас? — опять заговорил Сашка. — Викниксор, что… уже вышиб?

— Факт… Как приехали, первым делом за нас как за голодовщиков…

— И куда же вы сейчас идете!..

— На рынок.

— Покупать — продавать?.. Голый засмеялся…

— Покупать — продавать? Нет, Сашенька, продавать нам нечего, а покупать не на что. Ну, мы и устроились без денег, по тихой…

— Дело клёвое! — поддержал, встряхивая мешком Адмирал. — Вчера хорошей жратвы насажали. Вот такой круг колбасы краковской тиснули…

— Тиснули?

— Факт, тиснули… А что ж еще делать, — жрать ведь надо. Викниксор, правда, жратвы нам на неделю дал, вроде выходного пособия, так там крупа одна, да и та гнилая… Голубям дать совестно. Да, Сашка, а Викниксор твоего приезда ждет, мне ребята говорили…

— А зачем я ему?

— А затем, зачем и мы… Тоже голодовшик… Голый заторопился и сунул Сашке руку:

— Ну, прощай… Завтра в город уезжаем с Адмиралом — не увидимся больше…

Подойдя к Шкиде, Сашка остановился, подумал и решил пробраться в спальню незаметно.

6

В спальне, в задней комнате, сидело несколько человек. Услышав шорох в окне, они обернулись.

— А, Сашка!..

— Тише вы! — огрызнулся шкидец, спрыгивая с подоконника. — Не орите!

— А что?

— Да так… Вы лучше расскажите, что у вас тут хорошего?

Ребята замолчали. Сашка почувствовал недоброе.

— Ты в пятом разряде, знаешь? — осторожно начал Червонец.

— Знаю, — ответил Сашка. — Наплевать!

— Потом… это самое главное… Видишь, Викниксор хочет отправить в Лавру Федорку, — Корницкий убежал, — а тебя как раз Викниксор хочет…

— Вместо, Корницкого отправить, что ли?

— Нет… Он, видишь ли, хочет, чтобы ты сам отвез в Лавру Федорку. Верно, верно… Он так и сказал про тебя… "Он заварил кашу, пусть ее и расхлебывает. Пусть отвезет своего товарища". Это Федорку…

— Да… Я, значит, должен отвезти Федорку?.. Не повезу!..

— Ей-богу, заставит… может, это он нарочно?.. Хочет тебя разначить и вышибить?..

— Это уж наверняка, — согласился Сашка. — Только как же я Федорку поведу? Вот сволочь!.. Ловко придумал.

— И ждет тебя… Говорил, как только ты приедешь ему сказать.

— Это я знаю… А Федорка где?..

— В Шкиде еще… Двор мостит… Он бы давно убежал, только его стерегут… "А Сашке, — говорит, — скажите: если он меня повезет, не друг мне больше будет…"

— Да я и не повезу! — всполошился Сашка. — Честное слово, не повезу… Пусть что хотят, то и делают…

Химик, до того молчавший и внимательно слушавший Сашку, задумался. Потом ободряюще хлопнул его по плечу и исчез…

Через полчаса в Шкиде стало известно, что Сашка вернулся.

Узнали об этом и халдеи, узнал Викниксор. Сам он в спальню не пошел — послал Палача. Сашка уже лежал на кровати, до самого подбородка натянув одеяло.

— Тебе Виктор Николаевич велел собираться, — сказал Палач. — И не охай, не притворяйся… Одевайся скорей…

— Не могу, — замогильным голосом ответил в одеяло Сашка.

— Почему?…

— У меня фурункулы на ноге… Ходить невозможно! — при этом он высунул из-под одеяла забинтованную ногу.

— Не фокусничай! — забеспокоился Палач. — Где у тебя там фурункулы?.. Думаешь, навертел бинтов, значит и болен?

— Не верите? Пожалуйста? — Сашка весьма натурально кряхтя, развязал бинт. Вся нога — колено и голень — была дочерна залита иодом. Палач поморщился, отвернулся и, махнув рукой пошел.

— Очень болен! — закричал ему вслед Сашка. — И Викниксору вашему так и скажите…

Химик вылез из шкафа и, хотя на этот раз всё прошло удачно, тревожился:

— А как Витя лекпома пошлет? Тогда что?..

— Ничего, — успокоил его Сашка: — лекпом свой парень, не выдаст… А в крайнем случае ножичком коленку подковыряю и сойдет…

Федорку в лавру вести не пришлось — он убежал.

Глава семнадцатая

1

В Шкиде, которая на эти дни превратилась в маленький острог, поспешно восстанавливали "равновесие".

Сашка приехал в четверг, в пятницу убежал Федорка, вышибли на неделю домой Химика; перевели восемь человек в пятый разряд, троих посадили в изолятор, Пятака, Синего и Квадрата отправили в Лавру; в субботу с утра посадили в изолятор еще двоих; днем устроили собрание, первое после забастовки.

Оно происходило на дворе, на свеже вымощенном кирпичиками дворе. Посередине в кресле сидел Викниксор. Шкидцев долго собирали и сгоняли, Викниксор покрикивал, подгонял и наконец заговорил:

— Ребята! Сегодня мы собираемся впервые после всех событий, потрясших организм школы; вы уже не маленькие и сможете, на мой взгляд, трезво оценить их. Конечно, — глядя со стороны на всё недавно-происшедшее, можно думать, что у нас бог весть что творится.

— Правильно!

— Тише там!.. Что же мы имеем на самом деле, в действительности?.. Группа заговорщиков организует бузу, которую называют забастовкой. Бузят несколько дней, вовлекают, в авантюру всю школу, а когда видят, что дело терпит поражение, когда видят, что осознавшие ученики покидают их, они объявляют голодовку, шлют ультиматум, угрожают мне прокуратурой, сознательно провоцируют какое-то вмешательство, идут ва-банк и, конечно, проигрывают. И здесь начинается волна клеветы… Некоторые добровольные ходатаи шляются по учреждениям, клевещут в Губоно на меня, на школу, но их, конечно, не слушают, потому что всё, что они говорят, — ложь и выдумка… В чём же смысл самой забастовки? Запомните, что её организовали старшие, группа отщепенцев, огрызков общества, которым всё равно — всё равно потому, что они уйдут скоро из школы… Они не хотят работать, хотят, чтобы за них работали другие, хотят чего-нибудь добиться, но только для себя… Это шкурники, умеющие красиво говорить и умно хулиганить… Они скоро уйдут из школы, — скоро мы распростимся со многими из них… Пускай они не работают, пускай не учатся, пускай не участвуют в кружках, но мы объявим им моральный бойкот, мы

выбросим их из своей среды, и никто с ними не будет и не должен знаться… Мы изгоняем вас… Уходите из…

Сашка неожиданно для всех, неожиданно даже для самого себя, не выдержав, поднялся и пошел со двора…

— Куда?… куда?… — закричал прерванный Викниксор: — Ах, да… Огрызки…

Уходили остальные. Андреев даже остановился около Викниксора и проговорил, кланяясь:

— Премного благодарю!

Сашка не видел этого, — он поднимался на лестницу, — но слышал викниксоров голос…

— Комедиант… шут, — кричал Викниксор. — А вы куда?.. Иванов, Пешков, вы куда? Вы же не огрызки… Экие тоже. До конца досидеть не могут…

Собрание продолжалось…

2

— Ладно, заседай, сволочь, — бормотал в спальне Сашка: — заседай… Значит, огрызки… Отщепенцы… Ладно… так и запишем… Огрызки!.. Я тебе покажу огрызков… Ты меня помянешь, стерьва… Помянешь…

Сашка в спальне не хромал, изображая болезнь, а бегал из одного конца в другой; бегал, злился и вдруг принялся ломать дверь, которая вела на чердак.

— Ты чего? — удивились ребята. — Что ты?.. Что с тобой…

— Пошли к чертям… Уйдите…

Дверь была выломана. Сашка скрылся на чердаке, но через несколько минут выглянул обратно.

— Андреев… Поди-ка сюда…

— Чего тебе?

— Надо…

Андреев, вздохнув, поднялся с кровати. Сашка ему что-то сказал, Андреев кивнул довольно головой, вернулся в спальню, взял свою папку с бумагой, краски и прошел за Сашкой на чердак…

И если бы кто-нибудь, заинтересовавшись, поднялся теперь на шкидский чердак, он увидел бы, что Андреев, разостлав на досках чистый лист бумаги и ползая, выводит на нем большими буквами "БУНТАРЬ № 1" и внизу помельче: "орган учащихся школы имени Достоевского", увидел бы, что Сашка, пригнувшись над маленьким ящиком из-под макарон, быстрю что-то строчит па листках, вырванных из блокнота.

Но никто из шкидцев не интересовался чердаком, и подпольная редакция продолжала спокойно работать.

К вечеру шкидцы узнали, что готовится газета, и Сашку засыпали предложениями услуг; это было весьма кстати — он послал одного — Косатку, художника, — в "типографию" помочь Андрееву печатать, а остальных заставил писать заметки.

Узнал о газете и Химик, который, будучи выгнан на неделю из Шкиды, домой не пошел, а скрывался на кирпичиках. "С опасностью для жизни" он пробрался на чердак, чтобы предложить свой материал и проекты…

В это время Сашка чувствовал себя отлично: газета, размером в четыре листа, заполнялась самым свежим и занимательным материалом, а обилие сотрудников давало ему право подписать ее "редакторско-издательский комитет", что сделать было необходимо в виду возможности преследований…

Химик предложил комитету назначать от редакции — в каждый класс специального корреспондента, шкидкора, которому и поручать всю работу по собиранию материала и по разъяснению задач газеты. Этот проект всем понравился, и Химик, чувствуя, что достаточно расположил в свою пользу ребят, равнодушно осведомился у Сашки:

— Ну, а ежели стихи? — спросил он. — Стихи про природу?.. Тогда как?..

— Тогда прямо в сортир, — ответил Сашка. — У нас газетка революционная… Тут лирику разводить нечего… Да ты не обижайся… Вот революционные стишки или сатирические куплеты — это другое дело… Это хорошо будет…

Химик сразу завял. Дело в том, что он давно мечтал увидеть в печати свои стихи, которых втайне насочинял целую тетрадь… Но уж такова судьба поэтов — зависеть от прихотей редакторов, а Сашка, как на зло, хотя и сам сочинял стихи, стихов не любил, а тем более лирических…

Через два дня, вечером, газета была готова. Передовица сухо и достаточно выразительно сообщала основную цель газеты: бороться с халдейским засилием и способствовать организации ребят; большая статья была посвящена итогам первой шкидской забастовки. Но особенно хлестким и забавным вышел фельетон "Почему их зовут халдеи".

Газетку решили вывесить с утра, а вечером Сашка получил из города от Иошки письмо, которое тот переслал ему через халдея Костеца.

"Здравствуй, дорогой друг Саша! — писал Иошка. — Твое последнее письмо наделало здесь, в колонии ссыльнопоселенцев, много шума. Кубышка прибежал в музей (мы поселились в музее)

и закричал: "Сашка вернулся на дачу! Сашка издает газету!" Я, представь, даже покачнулся… Газету! В такое время!.. Изменил, думаю, продался, какие-нибудь "Известия Шкидского совстара" строчит!.. Но нет, одно название "Бунтарь" говорит за то, что газета твоя — боевая…. Я очень рад за тебя, за твою мысль и твою решительность… Поздравляю и благословляю…

"Ты просишь материала — увы, в данный момент у меня ничего нет, и поэтому пришлю к следующему номеру"…

Сашка, прочитав письмо, выругался, но скорее для порядка, потому что втайне был доволен тем, что газета сделана самостоятельно и дело обошлось без "варягов…".

Утром газету вывесили… Сделали это незаметно, чтобы, только вернувшись с купанья, шкидцы увидели стенновку. И, конечно, едва очутились те на дворе, как сразу же столпились возле ярко разрисованной газеты, висящей на двери спальни старших… Из-за толкотни читать могли только три-четыре человека, которых притиснули к стене и на которых кричали:

— Эй!., вы!., грамотеи!., отходи в сторону!..

— Почитали и будет!..

— Читай вслух!.. Эй, первые!..

Вперед протискался Будок, мигом навел порядок, водворил тишину и начал читать вслух… Передовицу прослушали спокойно, но едва принялись за заметки, как Шкида затряслась от хохота. Вдруг толпа вздрогнула, расступилась, и по проходу пробежал Кира.

— Что за скопление? — закричал он. — Разойдись!.. Не толпись!..

— Сам разойдись, — заворчали ребята. — Видишь, газету читаем…

— Какую газету? — удивился халдей. — А!.. "Бунтарь"… Почему "Бунтарь"?.. — Он наклонился к газете, скользнул глазами по заголовкам, и решив, что это крамола, снял стенновку…

— Куда? Куда?.. — закричал Будок, хватая его за руку. — Ваша газета?..

— Брось снимать — орали шкидцы. — Брось, говорят…

В воздухе запахло бунтом. Кира, держа в руках газету, успокаивал, как мог:

— Мне её почитать… Почитать возьму… Вам всё равно сейчас будет некогда… А потом я верну… Честное слово.

— Честное слово?..

— Честное слово!..

Это случилось без Сашки. Сашка имел все основания не доверять халдейскому честному слову и поэтому сразу после чая пошел в учительскую выручать газету…

Начал он с Киры. Кира сказал, что газета у Эланлюм. Эланлюм затопала ногами, закричала, что она всё знает, что это всё ионинская затея, что они никакой газеты не получат, а вечером приедет Виктор Николаевич и им попадет…

— Кому?

— Редактору … Ионину.

— Так ведь он в городе…

— Да, да в городе… А письма?.. Письма он вам пишет?

— Пишет!..

— Так чем же в таком случае объяснять; вчера привозят вам письмо — сегодня уже выходит газета? И потом я удивляюсь вам, Константин Александрович! — повернулась немка к Костецу. — Я удивляюсь вам, как вы, беря письма от Ионина, не просмотрели их…

— Ну, знаете!? — развел руками Костец. — Подсматривать чужие письма… это… это я не могу…

— И вовсе не чужие, а письма своих воспитанников… И потом в такое время всё допустимо… А ты, что ждешь? — крикнула она на Сашку, стоявшего в дверях. — Я газету отдам Виктору Николаевичу… Можешь идти…

3

Происшедшее вечером было настолько обычно, что не стоило бы и описывать. Тот же строй ребят, тот же Викниксор, помахивающий номером конфискованного "Бунтаря". И только к эпитетам "огрызки" и "отщепенцы" прибавился новый: "щелкоперы", да еще запретили произносить слово "халдей".

Сашка, несмотря на неудачу, начал готовить второй номер "Бунтаря"… На этот раз на него сильно нажимал, редакторско-издательский комитет, в котором заседало полтора десятка новоиспеченных шкидцев-журналистов. Вообще во все дела Сашка привлекал "широкую общественность". Но на этот раз "общественность" оказалась палкой о двух концах: комитет потребовал, чтобы тон газеты был смягчен. Сашка спорил, убеждая, что приспосабливаться стыдно и нечестно, говорил о целях и задачах, но комитет был непоколебим, и редактору пришлось подчиниться…

Второй номер "Бунтаря" вышел семнадцатого августа. Размер и внешность газеты сохранились, но содержанке было мирно-делового, либерального, так сказать, характера. Комитет просмотром газеты остался доволен, хотя многие всё-таки возражали против карикатуры, изображавшей письмо "от

Ионина", от которого во все стороны, с криком "бомба", убегали халдеи. Ничего более крамольного в стенновке не было, и поэтому поручили Касатке отнести ее на просмотр Викниксору.

Касатка вернулся быстро, даже очень быстро, и без газеты.

— Порвал! — крикнул он, ворвавшись на чердак. — Даже и читать не стал… "Вон"! говорит… "Мне, говорит, газеты этих огрызков не надо…"

— Ого-го!..

— Так-таки и порвал?

— Так и порвал… А меня выгнал…

— А ты что?..

— Как что?.. Удрал скорей!.. Сердитый… Комитетчики огорченно вздохнули и разошлись.

На чердаке остались Сашка, Андреев и Химик.

* * *

Через день в школе из рук в руки передавали маленькие листовки, озаглавленные "Бунтарь" № 3. В передовой сообщалось:

> "Товарищи читатели…
>
> "Газета "Бунтарь" после неоднократных конфискаций переходит на нелегальное положение. Впредь газета уже не будет стенной, а по отпечатании будет выдаваться на руки корреспондентам групп, от которых желающие могут получить для чтения… [6]
>
> "… Не давайте газеты воспитателям или, если даёте, то только не иначе, как чем-нибудь заручившись (только не их честным словом!..)
>
> "Соблюдайте строжайшую осторожность и следите чтобы газета не была отнята…
>
> "Желающие писать в газету, передавайте материал групповым корреспондентам".

Глава восемнадцатая

1

Иошка с Кубышкой уже две недели жили в городе, в Шкиде. Им не приходилось здесь таскать кирпичи, до упаду работать на дворе, препираться поминутно с халдеями и, может быть, поэтому вначале было как-то скучно. Да и сама Шкида, оставленная на лето, выглядела не очень весело. Ветер безбоязненно входил в открытые окна, шевелил оборвавшимися плакатами и, грустно вздохнув, пропадал. На лестнице, в зале, в классах грудами лежал мусор, который новый дворник Степан, сменивший ушедшего Мевтахудына, имел обыкновение не выметать вон, а распихивать по темным и неприметным углам.

Два раза в неделю отпиралась канцелярия, куда для дежурств приходила Неонила Афиногеновна, делопроизводительница, и два шкидца с нетерпением поджидали эту старушку, которая всегда с увлечением рассказывала смешные истории из институтской жизни.

Потом о пребывании в городе Иошки и Кубышки узнал преподаватель математики, дядя Миша. Узнал он также, что ребята готовятся к экзаменам, приехал к ним, изругал, что ему не сказали об этом раньше, и принялся с ними заниматься, или "натаскивать", по его собственному выражению.

Дядя Миша, кажется, был единственным халдеем, которого любили и уважали все шкидцы…

Он не был, правда, первоклассным ученым, как Викниксор.

Он был просто человеком добрым и отзывчивым, хотя и не без странностей. Так, он прямо огранически не мог видеть никакой ошибки в вычислениях. Когда ученик путался, дядя Миша хватался за голову, топал ногами, рвал волосы, не раз доходя при этом до серьезного членовредительства.

Так, например, было с Адмиралом. Адмиралу долго объяснялось, что "перед подкоренным количеством, выведенным из-под корня, ставится плюс или минус"; Адмирал слушал, внимательно качал головой, говорил: "понимаю", — и сделал как раз ту ошибку, от которой так настойчиво его предупреждали. Дядя Миша не вынес. Он хлопнул себя по большому лбу и выдрал клок волос. От боли он отрезвел; взглянул на вырванные, зажатые в кулак волосы и торжественно опустил их на адмиральскую парту:

— Чувствуй!..

И Адмирал "чувствовал"; чтобы загладить свою вину, он весь остаток урока считал вырванные волосинки и наконец сказал:

— Пятьдесят четыре!

— Чего пятьдесят четыре? — удивился дядя Миша, уже позабывший про Адмирала.

— Вы вырвали у себя пятьдесят четыре волоса, — бодро отрапортовал Адмирал.

Класс злорадно захихикал, расхохотался и дядя Миша:

— Считать ты умеешь, я за это тебе в субботу плюс прибавлю!..

Таков был дядя Миша…

В этот день было очень жарко и душно с самого утра. Кубышка стоял у доски и, обливаясь потом, царапал по ней какую-то буквенную околесицу, а дядя Миша петухом прыгал возле него, брызгал слюной и тряс кулаками:

— Ну… ну… дальше что?.. Что дальше?.. что-то?.. Что такое?.. Это зачем?.. Зач-чем это, я спрашиваю?.. И Кубышка, как и все шкидцы, давно привыкший к африканскому темпераменту своего учителя, не обращал на него внимания и, продолжая писать, стер неудавшееся выражение. Дядя Миша вскипел окончательно: борода и волосы его взлохматились, и в изъеденной туберкулезом груди заклокотало.

— Посставь!.. Посставь ее на место!.. О-о-о!.. Что он делает, что он делает?… Чь-то? — взвизгнул он. — Оп-пять?.. Оп-пять!.. Зарезал!.. Без ножа зарезал!.. Что, что, что? С-садись, с-садись на место!.. Кол!.. Кол с минусом!.. Нуль!.. Нуль в степени плюс-минус бесконечность!.. Ионин… Иди, покажи, ему, как надо решать…

Кубышка сконфуженно смотрел на доску и пожимал плечами, Иошка бодро пошел посрамлять товарища.

К счастью, в дверях звякнул звонок, и ребята помчались открывать. Пошел и дядя Миша…

На площадке стоял Сашка, наблюдая удивленное иошкино лицо. Рядом лежал огромный, завязанный в одеяло узел и связка книг.

— Здравствуйте, — сказал Сашка. — Не узнали?.. Принимайте на поселение…

— На поселение? — крикнул Иошка. — Что ты говоришь?..

— К вам, к вам на поселение, — говорил Сашка. — С дачи меня вышибли. Форменно… Сюда послали жить…

— Ну-у?.. Это, я тебе скажу, расчудесно!.. Это хорошо, честное слово, хорошо!.. Иошка втащил в двери узел. — Значит, выгнали?.. Хорошо! А за что?..

— Шут их знает… Дядя Миша! Здравствуйте!..

— Здравствуй! здравствуй… Поправился ты, поздоровел… Как поживаешь?…

— Плохо, дядя Миша…

— Подожди, — вмешался Иошка. — Ты расскажи, за что тебя вышибли?

— Засыпался с "Бунтарем"… Приходим мы с купанья, а мне Павлуха, кухонный дежурный, и говорит, что Викниксор шманал у старших по кроватям, под матрацами чего-то искал… Прибегаю в спальню…

Под матрац — всё переворочено: видно смотрели "Бунтарь" и читали… Днем зовут к Викниксору… Думаю, гибель… Нет… Очень вежливо говорит: "Тебе, мол, надо готовиться, — поезжай в город, в Шкиду, и живи там"… Продуктов дал, денег на билет… Всё очень хорошо, добренький такой… "Тебе, говорит, там лучше будет…"

— Ну, а ты?..

— Что ж я? — поблагодарил, поклонился и уехал. Еду, понимаете, и чуть не крещусь? Мать моя родная, думаю, неужели ушел, неужели не снится мне?.. Дамочка напротив сидела, фартовая такая, с чемоданчиком, — хотел ее просить ущипнуть за ухо… Ей-богу…

— А на даче как?..

— Каторга… И шкидцев не узнать… Картошка поспела — так они все огороды громят… Или вот случай… Пишем мы "Бунтарь", пишем, скажем, боевые статьи против воровства… Пишет паренек один, — Касатка, ты его не знаешь… Писал, а потом говорит: "Пойду". — "Куда?" — "На огород, за картошкой… А то поздно будет"… Факт, честное слово… Что до халдеев — так они на ребят рукой махнули… Ни черта, никакого внимания; только по лаврам да по реформаториям рассылают да двор заставляют мостить.

— А мостят?

— Еще как… Я слышал, что Викниксор хочет потом за улицу приниматься.

— Ну да? — удивился дядя Миша.

— Ей-богу!.. А что ему? Не самому ведь камни ворочать. Взял и заставил ребят… А не хочешь — огребаешь пятый разряд или еще чего-нибудь такого… Факт. Идут ребятишки и работают… Конечно, стараются, чтоб на огород успеть попасть…

— А ведь год назад; — задумчиво прервал его Иошка, — мы в это время создавали Юнком, боролись против воровства, занимались школьным строительством.

Сашка махнул рукой..

— Не стоит и вспоминать… Покажи-ка мне лучше, где вы

расположились, вещи стащить надо…

2

Неделя изгнания из Шкиды и житья на "кирпичиках" сделала Химика ещё более предприимчивым. Вначале он, правда, ограничивался лишь охотой на кур и прочую дичь да набегами на огороды, но потом решил заняться другой, менее полезной, но зато прибыльной деятельностью.

В то время в Павловске пустующие дачи стояли кварталами. Иные совсем развалились, иные сохраняли кой-какие остатки арматуры, замков, вьюшек и прочего. Вот эти-то остаточки Химик и пустил в оборот. Вокруг своего дела он организовал солидное товарищество на паях в составе его самого, Лепешина и Мышки. Труд между собой они поделили так: Лепешин и Мышка делают "дело", Химик ездит и загоняет товар маклакам.

Компания работала тихо, незаметно, без рекламы и объявлений, но скрыть своих следов им не удалось, и о предприятии узнала вся. Шкида.

Начался промышленный расцвет. Началась золотая лихорадка.

В шкидской даче воцарились мир и тишина. Не слышалось крамольных речей, бунтари сделались послушными и тихими. Жалобы и угрозы окрестных огородников прекратились. Двор замащивался и перемащивался с быстротой прямо умилительной. Летопись покрывалась пылью. Изолятор пустовал.

— Школа поправляется! — довольно потирая руки, говорил Викниксор халдеям. — Школа становится на верный путь…

Когда же производительность шкидцев повысилась и в город стали отправлять награбленный на дачах товар чуть не грузовиками, тишина и мир в Шкиде сделались прямо, благоговейными…

"Выправились! — решил Викниксор. — Устрою учет…"

Учеты бывали в Шкиде раньше, в доисторические времена идеализма, и новые шкидцы, составлявшие три четверти всех воспитанников, никакою понятия об этом, обычае не имели. Но не желая портить так нужных в их "предприятии" хороших с халдеями отношений, не возражая начали выволакивать в сад и раставлять перед верандой скамейки.

В качестве гостей пригласили красноармейцев соседней части и посадили их в первые ряды. Викниксор с веранды, заменявшей и трибуну и сцену, открыл учет коротенькой, но сильной и прочувствованной речью…

— Школа погибала, — говорил он. — Школа разваливалась и превращалась в притон. Да, в притон хулиганов, бузовиков и воришек. Школа, умирала и падала всё ниже и ниже… Но теперь, благодаря правильным и своевременно принятым мерам, благодаря удалению верхушки старших воспитанников, группы коноводов, атаманов, отщепенцев и огрызков, теперь — тут голос его прервался вроде как бы рыданиями — школа начала оздоровляться, пошла вперед… Пошла дальше по пути, пошла кверху.

Будем же надеяться, — закончил Викниксор: — что школа будет расти, беспощадно отметая мусор, мешающий ее развитию…

Раздались аплодисменты. Шкидцы всхлипнули.

Викниксора сменил любивший славу Волынянин — Василька, который вышел и начал читать:

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеком.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком…

Читал долго, с чувством — завывал, махал руками и хватался за грудь. После Васильки на сцену поставили червеобразного, упирающегося Червонца, основного докладчика по достижениям.

Червонец тоже говорил долго, но когда описывал мощение двора, маленький, сидевший на последней перед шкидцами скамейке красноармеец вдруг завертелся, побледнел и завопил:

— Ча-часы сперли!..

Началось замешательство и суматоха. Червонец, которого перестали замечать, соскочил с веранды и перемахнул через забор.

Костец, налезая на шкидцев животом, тихо, чтобы не услышали гости, усовещевал:

— Отдайте часы, сукины дети, по-хорошему…

— У нас их нет… Что вы, дядя Костя, станем мы таким барахлом мараться?..

— Знаю, что не станете, а все-таки кто-то спер!..

Заволновались и шкидцы. Часы были мусором, и подымать из-за них шухер казалось невыгодным. Спереть мог только кто-нибудь из новичков, не узнавших еще хозяйственной политики ребят, за них шкидцы и взялись.

— Дядя Костя! — сказал наконец Химик: — часиков у нас нет… Они у вас… в толстовке…

И Костец, действительно, нащупал в кармане положенные

туда часики. Он вынул их, осмотрел и спросил:

— А цепочка?…

— На ремешке были. Ремешок они бросили… Куда его?

Костец оглядел еще раз ребят и подошел к солдатику.

— Вот они, ваши часики. Под скамейкой лежали. Неловкое молчание прервал Викниксор. Он поправил пенсне и захлопал в ладоши:

— Учет закончился, — судорожно проговорил он. — Не желает ли кто-нибудь из товарищей красноармейцев что-нибудь сказать?

Товарищи красноармейцы замялись, потом выпихнули одного, коротенького, в широченных, обшитых кожей галифе. Красноармеец поблагодарил за приглашение на учет и за доставленное удовольствие, отметил, что по всем признакам школа растет и развивается, и пожелал ей дальнейшего роста.

Уходили красноармейцы торопливо и даже завязли в калитке: впереди всех протискивался маленький, с испуганным лицом и с часиками в ладошке.

3

Экзамены в педагогический техникум, куда поступали Иошка и Сашка, кончились. Они продолжались ровно четыре дня — четыре нервных, возбужденных дня, полных страхов, суеты, неожиданностей, бега. Сашка выдержал, Иошка провалился, но не унывал: у него была командировка, — а она много значила при приеме, — и потому шкидец уверенно говорил: "Примут, наплевать, что провалился". У Сашки командировки не было, и поэтому, несмотря на свои успехи, он так уверенно не рассуждал. Последним по счету экзаменом шло обществоведение; оба шкидца выдержали его на "очень хорошо" и поэтому, обрадованные, уже не пешком, а в трамвае поехали в Шкиду.

У ворот на лавочке сидел дворник Степан и, подняв к небу свои фельдфебельские усы, серьезно дремал.

— Степан! — крикнул Иошка. — Поздравь нас — экзамены кончились… сдали…

Степан открыл глаза, пошевелил усами и ответил:

— Виктор Николаевич приехали.

— Ну?.. Зачем?…

— Не знаю… Сидит в канцелярии… Скучный… Бумажки глядит.

В другое время ребятам, может быть, посещение заведующего было бы неприятно, — каждый из них помнил еще славные

дачные дни, но теперь обрадовались приезду Викниксора. Впрочем, наружно, чтобы, не показать этого, они нахмурились, покачали головами, а Сашка даже пробормотал:

— Не было печали — черти накачали…

Викниксор сидел в учительской у стола, где хранились характеристики учеников, — сидел не раздеваясь, в пальто, не опустив даже поднятого воротника.

Он перебирал старые характеристики, просматривал их и клал обратно. И шкидцы как-то удивились, словно в первый раз как следует разглядели его. Их поразила усталая желтизна на щеках и висках, тронутые сединами волосы. Морщины, которых не замечали раньше, виднелись рассеянные по всему лицу: на лбу, щеках, возле глаз, у опустившихся углов рта. И даже пальто как-то обвисло вперед, выдавая сгорбившуюся, сутулую спину и морщинистый затылок.

Ребята, с внезапно вспыхнувшей жалостью, жалостью, их самих удивившей, посмотрели на Викниксора.

— Здравствуйте, Виктор Николаевич. — Мы экзамены сдали.

— Поздравляю… — просто ответил Викниксор и встал. — Я очень рад за вас… Очень рад… Хотя, думаю, вам трудно пришлось, а?

— Ну, чего там… Пустяки! — небрежно махнул рукой Иошка, чувствуя, что от этих "пустяков" у него дрожат ноги и плавает в глазах разноцветный туман.

— Так… так… Сдали, значит? Ну, а когда окончательно будет известно о приеме?

— Не знаем… Скоро наверное.

— Да уж не на будущий год, полагаю…

Ребята засмеялись. И Викниксор почувствовал как то тяжелое, нехорошее, спасаясь от чего он уехал из Павловска с дачи, всё это вдруг рассеялось вместе со смехом. И сам он словно впервой увидел своих воспитанников, которых даже не представлял людьми, а так — существами, против кого применялась вся сложная система дефектологии: все те приемы, которые измышляются сотнями авторов, публикуются, возводятся в теорию, в принцип, в идею и… забываются, чтобы через день дать место новой куче подобных сочинений.

Теперь он забыл об этом и дружески, по-товарищески, заговорил со своими воспитанниками. И беседа, тон её, ощущение искренности, — всё это больше привлекло к нему ребят, чем годы долгих научных наблюдений…

— Итак, вы сдали экзамены, — возвратился он к прежней теме: — я могу поздравить вас как первый выпуск… Вы ведь первые, которые самостоятельно уходят из школы… вы держали

на третий курс?

— Да.

— Значит, через два года учительствовать будете. Нам, старикам, смена! — И Викниксор невесело улыбнулся, но через секунду встряхнулся, распрямил плечи и расстегнул пальто. Ему захотелось сделать что-нибудь полезное для ребят, чем-нибудь помочь им, он даже чувствовал себя как-то обязанным сделать это. Он соображал, что можно было бы съездить в педтехникум, похлопотать за ребят, поговорить, чтобы облегчить им вступление.

— Я так и сделаю! — пробормотал он, беря шляпу. — Я поеду в педтехникум… Кто там заведующий?

— Ходовецкий.

— Ходовецкий? — вздрогнул Викниксор, — Константин Сигизмундович?

— Да… Константин Сигизмундович.

Викниксор криво улыбнулся и положил шляпу обратно на стол.

— Ну вот, теперь не поеду, — проговорил он. — Вы только не удивляйтесь, ребята… Есть люди, с которыми не хочешь встречаться.

Ребята деликатно промолчали.

— Было это давно, ребята, когда я еще помоложе был. Время было славное — семнадцатый год… И люди тогда другие были… Огнем горели… Энтузиасты… На митингах встречался я с этим самым Ходовецким… Ну, и ругались мы с ним здорово… Друг друга ненавидели… время такое было. Горячее время… Потом, уже последний раз встретились мы в восемнадцатом… Разоружали нас. Встретились… и больше не сходились… И сойтись теперь трудно…

Викниксор сел, запахнул пальто и поднял воротник.

Так он был похож на странную, нахохлившуюся птицу… Шкидцы потоптались около него и тихонько вышли.

4

После обеда ребят неожиданно потянуло спать. Они боролись с дремотой, ковыряли в зубах, соображали, что делать, но все-таки уснули.

Проснулись вечером. Уже стемнело. Слышно было, как под окнами проходят люди, стучат ногами, громко разговаривают, смеются… Где-то наигрывает гармоника, позванивает гитара, поют.

Ты, кукушка, не кукуй.
Чум-ча-ра,
Чу-ра-ра!
Кого хочешь поцелуй.
Ку-ку,
Ха-ха…

Будит ребят звонок… Кто-то изо всей силы дергает за него у двери, и звонок без памяти колотится и звенит… Кубышка лениво встает и, щелкая ревматическими коленными чашками, идет открывать. Через минуту раздается грохот, Кубышка влетает в музей — волосы его стоят дыбом, коленные чашечки гремят как кастаньеты.

— Спасайся! — кричит он: — там… с ножом… люди…

В столовой уже слышались шаги, кто-то шел, спотыкаясь и поминая чёрта…

— Куда вы тут забрались, дьяволы?..

— Ф-фу, чорт! — обрадовался Иошка и вскочил с кровати. — Здорово!.. Как тебя принесло?..

Это был Фока. Веселый, в сером летнем костюме, в серых перчатках, с папироской в зубах, со шляпой на затылке и с тросточкой.

— Я к вам еще днем приходил, — объяснял он здороваясь: — и Степан сказал, что вы экзамены выдержали. Но с Викниксором мне встречаться не хотелось. Решил вечерком зайти. Зашел, показал для шутки Кубышке финку, а он, дурак, и ключ бросил и побежал…

— Сам дурак! — огрызнулся сконфуженный Кубышка. — От тебя побежишь… Финку показал! Ты бы еще с пушкой пришел!

Кубышка сердился не на шутку. Лицо его со вздернутым носиком покраснело, а усики, тоненькие, похожие на крысиные хвосты, тщательно хранимые и холимые, усики, растущие так многозначительно, что даже Костец, не выдержав, как-то заметил: "И что это у тебя на губе за похабщина растет" — усики розно поднялись и топорщились…

— Не сердись, Кубышка, — миролюбиво ответил Фока: плюнь, лучше выпьем… "Выпьем мы за Сашу!.. Сашу дорогого!" — вдруг запел он и закружил по музею Сашку.

— Да ты пьян, Фока! — весело закричал Сашка: — Ей богу, пьян!.. Эва, разит, как из паровоза!..

— Ну и что из того, что пьян?.. Подумаешь! Вот пойдем выпьем — никому обидно не будет. Как, по-твоему, Иошка?…

— Пойдем, — согласился Иошка. — Если угощаешь, я не

прочь.

— Факт, угощаю… А ты Сашка, идешь?

— Нет, я не иду…

— Нет, пойдешь.

— Нет, не пойду…

— А я говорю — пойдешь, — крикнул Фока и, бросив Сашку на кровать, принялся загибать ему салазки.

— Нет… Ой-ой-ой!..

— Пойдешь?..

— Пусти…

— Спрашиваю — пойдешь?..

— О-ой-ой!

— Пойдешь?..

— Пойду!..

Фока освободил Сашку и самодовольно надел свою шляпу:

— Я говорил, что ты пойдешь… И незачем было спорить… Никогда со мной не спорь… Не докажешь…

* * *

Ночью дворник был разбужен шумом под воротами. На тумбе сидел Сашка и плакал горькими слезами, утираясь своей кепкой. Рядом на коленях стоял Иошка, крестился и, кланяясь во все стороны, кричал: "Вяжите меня, православные, — я человека убил". И ругал матерно Достоевского. А Кубышка, раскачиваясь, дергал за оборвавшийся кусок проводки, думая, что звонит в дворницкую.

5

На дачу, повидать Лепешина, приехала его мать, сгорбленная годами и жизнью женщина. Лепешин обрадовался, оставил свой велосипед и целый день водил ее по Павловску, по парку, а вечером, отпросившись у халдеев, пошел проводить её на поезд.

И здесь, на вокзале, случилось то, что потом перевернуло, исковеркало и сломало судьбу шкидца. Шкидец плюнул…

К нему подошел скучавший на платформе агент и скучным голосом потребовал трехрублевый штраф. В другое время Лепешин обложил бы требовавшего целковых на тридцать матом, швырнул бы кирпичом или булыжником и потом удрал, но рядом стояла мать, — ругательства застряли у него в горле. Он стал извиняться, потому что ни у него, ни у матери денег не было… Но

агент, полный служебного рвения, требовал и уже порывался взять шкидца за шиворот, чтобы тащить в дежурку. К несчастью, в это время подошел ленинградский поезд, и Лепешин, увидев Викниксора, бросился к нему за помощью. Викниксор был задумчив и грустен, отдавая трехрублевку агенту, но по дороге в Шкиду мечтательность исчезла, сменилась холодным педагогическим расчетом, и он объявил Лепешину, что возьмет у него в залог велосипед…

Если бы Викниксор предоставил Лепешину выбор: подвергнуться самой тонкой и мучительной пытке или отдать велосипед, — Лепешин, без сомнения, выбрал бы первое.

Весь вечер Лепешин ходил расстроенный и хмурый, ночью его мучила бессонница, в голову лезла всякая чертовщина, он думал, как выручить ему свою машину, думал долго и наконец нашел выход. Что днем показалось бы диким и нелепым, ночью представлялось простым и обычным.

Лепешин тихонько оделся и пошел выручать — пошел к викниксоровской квартире. Первую дверь он выломал легко и спокойно, но в сенях, в темноте, зацепил ногой какую-то кадушку, с кадушки посыпались тарелки, черепки, и Лепешина схватили. Вина — взломанная дверь — была налицо.

Со свечой в руке, в нижнем белье и в халате, свершил Викниксор короткий суд, который и решил участь шкидца: завтра его отправят в лавру.

Но отправлять Лепешина в лавру не пришлось. Ночью он решился, сломал дверь в изоляторе, ограбил кладовку и исчез.

Утром в Шкиде царило возмущение. И возмущались, конечно, ребята не взломом своего продуктового магазина, который обычно грабили все и главным образом убегающие, возмущались запиской, оставленной грабителем: "Здесь был я, знаменитый бандит Дубровский-Лепешин".

— Вот Бобер! — удивлялись и возмущались шкидцы. — Прямо лох какой-то… Себя закапывает.

И только один Химик знал истинную историю этой записки. Он вспомнил, что рассказывал ему Лепешин, когда они жарили в лесу курятину.

Утром Лепешин разбудил Химика комками земли, которые швырял через окно тому на кровать.

— Выходи! — сказал он: — мне с тобой поговорить надо… Одевайся и хряй на кирпичики!..

Химик схватился за одежду. Он думал, что Лепешин расскажет ему что-нибудь очень важное и поэтому, когда шел к кирпичной ломке, волновался…

— Ну что? — спросил он, едва завидев голову Лепешина: —

Зачем ты меня позвал?

— Да так, — ответил тот: — шамовка у меня фартовая… Садись, шамай…

Тут же на камне расположилась буханка ситного, колбаса, масло, две банки консервов, шоколад и коньяк… Сам Лепешин был в новеньком синем костюме и, подостлав английское пальто, курил сигару…

Изголодавшийся шкидец упрашивать себя не заставил и принялся за шамовку. Компании по ней с ним Лепешин не разделил, — разделил по коньяку… Когда бутылка опустела, он многозначительно потрогал висящий под пиджаком финский нож и сказал:

— Пойдем…

Пошли. Перед глазами у Химика плавала дорога. Он блаженно улыбался, щурился и натыкался на встречные деревья… Спустились с горки, и Лепешин, как бы в раздумьи, остановился около большого дома.

— Погоди здесь! — сказал он наконец и забрался по столбам вверх, к открытым окнам. Химик стоял внизу, качался, рычал, пробовал лезть за Лепешиным, но оборвался, съехал обратно, так и оставшись сидеть с растопыренными ногами, с блаженной улыбкой. Под руки ему попалась игрушечная оловянная посуда, забытая игравшими здесь днем детьми, и он запихал ее в карманы. Потом методически начал выбрасывать посуду обратно.

Наверху завизжали. На землю в ту же минуту упали два шерстяных одеяла и Лепешин.

— Хряем! — крикнул он, вскакивая и подхватывая одеяла.

Приятели помчались… Сзади бежали, кричали, топали — Химику было очень весело, но оборачиваться и наблюдать времени не хватало. Так мчались до самой крепости. На валу за низенькой, смешной пушкой Химик свалился. Небо делалось оранжевым.

Деревья и дома плясали что-то очень веселое и потешное. Лепешин махал одеялами как флагами.

— Умора! — кричал он. — Там, оказывается, девчонки спали… Сначала испугался, но вижу, одеялы фартовые — два схватил… Визг, конечно, шухер, я зафитилил.

— А как же записка? — говорит Химик.

— Я им велел устно передать, — отвечает Лепешин.

Химик закрывает и приоткрывает глаза, рассматривает крепость. Она ему знакома, здесь часто лежал он и тогда приходили к нему в голову шальные мысли: продать побольше арматуры, купить пороху, придти ночью, набить пушку, завалить дуло кирпичами и грохнуть.

Лепешин глядит вперед на горбатый, перекинутый через ров мост, на амбразуры, бойницы, стены. Увидев на стене что-то блестящее и длинное, Лепешин встает и идет, идет по мосту к замку.

Блестит огромный, похожий на лопату градусник.

Лепешин аккуратно, чтобы не раздавить, отламывает его от стены, потом, помахивая им, как тросточкой, входит в низкие и мрачные замковые ворота. Тяжелые плитняковые — столбы, широкие каменные ступени обступают со всех сторон. Длинные протянутые цепи спускаются над головой и виснут как крыша. Пушки придвинуты к бойницам, и на лафетах черными грудами лежат ядра… Двор замка зарос травой… Посреди двора весело попыхивает дымком самовар, рядом лежит старое солдатское голенище.

Химик видит, как на замковом мосту показывается с самоваром в руках Лепешин. Самовар вдруг начинает кипеть, бьет в лицо паром, шкидец отворачивается, но в это время с поленом в руке вылетает из ворот визжащая старуха… На мосту закипает бой… Самовар летит в ров, старуха замахивается поленом, Лепешин градусником… Треск… Из замка выскакивает подкрепление — древний инвалид с пищалью.

Лепешин бежит. Химик, подхватив одеяла, устремляется за ним следом. Сзади стреляет пищаль.

* * *

Выспавшись в парке, ребята выкупались, спрятали одеяла и пошли на вокзал… По дороге Лепешину понравилась одна дача, в которой как будто бы никого не было, — он велел приятелю подождать, — отставил с окна гераньки и юркнул внутрь.

Оставшись один, Химик услышал голоса, оглянулся и побледнел. По улице шла орава ребят из вражеского, нормального детдома.

Вражда нормальных с дефективными извечная, а эти нормальные помнили, что в начале лета четвертый дефективный дом просил у Шкиды против них помощи: Шкида выступила, — нормальные боя не приняли, но злобу на шкидцев затаили.

Химик хотел уже бежать, но его заметили, орава ринулась вперед, и шкидец, торкнувшись от оплеух, полетел на землю, вскочил, завыл и кинулся к Шкиде, получив вдогонку еще несколько увесистых ударов.

На повороте из смежной улицы выскочил с разбитым носом Удалов, Кузя и Рыжик, избитые еще раньше Химика. Они

обогнали Химика и с криком "наших бьют" — ворвались на дачу.

6

Фока, поссорившись из-за чего-то с отцом, окончательно перебрался в Шкиду. Но деньги у него кончились скоро. Кончились они и у ребят. Последний раз опохмелялись днем, когда загнали маклакам все свои учебники и книги. Пить было больше не на что. Лука мрачно ходил по музею и плевался. Иошка с Сашкой играли в шахматы; в головах у них крутило, и они поминутно зевали фигуру за фигурой…

— Паскудство! — бормотал Фока. — И это называется жизнь… Не на что даже выпить приличному человеку…

— Куда ты свою королеву под копя суешь? — крикнул на Иошку Сашка.

Иошка отдернул руку и свалил туру — нагнулся за турой, толкнул нечаянно доску, и на голову ему полетели остальные фигуры…

— Сядь! — разозлился Сашка. — Сядь, пьяница несчастный… Сиди… я расставлю сам.

Сашка начал осторожно расставлять фигуры, припоминая их недавнее расположение…

— Плюнь! — мрачно приказал Фока и опрокинул доску: — Плюнь на эту ерунду…

Он подсел к столику, наклонился к самым лицам ребят и для чего-то зашептал, хотя во всем здании никого, кроме дворника, не было:

— Я тут думал, откуда денег достать… И вот соображаю, что можно из физики чего-нибудь загнать. Мотор, динамо, градусники… На рынок, если поторопимся, еще успеть можно…

— Что ты, — всполошился Сашка и даже замахал руками. — Что ты? С ума сошел?.. Воровать?…

Фока поднял голову — глаза его сузились и нехорошо заблестели…

— Засохни! — треснул он по столу кулаком. — Мотор загнать можно, динамо загнать можно, градусники загнать можно. Факт; в две минуты… И выпьем…

— Ну и что же тут особенного? — заплетаясь языком и покачивая головой, обратился к Сашке Иошка.

— Что ж тут особенного? Подумаешь… Продадим и выпьем… Верно я говорю, Кубышка?..

Кубышка удовлетворенно кивнул и облизнулся…

— А не хочешь, не надо! — добавил Фока, глядя на Сашку. —

И без тебя обойдемся… Отшивайся…

У Сашки тоскливо засосало под ложечкой, — захотелось вдруг выпить, и кутнуть, но упрямство взяло верх…

— Не пойду, — твердо сказал он: — и вам не советую…

— И катись к чёртовой матери! — крикнул Фока. — Пойдем, ребята.

Сашка остался один. Наверху хлопнула дверь. Все в Шкиде стихло… "Работают" — подумал Сашка и лег на кровать.

Хотел заснуть, спать не хотелось. Сел. По лестнице проволокли что-то тяжелое. Тихо, без разговоров вбежал в музей Кубышка, схватил кепку и опять убежал. Хлопнула входная дверь.

Сашка подошел к окну. По двору с мешком за плечами шел Фока, Иошка с Кубышкой что-то несли за ним в корзинке… У Сашки опять засосало под ложечкой, еще больше захотелось выпить, захотелось быть вместе с ребятами…

"Дураки, — злобно подумал он: — засыплются с вещами… Волокут, а не сообразили, что дворник может подглядеть.

На рынке, по случаю позднего времени и нетрезвого состояния, ребятам за вещи отсыпали не много, — семь рублей. В Шкиду они вернулись веселые, Иошка пел и притоптывал, Кубышка икал.

Сашка лежал на кровати и остервенело читал "Собор парижской богоматери".

Фока опять шагал по музею, бормотал и вертел у носа пальцами, словно что-то доказывая… Вдруг он остановился. Остановился у двери, ведущей в библиотеку.

— Что это?

— Это! — удивился Иошка и икнул. — Это, видишь ли библиотека…

— Знаю, что библиотека, но ведь там книги…

— Да уж раз библиотека, значит и книги…

— Ну, а книги эти можно загнать! — заключил Фока и потрогал дверь… Иошка открыл рот, подумал и, не найдя остроумного ответа, визгливо захохотал…

— Тонко… Тонко, чёрт тебя подери, придумал!

Фока перешел к делу и своей финкой принялся вскрывать замки…

Дверь была тяжелая, толстая, окованная по краям железом, с широкими лапчатыми петлями и двумя замками — внутренним и наружным. Наружный Фока сковырнул быстро, — внутренний не поддавался. Не поддался он усилиям и Кубышки и Иошки. Ребята сопели, ругались, ковыряли в замочные, пока не сломали финки…

— А, ч-чёрт! — выругался Фока, отступив. — Навертели здесь

замков… Делать им, дуракам, было нечего…

— Для дураков и замки! — крикнул вдруг Сашка и, вскочив с кровати, подбежал к двери. — Кто же в замках ножиком колупает? Ты у себя в носу поколупай! Тоже, механик! Смотри!

Сашка всунул в замочину гвоздь и отжал его в сторону. Сразу же внутри замка щелкнула пружина, и дверь отворилась.

— Пожалуйста!..

— Здорово! — только и мог сказать Фока. — Вот это я понимаю. Раз гвоздем — и замка недочет. Это уметь надо.

Кубышка притащил мешки и принялся накладывать в них книги, которые ему подавали остальные ребята.

— Энциклопедии ищите, — распоряжался Фока, — словари…. Нашел? Давай сюда… Нынче словари в цене… Пушкина не надо… Барахло… Физику — даешь…

С шелестом и треском раскрывали ребята книжные шкафы, открывали ловко, сметая предварительно пыль, чтобы не оставить следов. На место вынутых книг ставили другие, "малоценные".

— Больше книжки в угол клади, мы их после возьмем, на бумагу продадим. Химия?.. Химию бери, алгебру бери? На, Кубышка, укладывай. Да бери, говорят… Что ты, оглох? Кубышка!..

Кубышка не отвечал. Он смотрел на дверь и только шевелил усиками.

На пороге, съежившись, стоял дворник. В руках он держал ключи, которые судорожно подпрыгивали и звенели в темноте.

— Тэк-с… тэк-с! — шептал дворник. — Тэк-с…

— Степан! — испуганно крикнул Фока. — Ты в самом деле чего-нибудь не подумай…

Вместо ответа, дворник поспешно повернулся и заторопился к лестнице.

— Степан! — крикнул Фока: — Степан, постой!.. Постой, тебе говорят!.. — Он выбежал из музея, выскочили и остальные, но дворник уже гремел сапогами вниз, по лестнице, к себе в дворницкую…

— Степан, — застучал к нему Фока: — открой, Степан, дай сказать!

— Уйди, каторжник, — захрипел из-за двери дворник: — уйди, говорю… Знаю вас, убивцев… Уйди, а то кричать стану…

— Да ты послушай…

— И слушать не стану… Вот приедут все завтра с дачи — всё скажу Виктор Николаевичу… Уйди!.. Уйди, говорю!.. Не стучи… Кар-р-р-раул!

Когда Химик прибежал на дачу, Шкида уже кипела. Мелькали в воздухе дубинки, железные палки, привязывались к веревкам чугунные гири, рвались на куски провода и скручивались на манер арапников. Рябинин, глядя на избитых ребят, выламывал из мостовой кирпичи и даже подвывал от злости, словно это ему, а не Удалову, расквасили нос. Рыжик, пылая мщеньем, обвешивался вместо гранат бутылками, Кузя крутил мокрым канатом, Мамоня собирал камни, Мышка булыжники. Защелкали заряжаемые самоделки.

— Ребята, — закричал Мамонтов: — ребята, самоделок не брать… Не мокрое… А первому кто побежит — набить потом морду!

Шкида ответила рёвом. Ворота распахнулись, и армия дефективных понеслась бить нормальных. Сзади грохотала тяжелая артиллерия — тачки, полные кирпичами, и бежал, гремя бутылками, Рыжик.

"Нормальные" стояли строем перед своей дачей. Всех их было раза в три больше, чем шкидцев. Впереди находились самые высокие, самые длинные, в зимних шапках. Они стояли закутанные, как в броню, в пальто и ватные одеяла…

Увидев приближение врага, нормальные тронулись с места и, подбадривая себя криками, понеслись вперед. Впереди мчались ватные рыцари, орали, размахивали над головой дубинами, и, казалось, ничто не сможет остановить их бега.

— Ну ребята — крикнул Калина! — Помни уговор.

В воздухе свистнули кирпичи, камни. Пара рыцарей повалились, замелькали в воздухе палки, гири, дубины, ребята сошлись стена к стене — и шкидцев начали теснить.

Вдруг раздался крик. С горы, работая изо всех сил педалями, размахивая наганом, на только что украденном дамском велосипеде мчался Лепешин.

— Держись! — кричал он.

Но "держаться" уже было не надо. Знаменитый однофамилец генерала Мамонтова "с горстью храбрецов", обойдя поле битвы (а дралось с двух сторон человек полтораста), ударил на противника с тылу. Тыл составляли мальши — малыши побежали, началась всеобщая паника и бегство…

Шкидцы продвинулись до самой вражеской дачи и повели осаду…

Тем временем подъехала отставшая "артиллерия". Загудели кирпичные снаряды. В даче одно за другим вылетали стекла и целые оконные рамы. Выскочил, было, из ворот и заметался, выдергивая револьвер, воспитатель, но Червонец мрачно треснул его дубиной, и тот, свалившись, пополз обратно… Вслед за

воспитателем выскочил светловолосый мальчик, в руках он держал самоделку, а рядом бежали два адъютанта

…

— Нечестно! — только и успел крикнуть Калина. Раздался грохот. Вражескую самоделку разорвало, мальчик схватился за подбородок, адъютанты завертелись и вскрикнули. Вперед выскочил Рыжик и закрутил над головой "гранатой". "Нормальный" понял опасность и побежал к воротам. Добежать ему не удалось. Бутылка глухо ударила его по затылку и разлетелась вдребезги… Мальчик удивленно поднял руки и стал приседать, как на уроке гимнастики, все ниже и ниже; пущенная Кузей кирпичина пришлась ему по боку, он странно охнул и упал…

Шкидцы разбежались.

Спустя полчаса калитка шкидской дачи очень осторожно отворилась, и в нее просунулась сперва фуражка, а потом и вся голова начальника павловской милиции. Видя, что опасности никакой нет, он спрятал револьвер и вошел во двор. Сверху уже спускался обеспокоенный Викниксор… Вестник несчастия подошел к заведующему. По мере его речи лицо Викниксора хмурилось, мрачнело, и наконец он крикнул бывшему здесь дежурному халдею:

— Построить ребят!

Ребят построили. Начальник милиции, заложив за спину руки, прошел вдоль шеренги и скомандовал:

— Все, кто участвовал в драке, три шага вперед. Шкидцы прыснули, усмехнулся и Викниксор. Начальник озлился и, тыкая пальцем, закричал:

— Запираться?… Ты…. ты… ты… Он отсчитал шестерых, наиболее ему понравившихся ребят и велел "следовать" за ним.

— Подождите! — остановил его Викниксор. — Здесь я заведующий и ребят вам не выдам. Он повернулся к шкидцам и спросил:

— Что у вас случилось?

Химик, поддержанный Удаловым и Кузей, рассказал.

— Ну вот видите! — снова обратился к начальнику Викниксор. — Я так и думал. Ребят задели, а они ведь дефективные, с них много не возьмешь.

Начался спор. Начальник требовал ребят, грозил протоколом, арестом, кричал "о порядочках". Викниксор спокойно и сдерживаясь отвечал ему, но ребят выдать отказался. В конце

концов милиционер махнул рукой и потребовал сдачи оружия.

— Ну, ребята! — грозно сказал Викниксор, подойдя к строю и подмигивая: — чтобы через пять минут оружие было сдано.

И через пять минут на дворе возвышалась преогромная куча, куда шкидцы, изображая глубокую скорбь, сваливали прутики, щепочки, ремешки и бечевки…

Когда калитка за начальником милиции закрылась, Викниксор повернулся к ребятам. По лицу его забегали молнии, губы были закушены и руки крепко сжаты.

Началась расправа.

— Смирно!

Рыжик побледнел. Побледнели Мамонтов и Калина. Викниксор подошел еще ближе, шевельнул губами, хотел говорить, но вдруг отвернулся и махнул рукой.

— Завтра с утра собрать матрацы… Едем в город…

Глава девятнадцатая

1

Утром приехали в город первые вестники переезда. Приехала Эланлюм со свитой уборщиц и кухарок.

Ребят в Шкиде не было. Фока исчез еще вчера, когда Степан засыпал всех в библиотеке, Кубышка с утра пошел хлопотать в фабзавуч, а Иошка с Сашкой побрели просто куда глаза глядят. Бродили они до вечера.

Уже начинало темнеть и накрапывал дождь. По скользким панелям бежали, размахивая газетами, мальчишки. Кричали про Макдональда, кражи и квартплату… На Петергофском шкидцы встретили Кубышку. Кубышка шел взволнованный, заплаканный, с маленьким узелком в руках.

— Приехали! — не сразу заговорил он, когда его остановили. — Приехали с дачи… Шкидцы приехали, потом Викниксор… Степан ему сразу накапал… Потом… — Кубышка всхлипнул и шмыгнул носом — потом пришел Викниксор и меня выгнал.

Он снова всхлипнул, хотел что-то прибавить, но махнул узелком и пошел.

— Идём! — дернул Иошка Сашку.

Пошли в Шкиду.

— Ну и всыпались вы! — тревожно зашептал дежурный, встретивший ребят на кухне. — Викниксор здесь чуть Кубышку не изволохал!

— Да? — испугался Сашка. — Злой?

— Как чёрт…

— А где он? —

— В учительской наверно…

Викниксор, заслышав разговор, уже шел навстречу. Последний раз ребята видели его простым, спокойным и даже грустным. Сейчас он шел на них медленно, тяжело переставляя ноги и непримиримо заложив руки в карманы пиджака.

— Вот что, — сказал он, поднимая брови и останавливаясь; сказал жестко и раздельно как давно обдуманное и решенное:

— Из школы вы можете убираться. И сделать это я попрошу вас немедленно. Мне воров и негодяев не надо…

— Позвольте…

— Ни слова… Я знаю вашу манеру отпираться. Мне все известно о ваших похождениях.

— Ничего вам неизвестно… Только нахально врут… Врут вам, а вы и поверили.

— Будете скандалить — уйдете с милицией. И потом, — резко крикнул Викниксор: — с вами мне не о чем разговаривать. Дежурный, выпусти вот этого! — Он указал на Сашку, а Иошке через плечо бросил: — Ты можешь переночевать в школе в музее и завтра отправляться куда угодно…

Дежурный выпустил Сашку и, закрывая двери, сказал:

— Надо к кастелянше сбегать, а то из музея одеяла, постель забрали… Ему спать не на чем.

— А это уже роскошь! — прервал дежурного Викниксор, — Можно и без этого. Я и то разрешаю ему остаться лишь потому, что ночь сегодня холодная, дождливая, можно простудиться… Да… А одеяло — это уже роскошь… Понимаешь?

— Понимаю! — ответил Иошка. — Спасибо…

На другой день он ушел.

2

"Ну, теперь всё! — думал Иошка. — Теперь только одна надежда — техникум. Примут — хорошо. Не примут — гибель. Назад в Шкиду не пойду".

Сашка переночевал эту ночь у матери и тоже с утра спешил в техникум — узнать, принят он или нет. Он пришел туда раньше Иошки, пришел, когда списки только вывешивались. Списки окружила толпа, все кричали, волновались, толкались, толкался и Сашка, забыв привычную вежливость и протискиваясь вперед к спискам, чтобы найти свою фамилию. Его близорукие глаза шарили по листу, торопливо бегали вверх — вниз, налево — направо, но фамилии не было.

— Не принят!..

Он поискал Иошкину фамилию, но тоже не нашел.

— Не принят!

Он вышел на улицу и присел на ступеньки крыльца. Кругом проходили люди. Проходили, разговаривали. Сашка сидел в уголке, подняв воротник, надвинув кепку, и думал.

Сашка думал и, странное дело, не о том, как быть дальше а о том, что делал бы он, если бы его приняли. Он представил, что вначале пойдет в канцелярию и узнает, где общежитие, потом отправится в общежитие и попросит помещение, попросит жратвы, потом подаст заявление в стипендиальную комиссию, потом…

За спиной хлопнула дверь и на плечо опустилась рука. Сашка

вздрогнул.

— Поздравляю! — мрачно пробурчал Иошка: — Тебе повезло.

— Факт! усмехнулся Сашка. — Подвезло здорово…

Иошка снял руку с плеча и удивленно посмотрел на приятеля.

— Что ты, очумел? Радоваться, дура, надо, что приняли.

— Кого?

— Тебя! — крикнул Иошка.

Оба замолчали. Сашка таращил глаза и шевелил ртом: говорить он не мог.

— Ах вот что! — понял наконец Иошка. — Ты по слепоте своей фамилии не рассмотрел…. Ах, Сашка. Сашка. Сова безглазая… Бить тебя некому!..

Иошка схватил его за руку и потащил обратно в техникум.

— Смотри! — палец лег и пополз под словами: "Список принятых на третий курс". — Видишь?.. Теперь смотри здесь! — палец скользнул вниз и пополз под Сашкиной фамилией: — Видишь?..

— Теперь вижу! — улыбнулся Сашка. Он пробовал сохранить серьезность, но широкая, радостная улыбка раздирала рот. Улыбнулся и хмурый Иошка.

— Поздравляю!

А когда Иошка, простившись, ушел, Сашка отправился в канцелярию узнавать, где общежитие.

3

Иошка шел вперед. Шел с одной мыслью: что делать?

Прежде всего хотелось есть, потом надо найти какую-нибудь квартиру. Ни родных, ни знакомых у него не было, и оставалось идти в Губоно. Просить.

В Губоно он прождал почти два часа, пока его приняли. Приняли холодно, с каким-то насмешливым вниманием. Выслушали для проформы, потому что ещё с утра звонил и всё сообщил по телефону Викниксор. Выслушав, написали коротенькую записочку в дефективный детдом на Выборгской стороне.

Иошка пошел опять. Со вчерашнего дня он ничего не ел; денег у него не было, была только одна копейка, медная полустертая монета, которую он нашел по дороге. Не хватало второй, чтобы купить полфунта хлеба. Иошка шел, присматриваясь к земле:

"Если нашел копейку, почему не найти другую?" — рассуждал

он.

В детдом он пришел уже вечером. В другое время ему и понравилось бы это низкое, похожее на усадьбу здание, стоящее в глубине густого и красивого сада; понравились бы дорожки, клумбы, беседки, — но Иошке нестерпимо хотелось есть. Он прошел к дверям и даже не поглядел на клумбу, где покачивались под дождем яркие головки астр.

Внутри всё напоминало Шкиду. Низкий темный коридор и запах уборной и карболовки, и тот же шум и беготня, и то же бренчанье расстроенного рояльца. И даже ребята, так похожие на шкидцев, начинали, как принято, скапливаться около вошедшего.

— Где у вас тут халдеи? — спросил Иошка.

— Кто-о?…

— Халдеи… Ну, воспитатели…

— Ишь, чорт! — послышался чей-то восхищенный голос. — Подкусывает как… халдеи!

К Иошке протискался маленький солидно-нахмуренный шкетик и взял его за руку.

— Пойдем… Сведу…

Иошка хотел было спросить у него "пошамать", но шкетик открыл дверь, и они очутились в небольшой светлой комнате, в которой шкидец с ужасом узнал кабинет психо-физиологического и антропологического обследования. За столом сидел упитанный краснолицый мужчина, которому шкетик солидно доложил:

— Новичок!

Иошка показал бумажку. Краснолицый взглянул на новоприбывшего и взял перо. Фамилия? Имя?

Отчество?

Родители?

Сколько лет?

Откуда прибыл?

Где родился?

Потом измерял иошкин череп, лицо, грудь, рост, дыхание, силу, руки, ноги, туловище. Слушал пульс, велел бегать по комнате рысью и вприпрыжку, и опять измерял.

— Слушайте! — не выдержал Иошка: — нельзя ли это всё потом?… Я не ел со вчерашнего дня.

Краснолицый уставился на Иошку и, что-то сообразив, начал ворошить на столе бумаги; потом пошел из комнаты.

На столе остались лежать бутерброды с сыром.

Когда дверь за краснолицым закрылась, Иошка поглядел на бутерброды и проглотил кислую слюну.

"Пошамаем" — подумал он.

Прошло несколько минут. Резко распахнулась дверь и в

комнату влетел краснолицый. Первый взгляд — на бутерброды, потом на Иошку.

— Опыт я ставил! — процедил краснолицый, со злостью спихивая бутерброды в стол. — По педологии… Украдешь ты чего-нибудь или нет?..

Иошка вспыхнул…

— Ты мне, во-первых, не тычь: я тебе не Иван Ильич.

— Что-о-о? — вытянулся краснолицый. — Что ты сказал, шпана несчастная, повтори?…

— Я прошу не издеваться, — закричал Иошка. — Я голоден, понимаете вы это, учёные, чёрт вас побери всех, с вашей педологией!..

Педагог засучил рукава. Иошка схватился за стол. Несмотря на хилость и бледность, шкидец выглядел довольно внушительно:

— Хорошо! — зловеще забормотал краснолицый: — Есть хочешь, значит?: Хорошо, я тебя сейчас угощу!

Он выскочил из кабинета и полетел в учительскую. Оттуда все воспитатели гурьбой повалили за педологом остепенять нового сумасшедшего воспитанника, который требует, чтобы ему говорили "вы".

У кабинета толпа остановилась. Краснолицый педолог еще более засучил рукава, подмигнул, как бы готовя интересное представление, и распахнул двери.

В комнате никого не было.

4

Заколоченная на зиму, всеми оставленная шкидская дача не пустовала. В ней "хазовал" Лепешин.

Вчера он в отсутствие хозяев забрался в один облюбованный заранее дом. Его заметили с улицы… Засада, устроенная павловцами, не удалась: "знаменитый бандит Лепешин-Дубровский" ушел из-под самого носа, бросив вещи и сбив с ног дряхлого подслеповатого сторожа, одного из номеров облавы.

Цепь несчастий обрушилась на Лепешина после этого события… Первая его хаза — в парковом павильоне — была открыта сторожами, вторая — в разрушенной даче около водокачки — имела один выход и при засаде становилась ловушкой… Днем его несколько раз узнавали на улице и устраивали погони. Федька — беглый дефективный из детдома, стрёмщик и наводчик Лепешина, — ушедший было на разведку, больше не возвращался… Лепешин опять переменил место — пятое по счету, — а вечером кинулся на вокзал, чтобы уехать из

Павловска. Но и там его ждали. И снова пришлось бежать, слыша за спиной тяжелый топот и страшные крики: "держи"!..

Лепешин метался по Павловску, меняя места, ища выхода из сжавшегося вкруг него кольца. Шкида была последним логовом.

Он стоял на балконе дачи, тяжело, устало опираясь на перила, кутаясь в забрызганное грязью, изорвавшееся в погонях пальто. Бессонная ночь положила синие пятна у ресниц. Губы ссохлись от волнения, покраснели и потрескались.

Вставало белое осеннее солнце. Тяжелая и жёсткая роса блестела в траве. На клумбах, дорожках, в канавах — всюду кучами лежали сброшенные с деревьев листья, и на них сверху безостановочно сыпались всё новые и новые желтые шуршащие груды. Канавы, полные воды, заросли волокнистой зеленью и были неподвижны.

Вспоминалась Шкида — всё, до последних дней… Вспоминались ребята, халдеи, Викниксор… Ярко представалась в памяти последняя ночь, когда он забрался к Викниксору, чтобы выручить свой велосипед… Вспомнилась и неудача — загремевшие кадушки, поимка, изолятор, и бесповоротное решение бежать, и взломанная кладовка и первая записка, оставленная на месте преступления:

"Здесь был я, знаменитый бандит Лепешин-Дубровский…"

Как давно все это было!.. И вместе с тем, как недавно…

Он поглядел на строй дач, столпившийся вокруг Шкиды. Кокетливая их наружность казалась предательской, — он знал, что ему не выбраться из Павловска, что его_ стерегут, ищут и, быть может, нашли…

Он беспокойно прошелся и прислушался. Всюду было тихо. Шкидская дача стояла пустой, с закрытыми дверями, с заколоченными окнами. Лепешин отодвинул доски от балконной двери и вошел внутрь бесконечно усталый и с одним только желанием спать…

Старая толстая лягушка долго смотрела из канавы ему вслед и жалобно всхлипывала…

5

Он проснулся внезапно, как от толчка, от внезапно обрисовавшейся мысли, заворочался на шуршащей груде выброшенного сена и сел… Был уже вечер, комнату наполняла темнота, и в темноте заколоченное досками окно было похоже на тюремную решетку.

Мысль приносила спасение и была простой до смешного:

надо уезжать не с Павловского шквала, а с другой станции, например, с Александровской, которая была дальше других, в стороне и на другой линии…

Лепешии встал с сена и, отряхнувшись, заходил по комнате, рассчитывая и размеряя свой план, — все сходилось и было легко и просто. Мучило одно: приходилось оставить мысль "обработать" красноармейский кооператив "Фронтовик", где всё было высмотрено, приготовлено и где вдобавок было что брать…

И чем больше надвигался вечер, тем настойчивей овладевала эта мысль сознанием. Привычная потребность "работы" стала неотступной…

"Я сделаю дело и уеду в город с фартом, — решительно подумал Лепешин. — Нужно только выдавить стекло и обойти патруль…"

Ночь была темная, с небом, сплошь затянутым облаками… Патруль, охранявший кооператив, прошел за здания казарм, вернулся — опять ушел. Лепешин бесшумно вынырнул из кустов, быстро и ловко наклеил листы "мушиной бумаги" на стекло, выдавил его, и оглянувшись, влез в лавку.

Внутри ему было всё заранее известно; он набил два мешка самым дорогим товаром, опорожнил кассу и, переждав, пока четкие удары солдатских сапог патруля снова не отзвучат вдалеке за казармой, — с прежней бесшумной быстротой вылез с "фартом" обратно… И уже в кустах, волоча тяжелые мешки, вспомнил:

"А записка?"

Лепешин полез обратно и там, в лавке, в темноте, ещё детским неровным почерком он с трудом нацарапал записку, написал знакомые слова, от которых сладко ныло в груди и стучало сердце. Записку он положил на самое видное место, на кассу посреди длинного широкого прилавка.

Вылезая наружу он зацепился рукавом за гвоздь. Отцепиться ему помогли.

Кто то схватил его под глотку и выдернул наружу. Он сунулся к поясу за револьвером, но уже схватили и руки…

— Поймался, супчик! — заревел над головой торжествующий голос. — Нет, врешь! Не уйдешь! Не дрыгай!..

Его подминали на земле сапогами, закручивая за спину руки. Отчаянно свистал патруль, и тот же торжествующий голос ревел:

— Второй день ловим! ревел голос. Пымали… И до чего отчаянный плашкет, — враз за шпалер хватается — бандюга чистый…

Лепешин, скрученный и перекрученный веревками, судорожно извивался на земле, сжимаясь от лениво сыплющихся на тело ударов — и молчал.

6

Иошка проснулся от холода. Все, кто ночевал с ним на барже, уже встали и разошлись. Было часов восемь утра, шел мелкий дождь, и остатки тумана ещё ползали над каналом… Иошка нащупал в кармане копейку, и только одно прикосновение к ней до конца наполнило его сознание мыслью: "надо искать". И он поднялся как привязанный этим решением и пошел.

Он шел по улицам, переулкам, проспектам, шел по садам, площадям, бульварам, шел по рынкам, толкучкам, дворам, — шел и искал. Часто "она" показывалась ему в мусоре, в плевках или окурках, он останавливался и шарил на земле, ковырял, рыл, но там ничего не было, и он шел дальше; шел опустив глаза, ни о чём не думая, забыв про голод, про всё, кроме копейки, которую должен найти и которую найдет.

И в самом деле под вечер, на Калинкином мосту от ноги что-то отскочило, подпрыгнуло и звонко ударилось об камни…

7

Это была та маленькая медная монетка, которую он искал весь день и которая показалась ему теперь похожей на грошик, Иошке захотелось сравнить его со своей прежней копейкой; он опустил руку в карман, пошарил и — судорожно выхватил обратно.

Он быстро ощупал и вывернул все карманы, разорвал подкладку пальто, разулся и стал перебирать и перетряхивать носки и ботинки.

Там ничего не было.

И он почувствовал, что сейчас наступает конец, он не мог даже думать о том, что нашел свою собственную копейку, которая выпала у него из дырявого кармана, — он не мог думать, что делать дальше, куда идти, кого просить…

Он подошел к перилам, разжал ладонь и бросил монетку в воду.

Перед концом решил написать записку. Потом подумал: "обуюсь", и надел ботинки. Потом вынул карандаш, записную книжку и стал писать.

Перечитал и вдруг вздрогнул: "нет"!..

Карандаш и бумага полетели за перила, а Иошка побежал по улице.

Он вошел в подъезд милиции, на минуту остановился у зеркальной двери, отразившей лохматого шкета в рваном и

мокром пальто, потом, решительно толкнувшись, вошел в комнату.

На лавке у барьера разговаривали несколько милиционеров. На вошедшего они не обратили никакого внимания. Иошка прошел вперед и, когда дежурный поднял на него свои равнодушные глаза, заговорил.

— Товарищи! — просто сказал он: — если ваш долг раскрывать преступления, то вы должны и предупреждать их.

— Что? — Под дежурным упала табуретка. Иошка пошатнулся, схватился за барьер и наверное рухнул бы на пол, но его уже держали и куда-то вели…

Очнулся он в большой просторной комнате заполненной книжными шкафами, плакатами и убранной красной материей. Перед ним на столе, на раскинутых журналах стоял чайник и лежал свежий румяный ситным. Он ел, его никто не расспрашивал, и все молчали…

Рассказывать начал сам Иошка. Рассказал про Викниксора, про дачу, про экзамены, показал документы; рассказал про Губоно, про краснолицего, про копейку; рассказал, как хотел топиться, но испугался и потом пошел в милицию, чтобы наговорить на себя, чтобы его посадили, и дали есть.

Он замолчал — заговорили милиционеры. Заговорили все разом, не обращая на Иошку внимания, но тот чувствовал, что говорят именно о нем…

Потом дежурный дал ему в руки перо и попросил что-нибудь написать, только побольше и поскорей.

"Дактилоскопия?" подумал Иошка и начал писать; когда писал, все сгрудились к нему и смотрели, как бегала его, рука по бумаге. Дописать ему не дали. Дежурный хлопнул Иошку по плечу:

— Хватит!.. Молодчина: почерк шикарный, — видать, не даром учился… Значит, вот что мы решили… Как ты есть человек с образованием, ты будешь у нас здесь завклубом, жалованье будешь получать, а жить… пока живи здесь, потом придумаем… Согласен?

Иошка улыбнулся… Все засмеялись, а какой-то бородач, многозначительно подняв палец, проговорил:

— Судьба у тебя, хлопец, индейка, а жизнь — копейка…

— Верно! — ответил Иошка. — Верно — копейка!

И он стал завклубом в милиции.

Глава двадцатая

1

Рулевой Шкиды сидит у себя в кабинете в поскрипывающем кресле и не включает свет. Так легче и можно спокойнее подумать, хотя собственно обдумывать нечего.

Еще когда он, захватив для просмотра из канцелярии "летопись", проходил по нижней зале к себе, голова его пригнулась, глаза старались не смотреть на стены, и копошились мысли, что всё это зря; и захотелось бросить "Летопись " на пол. Литографий в глупых золоченых рамках, которые висели на стенах залы, становилось всё меньше и меньше. Массивные двухстворчатые двери беспомощно прижались к стенам. Двери были прежде на медных петлях, отвинченных и отнесенных на рынок ребятами. Туда же снесли и литографии.

Еще и раньше Викниксор замечал в поведении ребят какие-то провалы, недоступные его опыту и педагогическому влиянию. И провалы эти становились всё больше и больше, пока не превратились в целую пропасть, пока школа не оторвалась и не пошла своей дорогой, а он остался в стороне.

Раньше в такие минуты он думал, что виноваты старшие, которые мутят школу. Но теперь старших нет, а лучше не стало.

Вчера полшколы самовольно ушло шляться. Позавчера избили воспитателя Кирилла Гаврилыча. Сегодня пробовали сломать кладовую с продуктами. Украли из канцелярии "летопись " и сунули её в топку. Разгромили химический шкаф. Школа в контакте с окрестной шпаной. Вольных, которые зачастили в школу, он велел гнать. Но нет-нет да и появится в коридоре какой-нибудь клешник с трогательным чубом. Викниксор усмехается.

С каким трудом, с какой трепкой нервов он выцарапал места продавцов в магазинах Резино-металла для подросших ребят.

Его встречали насмешливо:

— Помилуйте, у нас дефективных нельзя, воровство будет.

— Унижался, давал честное слово, а своего добился. Радовался за ребят. А они начали воровать на работе. Так и должно. Работу достал, а квартир не смог. Школа бузит, школа ворует, хулиганит и оказывает на них свое влияние. Вот если бы этим ребятам достать квартиры!

Недавно пришел Костя Финкельштейн. Он радовался тогда. Подумал: "Не забыли ещё". Хотел спросить, как живет, где

работает. Но Костя остановился в дверях и, не здороваясь, сказал:

— Виктор Николаевич, вы подлец…

Викниксор включает свет и перелистывает "Летопись".

Она по углам обуглилась, несколько страниц вырвано. Если бы не Александр Николаевич, вытащивший ее из огня, "Летопись " больше не существовала бы.

Викниксор читает последние записи:

"Преображенский и Калинин явились в школу в нетрезвом виде".

"Воспитанник Сусликов пойман в краже белья из гардеробной".

"Нижняя спальня долго не ложилась спать".

"В верхней зале трое воспитанников — Васильев, Арбузов и Евграфов — совершили нападение на воспитателя Селезнева и нанесли ему удар по голове".

Викниксор захлопывает летопись. Нечего читать. И так известно, что полшколы в пятом разряде. И еще известно, что пятый разряд теперь пустая формальность. Ребята привыкли и уходят гулять самовольно.

Через день после того, как полшколы ушло куда-то, Викниксор узнал со стороны, что ребята ходили вместе с другим детдомом драться с Покровской шпаной.

После драки двух "покрошей " подобрали мертвыми.

Викниксора одолевали мысли, тягучие и неприятные:

За три года упорного, напряженного труда не выпустить ни одного воспитанника. Больше того. Весь выпускной класс выгнать по одиночке, по одному…

* * *

Он лежал на оттоманке лицом вниз. В комнате было темно, в окна стучал дождь. Время шло, а сна не было. В висках тупо ударяла кровь. Потом удары отошли в сторону и доносились издалека, тихие и осторожные. Викниксор сообразил, что они идут с черной лестницы. Это опять ребята обрубали свинцовые украшения перил. Викниксор заметался. Ему даже показалось, что хочется вскочить и бежать на чёрную лестницу, он даже увидел себя крадущимся по залу.

Но это только показалось.

Викниксор по-прежнему лежал лицом вниз. В окна глядела ночь и доносила иногда зеленые отсветы поющей трамвайной дуги. А тихие удары с чёрной лестницы не прекращались. Они приходили, заглушенные и настороженные. Казалось, по-

прежнему идет дождь. Но дождя уже не было.

2

Под лестницей в надворном полуразрушенном флигеле копошатся двое шкидцев. Они устраиваются на ночлег. Первого из них, длинного Суслика, вышибли неделю назад за кражу простынь. Второй — нежненький и беленький Капаневич — выгнан сегодня. С непривычки его знобит, и бьёт лихорадка.

— Холодно, — бормочет он, натягивая на босые ноги пальто. — Ой, какой ветер, прямо вьюга целая…

Суслик не отвечает и по-прежнему гребет в угол раскиданную промокшую солому… Слышно, — воет на чердаке ветер, как костяшки стучат рваные провода и хлещет дождь.

— Слушай, — опять говорит Капаневич: — идём в комнату. Там теплей, и матрацы лежат, видел…

— Мало, что лежат… Нельзя туда. Вдруг ребята придут…

— Зачем?..

— Сам знаешь зачем…

Молчат… Суслик, собрав бугорок соломы, осторожно ложится на него и подкладывает под голову кирпич. Скоро он засыпает… Капаневич дрожит всем телом; зубы выколачивают густую и несдержанную дробь и готовы вырваться наружу. Заснуть он не может и еле терпит холод. Потом не выдерживает, вылезает из-под лестницы и поднимается наверх, в единственную сохранившуюся флигельную комнату. Там теплей, там матрацы. Шкидец торопливо ложится, закутывает ноги в пальто, накрывается вторым матрацом и засыпает…

Будит его громкий и сердитый женькин голос.

— Задрыга грешная, — кричит кухонный староста: — развалился… Для тебя я, что ли, матрацы приволок?.. Слазь!

Капаневич с руганью поднимается и трет глаза.

— Слазь скорей, — нетерпеливо торопит староста и, обернувшись к дверям, сладенько добавляет: — Сейчас, Верочка, нам освободят комнату…

Верочка переступает порог. Идет она развалисто, потряхивая куцым задом и поводя руками. На ней черное приютское пальто и черный матерчатый треух…

Это очередная женькина любовь…

Живет Вера Бондарева в детдоме для дефективных девочек, что против Моргоса. С детдомом этим Шкида связана крепчайшими узами сердечных отношений. Трудно сказать, когда они установились, но одно известно, что вместе с бузой

вспыхнула и любовь. Конечно, птички здесь не пели, луна не светила, вода не сверкала, — поэзии никакой не было, нежных слов и поцелуев тоже не было. Своих возлюбленных вели прямо в ломаный флигель, где на заранее заботливо приготовленных матрацах и начинали супружескую жизнь.

С Женькой Вера Бондарева сошлась недавно; верней, он получил её от Балды, сменявшись на Маньку Солдатову. Мена казалась выгодной, и староста про себя прозвал даже Балду дураком…

Он не знал, что недавно Балда побывал случайно в канцелярии верочкиного детдома и прочитал там такую характеристику своей любовницы:

> "Задержана на Октябрьском вокзале за бродяжничество и проституцию. Груба, цинична, недисциплинирована. Детдом называет бардаком, воспитательниц бандершами. Устроила в распределителе побег трех задержанных подруг, пыталась бежать сама, но была поймана…
>
> "В детдоме ворует. Будучи уличена, не споря отдает украденное обратно. Лукава. Лжива. Употребляет косметику, чтобы скрыть на лице прыщи… Прожорлива. Съедает по пять-шесть порций за раз. Ест неопрятно: куски вместе со слюной падают обратно на тарелку и опять подбираются в рот.
>
> "Наружность. Маленькая, с маленькой головкой, с бесцветными, ничего не выражающими глазами, которые всегда закрывают спутанные, жидкие волосы. Большой мокрый рот с заездами по углам. Карриозные зубы. Запах. Рано разнившееся тело. Длинные руки. Расхлябанные движения.
>
> "Половая жизнь. Жить начала с восьми лет. Говорит: "не могу жить без мужчины", "вы требуете от меня хорошего поведения, дайте мне каждую ночь мужчину, и я буду у вас первая". На прогулках пристает к проходящим: "мужчина, угостите папироской", "мужчина, прогуляемся"… Имела ребенка, которого задушила. Болела гонореей. Была помещена на излечение в венерическую больницу, но оттуда убежала…" [7]

И, несмотря на всю свою неприхотливость и неповоротливость, Балда сразу же постарался сплавить кому-нибудь от себя Веру… Женька охотно взял её и сейчас с явно выраженным нетерпением выставлял из своей спальни Капаневича.

— Так пущай остается, — передернула плечами девица. — Мы к этому привыкши.

Но непривыкший шкидец уже был за дверьми, а в комнате дико закричали:

— Вер-ра… Жена моя… Раба моя… Ляжь…

Под лестницей Суслик храпел и свистел носом. Холод опять охватил Капаневича, он закутался поплотнее в пальто и усиливаясь задремал… Через полчаса шкидец вздрогнул и открыл глаза. Между ступеньками, сверху, виднелось женькино лицо.

— Теперь иди, — сказал он, и пошел вниз. Капаневич вылез и пробрался в комнату. В темноте он нащупал матрац и с криком отскочил.

— Хи-хи-хи, — засмеялись из темноты: — спужался… Это я, Вера… Иди сюда…

Капаневич выскочил за дверь, кубарем скатившись под лестницу. Суслик разом перестал храпеть и поднялся.

— Что ты? Что с тобой?..

Шкидец тяжело дышал и ответил не сразу.

— В комнате был… Там гамыра эта, женькина, как ее…

— Вера?

— Ага…

— С Женькой?

— Нет, одна…

— Ну, тогда я пойду, — встрепенулся Суслик.

— А ты здесь сиди, не уходи. Можешь лечь на мою постель… Слышишь?

— Слышу… Спасибо…

3

На верхнюю площадку парадной лестницы вышел Химик. Он огляделся по сторонам, заглянул в пролет и вытащил из-за пазухи свое последнее изобретение — авиобомбу. Она была сделана из пивной бутылки, набитой шкид-порохом, с пробкой от детского пугача, вместо детонатора. Маленькие картонные крылышки придавали ей устойчивость во время полета. Когда Химик, оглядевшись еще раз, бросил свою бомбу в пролет, на площадку вышел Сашкец.

— Ты чего?..

Химик не успел и открыть рта, как внизу ухнуло, зазвенело, и кверху поднялся клуб дыма. Халдей потащил шкидца в изолятор. Химик вырвался. И тогда Сашкец побежал вниз за дворником.

* * *

Школа Достоевского,
Стерва сволочная.
Научила воровать
От родного края… —

попробовал петь доставленный в изолятор Химик, но перестал и растянулся на досках кровати. Лежал, смотрел на растрескавшийся потолок, на клочья обоев, свисавшие с отсыревших стен, а в голове вертелись всякие мысли.

Недавно была в "лавре " из-за плохого обращения большая буза. Бунт. Одних стекол выбили на шестнадцать тысяч рублей и убили воспитателя. "Лавру " после этого раскассировали. В Шкиду привели оттуда человек двадцать ребят. Но из новых товарища Химик подобрать не смог. Старые ушли.

Химик слонялся по школе и не находил себе места. По ночам он вспоминал институт Подольского. Даже ночью институт казался теперь уже лучше Шкиды. Вспомнил, как один раз назвал он воспитательницу проституткой, как его закрутили в простыню, и как потом его, связанного, воспитательница отхлестала по щекам. Но никакой злости Химик не почувствовал. Ему даже захотелось, когда вспомнил это, сходить извиниться за свои слова.

Припомнился и сам профессор. Он отличал Химика своим вниманием и раз пытался загипнотизировать. Химик притворился спящим, поднимал по приказанию профессора руку и остался очень доволен сеансом.

Там казалось лучше, и Химик выпросился обратно в институт. Подольский встретил хорошо, ласково, но, прочитав викниксоровское письмо, переданное ему Химиком, нахмурился и отказался взять к себе.

Вернувшись обратно, шкидец забузил. Не учил уроков, скандалил и по ночам вместе с Удаловым "электрифицировал " школу. Для этого они отводили ток от сети в перила лестницы, к дверным ручкам и дверцам печей…

* * *

Химик слез с койки, долго разминался и извлек из кармана баночку. В банке в керосине желтели комочки кальция. Он прикарманил кальций, когда новички из "лавры" громили

химический шкаф. Химик хотел отомстить немке, с которой воевал последнее время. Для этого он решил, улучив момент, подсыпать в её ночной горшок кальция, который, соединяясь с водой, шипит и как бы взрывается. Химик думал, что этого будет достаточно и немку на утро найдут умершей от потрясения.

В школе зазвонили на ужин и сейчас же у дверей зашабаршили, затопали, и надтреснутый голос сказал:

— Гусь лапчатый…

— Дядя Саша, — крикнул Химик, пряча банку: — отпустите! Вчера целый день сидел!

— Ладно, — смилостивился Сашкец и открыл изолятор: — но в пятом разряде тебе быть!

Химик с постным лицом тихонько вышел, словно показывая, что он понимает положение халдея и сбегая вниз в столовую, с удовлетворением думал:

"Вали, переводи, чёрт плешивый. Вчера Костец раньше тебя догадался перевести".

Впереди бежал какой-то из новичков. Он с ходу прижимал к перилам огрызок цветного карандаша. Карандаш оставлял на перилах ярко-красную полоску.

На ужин была гороховая похлебка. Когда её разлили по мискам, в столовую прибежала немка и сразу обратилась к Химику.

— Евграфов. Это ты перила исчиркал? Иди вытри…

Шкидец, не обертываясь, с присвистом глотал похлебку. Большие порозовевшие уши его насмешливо вздрагивали.

— Да ты оглох? — тряхнула его немка.

— Вытри сама, — ответил Химик, и когда немка рванулась к выходу, крикнул: — У собачки под хвостом вытри.

Через минуту немка явилась уже с Викниксором.

— Если так убрать, в порядке трудовой дисциплины, — сказал Химик, — то можно. А если как будто это я начиркал, не буду.

— Видите, — закатилась немка.

Викниксор удивленно поднял брови, поморщился и выдернул шкидца из-за стола…

Захлопнувшаяся дверь заглушила протестующий рёв столовой. Вышвырнутый на черную лестницу, Химик потер затекшую шею и спустился по лестнице во двор.

Чуть-чуть моросило, сеялся-вился дождь. Химик постоял на дворе и повернул к флигелю.

В одной из комнат флигеля собралась целая компания. Был Женька с Бондаревой. Вместе с ней пришла ее подруга — Маня Солдатова, громадного роста девица с большими наглыми глазами. За Маней ухаживал Балда, сидевший рядом с Женькой. С чердака спустились Суслик и Капанька. Вся эта брашка, устроившись на кирпичах и поленьях, закусывала копчеными сигами, которые украл на рынке Женька. При появлении Химика Балда, заметно охмелевший, подвинулся и любезно зазаикался.

— П-прошу присесть… Ка-какими… каким чёртом занесло?

— Меня Витя вышиб, — хмуро объяснил Химик, и сел рядом с Балдой.

Женька перестал лапать Бондареву и налил Химику в стакан водки.

— Капанька, Суслик, надо ещё раз дербалыхнуть, — продолжал Женька: — в нашем полку прибыло.

Водки было много, принес Балда. Его сламщик Вася Слон работал в Резинометалле, и поэтому Балда был всегда с деньгой. Он ежедневно отправлялся в кооператив, протягивал сламщику трехкопеечный чек, и Вася Слон вешал ему товара рублей на десять…

У Химика шумело в голове. Он еще помнил, что его вышибли. Но было уже все равно. Он сидел, покачиваясь, оглядывался и улыбался.

Напротив него Бондарева плотоядно уничтожала рыбу. Перехватив взгляд Химика, она подмигнула ему и улыбнулась. Губы ее при этом натянулись, выступили желтые неровные зубы, и она стала похожей на собаку. Сидевший на корточках Суслик зачесался и так звонко щелкнул раздавленной вошью, что сидевший в самом углу Балда, осторожно и стыдливо касавшийся грудей Мани Солдатовой, вздрогнул.

Химик чуть повернул голову и увидел Капаневича. Шкидец сидел на двух кирпичах, грустный и взъерошенный как вымокший воробей, брезгливо прижавшись к стенке, он играл на зубариках. Потом внимательно и строго взглянул на Химика и улыбнулся тоже, но не как Бондарева, а печально и сочувственно.

От этой улыбки Химика словно кольнуло. Он огляделся внимательнее. Женька поддерживал свою возлюбленную, обмякшую и пожелтевшую. Ее тошнило, она сплевывала и закатывала совсем осоловевшие глаза.

Химику стало ещё неприятней, он качнулся и увидел, что Капаневич вдруг поднялся и ушел из комнаты. Химик рванулся за ним, но ноги непослушно отнесли его к окну. Он опустился на подоконник и огляделся ещё раз.

Женька уводил куда-то Бондареву. В комнате остался только

Балда с Солдатовой. Манькино платье измялось, спустившийся чулок открывал прыщавую волосатую ногу. Балда теперь действовал смелее. Солдатова не противилась и только взматывала головой, как лошадь, отчего её темные обсалившие волосы болтались как мочала на швабре…

Химик закрыл глаза. Ему почему-то вспомнился детдом на Колокольной улице, куда он попал с Курляндской… Новый детдом встретил Химика неласково. Ребята, жившие там, сатанели от скуки. Через несколько дней у воспитательницы Нины Васильевны пропал кошелек с двумя рублями. Почему-то подумали на Химика, и ребята, косившиеся на него, обрадовались случаю. Сами они, может быть, и не тронули бы, но помощник заведующего велел:

— В работу его возьмите, подлеца!

Били, издевались два дня подряд. Химик не сознавался. Сознаваться ему было не в чем. Кошелька он не трогал.

Помощник взялся сам. Бил он хлеще ребят. Химик не стерпел и взял на себя вину. Помощник тогда спросил: "Куда кошелек дел? Подавай сюда". — Химик опять сказал, что кошелька не видел. Снова били.

Ночью Химик потихоньку выбрался из спальни, хотел убежать, слонялся в темноте по школе, нарывался на стены, но все двери были закрыты.

А когда начало светать, совсем изныл, вспомнил, что опять бить будут, и выбросился в пролет лестницы.

Химику представилась воспитательница Нина Васильевна, молоденькая еще, с певучим грудным голосом. Дорого она свои деньги ценила. Две недели вертелся, в бинтах, в бреду, Химик. В больницу его не отправляли, боялись огласки. Как поправился, сразу отправили к Гужеедову.

Там измучили исследованиями. Каждый день мерили башку. Задавали всякие вопросы, а ответы отмечали секундомером. И так под ряд пять месяцев. Обследователь Химика был человек не плохой, но Химик как-то не утерпел и сломал его секундомер. Тогда отправили на Миллионную. Там, как и на Колокольной, били. Не ребята, уже, а заведующий… Химику припомнился его бывший товарищ Кузнецов. В детдоме "Красный Молот" был спектакль. Кто-то у одной гостьи тиснул ридикюль. Деньги прикарманил, а ридикюль выкинул, Кузнецов увидел и взял его себе. Нашли при обыске. Заведующий, круглый, коротконогий, по прозвищу "Пешка", вечно пьяный, позвал Кузнецова к себе и зверски избил. Весь день Кузнецов плакал, охал. Вечером его начало трясти, — отправили в лазарет. Ночью ему стало хуже. Приехала "скорая", а через два дня из больницы запросили:

"Хоронить ли его там, или выдать труп Кузнецова для погребения всей школой".

Химик вспомнил кладбище. На куче вырытой земли стоит Пешка, говорит надгробную речь, рядом хмурые ребята, а в простом сосновом гробу синий, распухший Кузнецов, а над всем этим белые, стройные березки. Химик припомнил, что тогда березы только начинали цвести, — и заскрипел зубами. Говорили потом, что Кузнецов наколол ногу шилом и получил заражение, но Химик не верил этому.

* * *

Хмель проходил, Химик встал и потянулся. Стало совсем темно, в комнате никого не было. Он повернулся к окну; сквозь разбитые стекла дохнул на него ночной ветер, свежий и приятный как молоко. Дождь прошел. Наверху становились звезды, плавал туман. Крыши лоснились как копченые сиги. Хмель, как и дождь, прошел совсем. Химик стоял у окна, а в голове у него текли мысли. Мысли были о том, что в детдом уже не возьмут, к больной безработной матери идти нельзя и ему придется подаваться отсюда неизвестно куда. Это не угнетало, а наоборот — Химик почувствовал себя легко, словно отвалилась какая-то тяжесть.

Когда он на ощупь пробрался к выходу, то столкнулся на лестнице с Женькой.

— Куда?

Химик, ничего не ответив, шел вниз.

— К Викниксору? — крикнул Женька. — Прощенья просить?

Химик не останавливаясь пересек двор и вышел за ворота. Там он опустился на ступеньку подъезда и незаметно для самого себя уснул.

Ночь отступала. Восточный край неба чуть заалел. Но пришли тучи, краски выцвели и рассвет начался сразу со всех сторон. На мостовые слетали кормиться проснувшиеся голуби. Проснулся и Химик от истошного собачьего визга. Рядом стояла фура. Ловец тащил к ней рыжую собаку. Сквозь решетку виднелись умные собачьи морды.

Химик встал, зевнул и поглядел на притихшие окна школы. Сунул озябшую руку в карман и нащупал ненужную теперь баночку с кальцием. Выбросил ее и не спеша пошел в сторону. Шел неторопливо, спокойно, словно не гопничать, а в ближайшую лавочку за хлебом, и долго сутулился еще вдалеке, пока не скрылся за поворотом.

Фургонщик запихал собаку в фуру и поехал, тоже не спеша, в другую сторону.

5

В спальне мочевиков весело… Скудная шестнадцатисвечёвая лампочка, едва прорезая сгустившийся от спиртных и махорочных паров воздух, освещает нелепо развалившихся по койкам и на полу ребят. Валяются пустые музейные банки и выброшенные из них за ненадобностью проспиртованные каракатицы, ужи и морские кони.

На ближайшей от дверей койке полулежит Калина и тупо улыбаясь дергает дребезжащие струны балалайки. Напротив Калины сидит, скрестив ноги калачиком, новичок, только вчера попавший в Шкиду, он покачивает своей конусообразной головой, скалит неровные зубы и тянет:

Урка за фрайером идет,
А кореш толкает и поет.
Паптюха брось.
Не дрейфь.
Ныряй смелей.
Даром время не теряй.
Ай-я-я-яй….

Поющий взмахнул рукой, прищелкнул пальцами и вся спальня исступленно грохнула:

Та-ра-ра мамы, цуцы,
Пер-вер-туцы.
Гоцам.
Подам.
Пер-вер-тоцам.

На заблеванном полу, около раздавленной в смятку морской звезды лежит Храпа, в руках у него уж, он вертит его над головой и кричит:

— Это не змея, братцы, угорь это. Его жрать можно. Манька! — надрывно выкрикнул он: — тащи вилку и горчицу.

Что ты, что ты, что ты, что ты
Я солдат девятой роты… —

орёт кто-то.

— Манька! — шлепает ужом по полу, не дождавшись вилки, Храпа. — Тащи, стерва, тарелку и соли. Слышишь!

Положив грязные ноги на подушку, безмятежно спит, лицом вниз, Васильев.

— Вставай с постели, пироги поспели! — кричит Храпа и вытягивает Васильева вдоль спины измочалившимся ужом.

Калина, отшвырнув в сторону балалайку, сонно хлопает глазами.

Когда в спальню вошел проходивший мимо Викниксор, ему шибануло в ноздри спиртным перегаром, оглушил визг, ругань.

По середине спальни — бросилось в глаза — стоял и мочился на пол Храпа. Попятившись от Викниксора, он рыгнул и упал в лужу.

Викниксор схватил его за шиворот и потащил к двери.

Тащить было неприятно, тяжело, шкидец брыкался, рыгал, а кроме того Викниксор не знал, куда собственно он тащит Храпу. Еще вчера двери обоих изоляторов какими-то канальями были сорваны с петель.

Когда Викниксор доволок воспитанника до выхода, Храпа рыгнул громче обыкновенного: его стошнило прямо на живот заведующего.

Викниксор выпустил Храпу из рук и, схватившись за голову, выбежал вон.

6

На шкидском дворе стоял Старостин и хмуро смотрел на окна флигеля. Голубятню, которую он придумал, сделать не удалось. Четыре выпущенных голубя не вернулись обратно, двух остальных затрепали крысы. И ребята водят в бывшую голубятню девчонок.

Старостин выругался и пошел на задний двор. Там шкидцы играли в "пожарных".

— С-стой, б-братва, — надрывался брандмейстер Балда — сегодня с-сарай не т-трогать. С-старый доломаем.

От старого оставались только столбы, сиротливо глядевшие в небо. Пожарники накинули на один из них веревку и, когда Балда скомандовал: "полундра", раскачали столб и быстро выдернули его из земли.

Поодаль стоял владелец разрушенного сарая, бывший

аптекарь. Несчастья сваливались на его седую голову. Сперва ребята сбили с его сараев замки и продавали приходившим тряпичникам его собственные бутылки из-под лекарств. А теперь ломают его сараи.

Старик уже не протестовал, а лишь горестно разводил руками. Когда он попробовал угрожать, его облаяли, швырнули вдогонку палкой, а ночью выбили в квартире стекла.

Старостин, глядя на еврея, невесело ухмыльнулся и пошел к воротам. В руках его был узелок, в узелке казенные простыни и другие, более мелкие вещи, которые шкидец прихватил с собой на память об этой осточертевшей ему школе.

7

Только по привычке ещё Шкиду продолжали именовать детдомом, хотя она стала уже обыкновенной ночлежкой, самым обыкновенным "штабом"… Приходили новые ребята, жили, а потом снова исчезали, не забыв захватить с собой то постельное белье, то лампочки, то дверные ручки, то вьюшки… Вечерами на школу опускалась темнота; по коридорам, по лестницам ощупью пробирались воспитанники, в разбитые окна несло холодом; в печах выло и гудело… На дежурство халдеи вступали с тоской и отвращением и время свое старались отсидеть в учительской…

Викниксор не выходил из квартиры, и только изредка шкидцы видели, как мелькала его согнутая, закутанная в пальто фигура; он куда-то уходил с корзиночкой, потом приходил и опять запирался. Мать его, Совушка, на кухню не показывалась, а обед варила у себя в комнатах на примусе…

И шкидцам уже было всё равно, есть ли Викниксор, или нет Викниксора.

Когда в коридорах протягивали верёвки и ставили перевернутые стулья, было всё равно, кто попадет — свой ли, чужой ли, халдей или шкидец.

Уже плохо стали знать в лицо друг друга. Уже не удивлялись, когда исчезали старые и вместо них появлялись новички. Уже редко кто проводил день в Шкиде; с утра уходили на промысел, на рынок; к обеду возвращались, а если кого и не было — не удивлялись: знали, что парень засыпался…

Из уборных по зданию тянуло вонью. Там срезали трубы и испражнялись прямо на пол. Музей разгромили и продали на бумагу. От библиотеки остались одни шкафы, да и то из них вырвали замки и свинтили петли.

Когда однажды Лёнька пришел проведать Шкиду и, стоя на

дворе, разговаривал с Сашкецом, наверху в зале со звоном вылетело не тронутое еще бемское стекло, а халдей только погрозил ребятам пальцем и крикнул:

— Тише вы там, гуси лапчатые!..

Но однажды всё переменилось. Из своей квартиры бодрой, давно забытой походкой вдруг вышел Викниксор; в руках его были какие-то бумаги и "Летопись", а свеже начищенные сапожки скрипели решительно и неустойчиво… Он приказал закрыть входные двери и собрать в учительскую воспитателей. Известие об этом сразу распространилось по школе и взбудоражило ребят.

В обед в столовую пришли все халдеи и Викниксор. Викниксор сказал речь. Слова были старые, но их давно не слышали, и поэтому они казались грозными и почти новыми.

— Шкида реорганизуется, — говорил заведующий. — Пора избавиться от темного и грязного наследия преступного мира. Пора с корнем выкорчевать всю нечисть, которой зарос детдом… Начинается генеральная чистка. Школа объявляется на особом положении.

Прогулки и отпуска отменяются. За каждое замечание следует понижение разрядом. За самовольство заключение в изолятор. За оскорбление воспитателя перевод в реформаториум. Для поддержания порядка установлена постоянная связь с милицией и объявляются заложниками: Арбузов, Лапин, Грейжа, Синицын, Штерн, Васильев, Сластенков, Рыбин. Заложники, в случае массовых беспорядков, в первую очередь отправляются в милицию.

Шкида мрачно молчала. После обеда всех разогнали по классам. В классах ввинчивали лампочки и вставляли стекла; становилось теплей и уютней. Дежурили все воспитатели, и даже начались уроки. Потом стало известно, что халдеи с милицией устроили во флигеле облаву. Захватили и отправили в отделение Суслика, Капаневича и двух девчат. Женьку посадили в изолятор, его накрыли в острый момент, и теперь шкидец жаловался, что из-за халдеев он только себя повредил…

Вечером в спальне дежурила Эланлюм. Красное лицо её сияло едва скрытым довольством. Она удивлялась внезапному усмирению воспитанников и теперь старалась еще больше нажимать на них.

Все уже лежали по кроватям. Только в боковой, первой спальне сидел, прислонившись спиной к подушкам, Аксенка. Несколько дней тому назад, отчаявшись в жизни, он решил повеситься. Ребята полузадушенным вынули его из петли; он остался жив, но спать лежа уже не мог: мешала и болела вывихнутая шея. Эланлюм об этом не знала, а поэтому без

разговоров просто столкнула в постель шкидца и, выходя, даже не слышала, как тот заплакал от боли. Но лежавший рядом Лапа возмущенно и дико свистнул. От свиста задребезжали стекла и звякнула лампа. Немка метнулась обратно, а во второй и третьей спальне засвистало уже несколько человек…

Заухали кровати, заляскали по железу палки, загудел от стукота пол. Немка бросилась к выходу, в неё пустили поленом.

Она споткнулась, ухватилась за дверь и жалобно вскрикнула:

— Мальчики, мальчики!..

Несколько подушек разом заставили её замолчать; она вывалилась наружу из спальни, оставив на полу свой золотистый шиньон.

— Бей!.. Бей их…

— Крой!..

— Лупи!..

Одеяла и матрацы летят долой; у дверей вырастает баррикада из кроватей. Гремят из угла в угол с силой пущенные плевательницы… Гаснет свет… Слышен шум и вой из нижней спальни. Слышен истошный и долгий крик. Это бьют поленьями, закрутив в одеяла, Киру.

— Бей!.. Бей их!..

— Крой!..

— Лупи!..

Дергается заваленная дверь… Полураздетый Викниксор с парой подоспевших халдеев пробуют открыть её.

— Сифилитик! — визжит кто-то в темноте и бьет по кроватям железной палкой. — Вот я сейчас с корнем выверну всю нечисть, ты у меня не захочешь!..

— Эй, Элла, шмара! — хором под всеобщий хохот надрываются заложники. — Иди сюда! Мы тебя здесь прочистим, на особом положении!

— Понизим разрядом!..

— Ха-ха-ха!..

— Хи-хи-хи!..

— Бей!.. Бей их!..

— Крой!..

— Лупи!..

— Сиф-фи-ли-тик!..

Арбуз напяливает немкин шиньон и, размахивая дубиной, носится по спальням. В темноте кривляются, ломаются, свистят белые тени. Вылетают только-что вставленные окна… Гремят выстрелы самодельных шпалеров; сверкает огонь; дым прямо на полу зажженного костра застилает комнату и клубами уносится прочь, в разбитые окна… От шума и выстрелов глохнет в ушах…

Внизу на улице собирается толпа…

Из остановившегося трамвая выскакивают люди…

Бегут, громко стуча сапогами, дворники…

Вой и свист наверху усиливается. Это взломали наконец двери и ворвались в спальню халдеи. Но трещат и несутся по воздуху поленья; несутся, рассыпая песок, плевательницы; залпами гремят выстрелы; кричит и падает, схватившись за лицо, Селезнев. Сашкец выбегает за дверь; за ним выскакивает Викниксор.

— Скорей! — кричит он: — скорей в учительскую!.. Звоните в милицию, иначе всё погибло…

Но и внизу крик и грохот встречают их. Коридор завален шкафами, а сверху летят поленья, и гулко падают, кирпичи. И надо бежать еще дальше, вниз, под лестницу.

И Викниксор понимает, что им ничего не остается больше делать, как отсиживаться и ждать подмоги. И еще он понимает, что это наступил конец.

А наверху разбивают изолятор и двери. Потом отблески огня ползут по стенам. Слышится свисток постового милиционера. Ломятся в закрытые на ночь ворота и зовут на помощь…

Арбуз вдруг опомнился:

"Заложник… Милиция… Сейчас возьмут…"

Он стаскивает с головы шиньон и вместе с дубиной кидает его в полыхающий посреди спальни костер…

В окна несет туманом, дождем и ветром. Внизу чернеет холодная земля; задрав голову, стоят привлеченные скандалом люди; кричит дворник; хлопает калитка …

Арбуз перекрестился и начал спускаться по водосточной трубе…

Глава двадцать первая. (Эпилоги)

1

От прошлого, от всего пережитого раньше у Химика, ставшего теперь взрослым парнем, осталась привычка заглядывать на рынки. И сегодня, слоняясь по Покровской толкучке, он встретил бывшего товарища по Шкиде — Кузю. Мало изменившийся, грязный, не поднимая глаз от засаленной своей кепки, положенной у босых ног, тот пел:

Привели на перeу-лок
И-и ска-зали: бе-е-ги…
Восемь пуль ему вдо-о-гонку,
Семь за-стря-ло в груди.

Кузя нищенствовал. Вокруг него стояло неровное кольцо зевак. Химик нагнул голову и, протолкавшись сквозь толпу, отошел в сторону, к церковной ограде. Там Химик остановился и стал ждать конца кузиного концерта, чтобы после идти за Кузей следом и уже на улице завязать разговор. Но Кузя, кончив одну, затянул другую песню, длинную, тоскливую и начинавшуюся так:

Зачем ты, мать, меня родила,
На жутки муки отдала,
Судьбой несчастной наградила,
Тюрьма свободу отняла?

Химик подумывал уже об уходе, но у Кузи появились конкуренты, двое цыганят — мальчик и девочка. Цыганенок заставлял свою четырехлетнюю партнершу плясать, а сам, подпевая что-то, ударял ее бубном по заду:

— Больше жизни!..

Толпа переметнулась к цыганятам и продолжавший петь Кузя мрачно оглядывал поредевших слушателей.

Когда девочка запела: "Задумал он с сестрою жить, пришлось ребенка задушить", — последние зеваки покинули Кузю и перешли к цыганятам.

Кузя поднял кепку, пересчитал собранные медики спрятал их в карман и, поругиваясь, двинулся прямо к Химику.

— Здорово!

Химик покраснел. Они уселись на фундаменте ограды.

— Вот, как видишь, филоню! — сказал Кузя и криво усмехнулся. — Полгода уже как из тюрьмы освободили, а всё не могу устроиться.

От его лохмотьев несло карболовкой и потом. Химик смотрел на опустившегося парня и вспоминал прежнего ровного шкидца Кузю. Потом сказал нарочито бодро:

— Из тюрьмы говоришь? Тут, брат, удивительного ничего нет. И я побывал.

— А ты за что? — неприязненно и подозрительно спросил Кузя и стал закуривать. Химику он папироску не предложил, отогнулся в сторону, чиркал спички, но их гасил ветер.

— Ты сразу две спички вычиркивай. Всегда надо так. Ветер в два балла — чиркай две. Ветер в четыре — вычеркивай четыре, — посоветовал Химик и потом уже ответил: — Я, брат, в тюрьму за воровство попал.

Воровство Химик приплел для того, чтобы расположить к себе бывшего шкидца. Но Кузя разговорчивее не стал и молча попыхивал папироской.

— Кузя, — сказал Химик: — ты Федорку не встречал?

— Нет. Храпу, Калину, Женьку встречал. В ночлежке на Стремянной. А Федорку нет.

Химик сидел и, поглядывая на Кузю, думал о Федорке, выгнанном из Шкиды. Химик встретился с Федоркой и долго гопничал с ним по России. Жизнь тогда не успела еще вытрясти из него последних остатков романтики, и Химик, потеряв Федорку под Рязанью, решил махнуть за границу и поступить в шпионы. Но его изловили на пограничной полосе. За это Химик и познакомился с кингисеппским исправ-домом и Особым отделом. Порывавшийся уйти, Кузя докурил и спросил:

— Викниксора не видел, не знаешь, что с ним?

— Нет.

Химик соврал опять. Викниксора он видел, слышал, что тот после Шкиды устроился опять завом в другую школу, но и там его сняли с работы. Химик не сказал об этом, зная, что Кузя начнет злорадствовать. А Викниксор в представлении Химика вставал уже не врагом, не мучителем, а просто человеком, натворившим ошибок и не сумевшим вовремя поправить их.

— Вот Сашке, — в голосе Кузи зазвучала зависть и злость, — повезло дьяволу, — сам халдеем стал.

— Не завидуй, вышибли его, — ответил Химик.

Бывшие шкидцы встали.

— Идем в столовку, пошамаем! — предложил Химик.

— Не хочу! — Кузя протянул руку, словно прощаясь, но спросил: — А сам где работаешь?

— Тумбы считаю, — ответил Химик. — Ведь ремесла не знаю, да и рука мешает. Образования нету, ну и торговал папиросами, но бросил, надоело.

— А сейчас?..

— Сейчас? — понизил голос Химик. — Я, брат, сейчас книги пишу, очерки из своей жизни…

— Так, — равнодушно сказал Кузя. — Мне пора в ночлежку.

Химик смотрел вслед уходившему Кузе. Химику захотелось окликнуть его, сказать ему что-то важное, чего Химик и сам не знал. Но он вспомнил, что всё будет бесполезно и они не найдут общего языка. Пробормотав: "Здорово шкидцы поустраивались — на руко-протяжных фабриках", — он невесело усмехнулся.

2

По Вознесенскому к улице 3 Июля шел Купец. Одет он был неважно. Детские штаны из чёртовой кожи еле вмещали толстые, как чурбашки, ноги, а широкой груди было тесно в ситцевой рубашонке. Купец шел и улыбался, оглядывая прохожих. Впрочем, лицо его было сумрачно, а глаза хмуры. Жизнь научила Купца улыбаться нутром, незаметно для окружающих. У Садовой он увидел паренька чуть поменьше его самого. Парнишка сидел на ступеньке подъезда и отдыхал. Рядом сияли желтым лаком поставленные к стенке новенькие стульчаки.

— Здорово! — закричал Купец, узнав в пареньке Кубышку.

— Ну, как поживаем? — спросил Кубышка.

— Я поживаю не плохо, — оглушительно гаркал Купец. — Я, можно сказать, свою точку нашел. На завод поступаю.

И рассказал, как, получив бумажку о том, что он выгнан из школы за хулиганство, голодал и бедствовал, не находя себе работы, как пришел к своему дяде.

— Да прихожу это к нему, он шишка, может устроить, — говорил Купец. — Насчет работки. А он спрашивает, что умеешь делать, что знаю. "Знаю, — говорю, — немецкий язык". — "Не то, какое ремесло знаешь?" Потом и говорит: "Чему же, вас там учили?" А я всё помалкиваю. Но все-таки устроил в Петропавловскую крепость, пилить дрова. А потом кирпич носить на постройках. А теперь вот надорвался, порок сердца получил, и доктор сказал, что меня на легкую работу переведут, на завод.

— Молодец, — сказал Кубышка, и рассказал в свою очередь о своих бедствиях, пока один старичок не взял его к себе в

помощники — делать стульчаки.

— Надо заказ снести, — закончил Кубышка и поднялся. Купец помог ему поднять на плечо стульчаки.

— И я тоже скоро поступлю, — с таинственным видом сказал, прощаясь, Кубышка: — на фабрику. Я ведь через эти стульчаки квалификацию получил. Могу столярить.

На прощанье Кубышка показал Купцу комсомольский билет. Купец шел дальше, чувствуя, что и Кубышка стал на свою точку. От этой мысли сделалось до того весело, что Купец широко, по-настоящему улыбнулся. Улыбнулся солнцу, пешеходам и той жизни, которая не всегда бывает хорошей и легкой, но всегда помогает человеку найти свое место, по своим силам и способностям.

3

Почти пять лет отделяют нас от конца Шкиды — многое уже забылось, повыветрилось из памяти, стало далеким и смутным, — и хочется сказать ещё несколько слов, предупредить от поспешных выводов.

Ошибкой будет считать основой зла Викниксора. Он много отдал сил и здоровья школе, работал не покладая рук и не его вина, разумеется, что Шкида всё-таки развалилась. Отдельные личности мало что могут здесь сделать. Они могут быть и бывают хорошими в отдельности людьми, добрыми и отзывчивыми. И неудачи в их работе обычно приписывают времени, стечению обстоятельств, исключительно неблагоприятному положению.

Но когда людей этих тысячи, когда детдома начинают трещать и разваливаться, когда под развалинами их губятся и калечатся человеческие жизни, — это уже не ошибка, не исключение из правил, не стечение обстоятельств, это — система…

И трудно изучить или распознать её. В каждом детдоме существуют две самых противоположных личины. С одной стороны сладенькая, улыбочная, самодовольно-бренчащая связкой пустопорожних достижений, личина конференций, выставок, учетов, кабинетов разных научных и ненаучных исследований, — личина для гостей посетителей и начальства, а с другой стороны:

"Каждый год бунт.

В декабре 1927 года. В августе 1928 года. В июне 1929 года.

Последний бунт превосходил предыдущие по размаху и по последствиям. Одних стекол было выбито сорок. Наряд из восьми милиционеров оказался недостаточным. Прибыл дополнительный отряд. Прибыла пожарная команда. Два часа продолжались осадные действия и только в конце этих двух часов милиция проникла в помещение… 53-го детдома.

Нужно отметить, что следствие было произведено чрезвычайно добросовестно. За непосредственными виновниками сумели увидеть тех, кто изо дня в день воспитывал в детях злобу и месть.

Обвинительное заключение начинается установлением факта: "В течение нескольких лет в детдоме практиковалось избиение воспитанников". Было даже специальное словцо: "волокать"…

Босых воспитанников "в наказание" посылали по снегу за дровами. Долгое время в доме существовал изолятор с решетками.

Бунты против воспитателей возникали как следствие системы". [8]

"Бунт, который приключился в детдоме в июле, и был вызван избиением воспитанников. Так и расценило это предварительное следствие, которое, по мнению преподавателей, должно было привлечь к ответственности только детей и которое привлекло к ответственности в первую голову преподавателей.

Подсудимые воспитанники превращаются в обвинителей. Их показания звучат жестче и отчетливее лицемерных показаний воспитателей.

Кто-то в детдоме плюнул.

— Кто? — допытывается воспитатель.

Воспитанник — член санитарной комиссии — не знает, и воспитатель тычет его лицом в плевок.

В этом случае, который обрамлен мелкими эпизодами избиений и затрещин, отражено все то унижение, которым воспитывали чувство мести и хулиганскую безудержность воспитанников". [9]

Мы живем в эпоху, когда распадаются старые хозяйственные формы, когда отмирают целые общественные классы, когда на новых основаниях строятся новые общественные отношения людей, "когда семья перестает всё больше и больше быть определенной экономической единицей — семейное воспитание меняет свой характер, его положительные стороны слабеют,

возможности суживаются, оно все меньше и меньше удовлетворяет и самих родителей и ребят". [10].

И сейчас вплотную подойдя к вопросу об обобществлении воспитания, когда нужно сделать резкий выбор в путях работы с трудновоспитуемыми: или признать оправданной систему принудительное воспитание "за решеткой с вооруженной стражей", или идти по линии общественно-трудового воспитания на основе самодеятельности при развернутой самоорганизации" [11], под контролем и при самом близком участии советской общественности, когда и теперь ещё у нас висят на буферах, на подножках поездов, околачиваются на вокзалах и рынках, ночуют в мусорных ящиках, асфальтовых котлах, ночлежках, — сотни и тысячи беспризорных, которых поставляет семья [12], сотни и тысячи которых попадают ежегодно в детские дома, и что же получится там с ними, если воспитывать их будут приемами Шкиды.

И не надо уверять себя, что Шкида — печальное исключение. Шкида не была исключением: история её роста и гибели — это история целой педагогической системы… Детдома в условиях этой же системы обречены пройти и проходят свой скорбный путь.

Система устрашений, система штрафов, наказания, изоляция, система кулака процветает и является основой педагогических воздействий в детдомах, основой современной дефектологии.

Хотя ничего нет обманчивее всей этой системы. Она развращает самих воспитателей уже одной первоначальной легкостью, с которой устрашенные воспитанники начинают подчиняться и трепетать. Но проходит время, трепет исчезает, война воспитанников с воспитателями становится традицией, а наказания необходимостью, которые отбывать даже будет молодечеством, и появляются теории, вроде Иошкиной…

— Тот не шкидец, который трижды не побывал в пятом разряде…

А тот, кто попадал в последний, пятый разряд, мог выбраться из него только через месяц, а месяц он лишался прогулок, отпусков, обедал стоя, ходил одетый в рвань и т. д.

Через месяц, если у шкидца не было ни одного плохого замечания, его переводили в четвертый, тоже штрафный разряд, откуда через неделю он попадал в третий разряд, где ему давались некоторые права: право еженедельного отпуска, право обедать сидя и право требовать, чтобы выдали вместо рвани хорошую одежду.

Просидев неделю без плохих замечаний, шкидец переходил во второй разряд, а если у него месяц не было замечаний —

переводили в первый разряд и он получал еще право ежедневной прогулки.

Словом, для того, чтобы попасть из пятого разряда в первый требуется три месяца. Но для того, чтобы из первого разряда попасть в пятый не потребуется и трех минут. Стоит лишь попасться под горячую руку халдею.

И ребята привыкают и приспосабливаются и к этой системе. Если им не разрешают гулять — гуляют без разрешения, не разрешают отпуска — идут самовольно, велят обедать стоя — не слушают, дают для носки рвань — добывают хорошее кражей.

Вот когда школа дойдет до такого предела, пятый разряд уже никого не устрашает: ребят заключают в изолятор (карцер), на день — на два, на неделю, а когда изолятор не помогает, выгоняют из школы совсем, хотя чаще случается, что выгоняют сразу, минуя все инстанции.

Но ребята и здесь привыкли ко всем скорпионам. Они стали двуличными и двужильными: обычное наказание — запись в "летопись" — считали пустяком, перевод в пятый разряд принимали как должное; при остракизме, на записках писали похабщину и даже считали не по-товарищески сидеть в нештрафных разрядах… Бейте лошадь — она привыкнет к ударам, но не бейте ребят, потому что они не только привыкают, но и помнят, кто бил… И когда увидят, что враг ослабел, когда видят, что воспитатели одиноки, разрознены — тогда начинается великое избиение: бьют нещадно и бешено, как только можно бить действительно врагов и притеснителей.

В редком детдоме не происходило подобных баталий. Воспитатели на время бунта или разбегаются или отступают, вызывается милиция, ребят "успокаивают", а потом оправившийся педсовет распределяет кого куда: кого в Лавру, кого в реформаториум, кого в Пересылку.

Но после этих удалений буза уже не прекращается: она затихает только на время, и потом вспыхивает снова и с новой силой. Снова бьют воспитателей, снова гремят стекла и ставятся баррикады, снова вызывают милицию и снова после этого партия ребят отправляется в детские тюрьмы. В промежутках между двумя бунтами ребят тоже отправляют туда: по одному, по два, группами, либо просто вышибают, либо, наконец, они убегают, сами.

И часто идешь по улице, вдруг окрик: "Здравствуй, стой". Встретился человек, с которым где-то, когда-то встречался — не то в карантине, не то в распределителе, не то в детдоме. Потом начинается разговор — вспоминаем, перебираем "своих", с кем раньше жил под одной крышей, вместе учился и работал… Как

несколько дней назад попался навстречу паренек. Вместе случилось быть несколько лет назад в институте одного высоконаучного, высокомудрого профессора. Этот паренек теперь выбился из старого, выбился с большим трудом и сейчас кончает политехникум. Разговорились. Разговор был невеселый, мелькали слова "Кресты", исправдом, принудиловка. Рассказал про товарищей по институту: этот в Нарыме, двое в Соловках, двое в тюрьме, а Володя Черепанов расстрелян…

Так кончали многие. А они были вовсе неплохими людьми, были хорошими товарищами — умными, способными, развитыми, были тем немного подпорченным сырьем, которое надо бы было тщательно обработать, верно отшлифовать, — но в том-то и дело, что инструментом шлифа служила здесь не педагогика, а муштра, — не воспитание, а устрашение, — не наука, а вивисекция. И вот результат…

Некоторые шкидцы выбились в жизнь, стали полезными и выправившимися людьми. Но они встали на ноги только после того, как были изгнаны из Шкиды, когда Шкида отказалась от них и встали на ноги, стали честными людьми самостоятельно, не потому что такими их сделала школа, а потому что они были люди более крепкие, более выносливые, более сильные и приспособленные.

А, между тем, все, кто оставлял Шкиду, кто изгонялся прочь, казалось, всего менее был приспособлен к жизни.

Им-то как раз всё равно, какой ширины у них череп, им-то как раз не пригодились знания древних и новых историй.

Что толку, если они немного подучились, поумнели, а дальше — на пол-дороге, недоучками вышвырнуты из школы.

Они поумнели, поразвились — правда, но эти общие нахватанные знания только повредили им, потому что не сообщили никаких полезных навыков, не укрепили ни воли, ни сознания ребят (а кому было крепить), и по изгнании это только толкнуло искать более легких, прибыльных и нетрудных занятий…

Да, ребята поумнели, поразвились, понахватались знаний, но "умный мошенник во сто раз опаснее глупого", — а встречи со своими бывшими товарищами, которые попрошайничают на улицах и рынках, городушничают, гопничают, живут по ночлежкам, по вокзалам, по лаврам — такие встречи нередки. Выбились в люди единицы, а пропали десятки…

Шкида расчитывалась на отборных учеников, и для этого Викниксор бродил по всем распределителям города и отбирал для себя способных ребят. Но при полном отсутствии производственно-трудовой базы, при резко-противоположных

устремлениях воспитателей и учеников ("тутеры и комсомол"), Шкида — эта последняя гимназия с "классическим" образованием, со всевозможными педагогическими ухищрениями — экзекуциями-штрафами, разрядами, изоляторами — неизбежно должна была крахнуть. Распад Юнкома был началом конца…

Когда же один за другими все способные ученики были повышиблены, а на их место пришло обычное ребячье сырье из реформаториев, детских тюрем, распределителей — ясно стало, что работать старыми методами нельзя, нельзя делать из ребят паразитов и приучать их к сознанию этого. Но в том-то и дело, что Шкида, построенная по буржуазным канонам и приемам буржуазной школы, не в силах была переродиться, и надо было строить школу сначала.

После ухода Викниксора в Шкиде была произведена коренная ломка всего уклада. Одна за другой открывались мастерские. Понемногу начали учить ребят ремеслу, плотничать, сапожничать, точить, переплетничать. Знали (а если не знали, то тем еще лучше), что там в жизни — у станка, на заводе, в конторе или за прилавком — там шкидец выправится лучше, втянется в работу: нужно только подготовить его к этому, а для того нужно приучить к труду, заставить полюбить его, чтобы меньше стало пропадать лишних человеческих жизней, меньше уходило из школы на дно, а больше тянуться вперед к работе, чтобы если не гении выходили, не писатели, режиссеры, учителя, — выходили столяры, плотники, переплетчики — выправившиеся люди.

Но и теперь не надо преуменьшать трудностей, не надо закрывать глаза на недостатки. Их много, очень много в системе воспитания и в новой Шкиде. Здесь много чего еще надо сделать, еще много трудностей надо преодолеть в борьбе за подлинно-трудовое социальное воспитание. Но путь выбран правильный и он приведет к верной цели.

А в детдом старого шкидского типа надо забить крепкий осиновый клин, и чем скорее это сделать тем лучше.

notes

Примечания

1

Викниксор.

2

Лавра — распределитель, нечто вроде детской пересыльной тюрьмы. Теперь закрыта.

3

С подлинного.

С подлинного.

С подлинного.

С подлинного.

С подлинного.

8

"Смена" 8/X- 1929 г. Суд.

9

Смена 5/XI- 1929 г. Суд.

Н.К. Крупская.

11

Доклад Данишевского на III съезде по охране детства.

12

В 1925 г. семья дала 34 % правонарушителей, в 1926 — 55,4 %, в 1927-66,5 %, в 1928 — 80 %.